

ЛЕНИН
ОГОНЁК
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА», МОСКВА
№ 48 НОЯБРЬ 1983

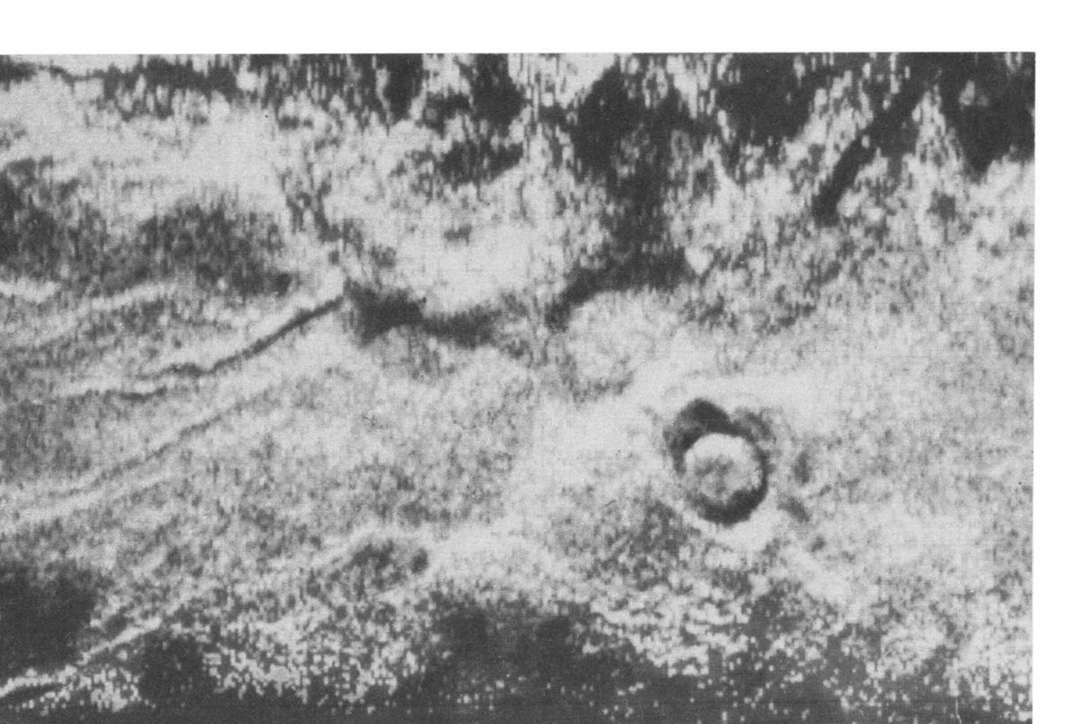
...Счастливые лица, радостные улыбки — все это есть на фотоснимке. Но ни одна фотография не смогла бы передать ту гордость, взволнованность людей, ту приподнятость обстановки, которые царили в бригаде шлифовщиц. Да, на заводе уже давно шла слава о делах бригады Валентины Андреевны Степиной, здесь шлифовщиц не раз поздравляли с трудовыми успехами. А теперь узнала уже вся страна, что есть на Московском станкостроительном заводе имени Серго Орджоникидзе такая бригада и что ее руководителю присуждена Государственная премия СССР.

По предложению В. А. Степиной два года назад шлифовщицы объединились в бригаду, перешедшую на единый наряд. И, может быть, дела бригады не дали бы такого ощутимого эффекта для всего заводского производства, если бы ее примеру не последовали другие — сейчас в цехе по единым нарядам трудится большинство рабочих. А сама бригада работает в счет 1985 года.

На снимке: бригадир В. А. Степина (в центре) со шлифовщицами Н. Кутаковой и Р. Откиной.

Фото М. Савина

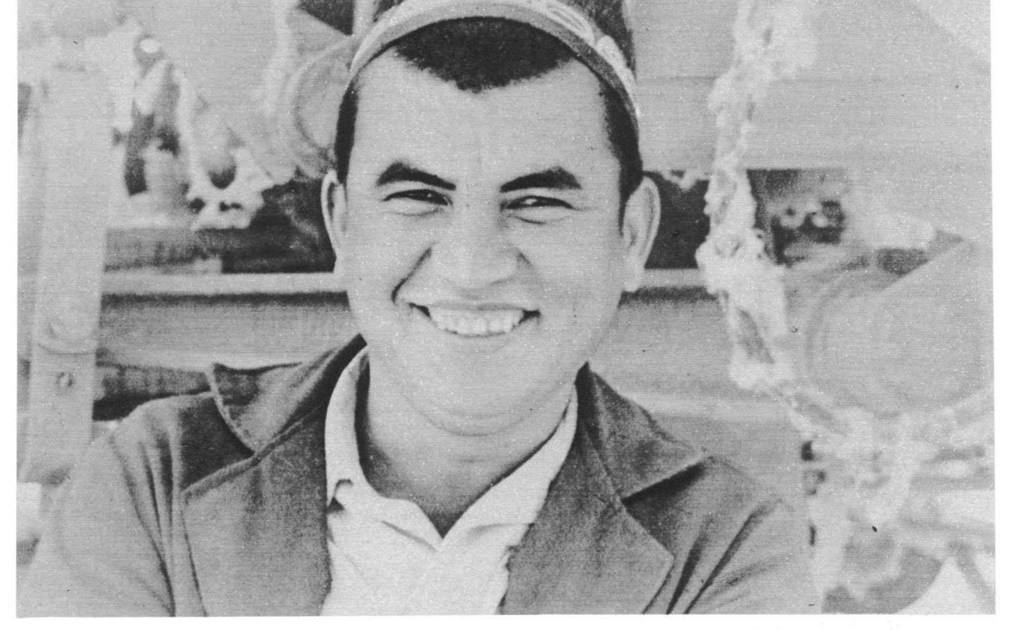
НОВОЕ О ПОВЕРХНОСТИ «УТРЕННЕЙ ЗВЕЗДЫ»

Успешные результаты радиолокационных съемок поверхности Венеры получены с помощью автоматических межпланетных станций «Венера-15» и «Венера-16». Так выглядят радиолокационные изображения поверхности Венеры: вулканические купола, извилистые гряды на равнине, примыкающей к куполам. Они тоже имеют вулканическое происхождение. Похожие гряды широко распространены на базальтовых равнинах лунных морей. Разрешение изображений около 1,5 километра на поверхности Венеры.

(ТАСС)

Шестой миллион тонн хлопка-сырца собирают земледельцы Узбекистана и сотни тысяч горожан, пришедшие к ним на помощь. Этот снимок сделан в один из погожих дней осени в колхозе имени Тимирязева, Ташкентской области.

(См. репортаж В. Костыри «Осенний пульс поля». Стр. 4.)

На снимке: водитель хлопкоуборочной машины Хуррам Ишанкулов.

Фото В. Сваричевского

УДАРНЫЙ ФИНИШ ГОДА

Кажется, еще совсем недавно на вагончиках и в поселках Центрального участка БАМа пламенели призывные полотнища: «Даешь Чару!» И вот победа! Недавно первый рабочий поезд прибыл на станцию Чара.

На снимке: момент укладки рельсов — перед «зеленым» на Чару.

Фото Л. Свердлова (ТАСС)

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

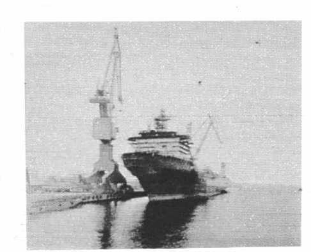
ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

Основан 1 апреля 1923 года

№ 48 (2941)

26 НОЯБРЯ 1983

В НОМЕРЕ:

БЕСЕДА В КРЕМЛЕ

22 ноября Председатель Совета Министров СССР Н. А. Тихонов принял в Кремле председателя французской части Постоянно действующей смешанной советско-французской «большой» комиссии, министра внешней торговли и туризма Франции Э. Крессон, находившуюся в СССР в связи с проведением XVIII сессии комиссии.

На снимке: перед началом переговоров.

Фото Дм. Бальтерманца

ОСЕННИЙ ПУЛЬС ПОЛЯ

Трудная «белая» страда ● И машинами и вручную ● План выполнен! — рапортуют передовики ● На хирмане — свыше 5 миллионов тонн хлопка-сырца.

В конце октября многие хлопковые поля республики, и особенно Ташкентской области, были словно бы припорошены редким снежком. Но это был не снег. Это белела самая трудная для уборки часть коробочек, оставшихся после последних проходов машин. К сожалению, пока еще только человеческие руки способны извлечь крепко застрявшие на кустах такие комочки «белого золота», выковырнуть из почвы придавленные шинами комбайнов пушинки — и в фартуки их, в фартуки, в фартуки!

На полях многолюдно: идет зачистка полей. Пульс рабочего напряжения на этой операции особенно учащен — в почти невесомых дольках хлопка-сырца заключены те самые центнеры урожая, которые нужны для выполнения плана. И социалистических обязательств.

— Лучше тяжелые камни с целинного участка собирать, чем эти пушинки,— сказала одна из девушек, которых бригадир Рашид Раззаков собрал на обочине поля для группового фотоснимка лучших подборщиц хлопка в колхозе имени Тимирязева Букинского района.

Работавшие в поле девушки долго вроде бы и не слышали его окликов, не замечали его приглашающих взмахов руки. Шли и шли по междурядьям в полупоклоне, словно плыли саженками, не оставляя за собой ни единого пенного бурунчика.

— Откуда такое усердие? — лукаво переспросил меня Рашид Раззаков, беспокойно поглядывая на все еще бирюзовое небо с клубящимися пока лишь на горизонте темными осенними облаками.— А не обидно ли было бы, скажем, вам потерять рабочий блокнот с цифрами и заметками, перед тем как писать свой репортаж? — дал он мне почувствовать остроту ситуации.— Вот и они с весны трудились-трудились, а хлынет дождь, и начнутся потери, под угрозой их обязательство! Значит, и по карману может чувствительно ударить непогода... План-то уже есть! — заметно повеселел он.— Хоть и на две с половиной недели позже прошлогоднего срока, но есть! И по всему колхозу и по району!

Букинцы третьими в Узбекистане месяц назад рапортовали о выполнении плана, отправив на заготовительные пункты 66 250 тонн первоклассного, не подпорченного сыростью хлопка-сырца. Причем машинами было собрано свыше 86 процентов урожая. Речь шла о том, чтобы дать Родине дополнительно еще десять тысяч тонн.

— Прогрессивная технология возделывания хлопчатника выручила нас и в этом году,— объяснил трудовой успех букинцев первый секретарь райкома партии Тухтамурад Исламов.—Погода погодой, но главное в том, что мы были заранее готовы к новым, значительно повышенным требованиям к качеству волокна, которое получается из нашего хлопка. Прежде весь «бункерный», то есть собранный машинами, хлопок принимался первыми сортами, а теперь лишь часть его, собранная до непогоды. Значит, нужен ранний хлопок! Его-то мы и производим уже не первый год. Ныне тоже, хотя пришлось маневрировать, преодолевая то редкое весеннее безводье, то убийственный для завязи июльский зной.

С первых дней «белой страды» на полях района работало более сорока уборочно-транспортных отрядов. В их распоряжении свыше четырехсот хлопкоуборочных машин, более тысячи тележек, сотня ворохоочистителей.

Здешние механизаторы с первых дней страды взяли хорошие темпы. Правофланговые в социалистическом соревновании водителей «голубых кораблей»—А. Амантаев и Н. Нуралиев из колхоза «Коммунизм», К. Бесбаев, Э. Ачилов, С. Усеиков из колхоза «40 лет Октября», А. Дадабаев, Т. Кушмирзаев из колхоза имени Фрунзе, Х. Ишанкулов из колхоза имени Тимирязева и многие другие — ежедневно выгружали из бункеров по 12—14 тонн. Характерно, что лучшие хозяйства района обычно убирают урожай собственными силами. Даже в нынешнем году, когда из-за позднего созревания урожая шефская помощь оказалась необходимой почти повсеместно. Букинцы горячо благодарны труженикам городов Ангрена и Янгиабада, Орджоникидзевского района, которые буквально спасли немалую часть драгоценного сырья.

...С механиком-водителем Хуррамом Ишанкуловым мы встретились на обочине поля, где шла подборка последних «снежинок» сырца вручную. Его комбайн был серым от пыли, сам водитель — хмур, невесел, как и погода: начал накрапывать дождь.

— Вы довольны итогами работы?

— Личными? Поработал, как и мои товарищи, на пределе...— И, словно вспомнив главное, озарился вдруг белозубой улыбкой: — Хлопка по прежним меркам, то есть по валу, меньше, а высококачественного волокна из него будет больше! И курс на будущее всем ясен. Наши земледельцы говорят: «Ранний хлопок — на уборке меньше хлопот».

В. КОСТЫРЯ,
собкор «Огонька»

ТРИДЦАТЬ ПЕРВЫЙ

Дружат страны — дружат люди

29 НОЯБРЯ — НАЦИОНАЛЬНЫЙ ПРАЗДНИК СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ ФЕДЕРАТИВНОЙ РЕСПУБЛИКИ ЮГОСЛАВИЯ — ДЕНЬ ПРОВОЗГЛАШЕНИЯ РЕСПУБЛИКИ.

Сегодня под нашей новой рубрикой мы рассказываем историю одного снимка, на котором вы видите товарищей военных лет. В «Огонек» часто приходят письма, в которых читатели пишут о дружбе с братскими социалистическими странами. Да, дружат люди, дружат страны. Так родилась эта рубрика.

Памятный для меня снимок сделан, когда в Севастополь с дружеским визитом приходили югославские военные корабли. Побывав у командования эскадры, я поинтересовался, есть ли среди моряков участники минувшей войны. Мне ответили: есть! Например, на эсминце «Пула» помощник командира капитан-лейтенант Емиль Грубишич.

Я отправился на эсминец, познакомился с капитан-лейтенантом. Оказалось, что он во время войны партизанил. В сорок четвертом был тяжело ранен, и советский самолет вывез его в итальянский порт Бари. Я сказал, что в те годы тоже побывал в Бари, служил в авиации. Емиль пристально на меня посмотрел и схватил за руку.

— Ты же мне свою шинель отдал!

— Какую шинель?

— Ну вспомни! Я ранен был, забинтованы голова, плечо!.. Меня летчик Михайлов на ваш авион тридцать первым взял! Жизнь мне спасли.

Емиль потащил меня в кают-компанию, усадил за стол, и за бутылкой доброго вина начались воспоминания.

...Порт Бари. Его узенькие, мощенные плоским камнем улицы круто сбегают к морю. В гавани над торчащими из воды трубами и мачтами английских кораблей, потопленных фашистской авиацией, с криками кружат чайки. Повсюду слышится разноязыкий говор солдат союзников.

Возле города находился большой английский аэродром. Здесь базировалась и группа советских транспортных самолетов, летавших к югославским партизанам.

Вылетели, как всегда, на закате. Командир нашего экипажа, Герой Советского Союза, ныне заслуженный пилот СССР Павел Михайлов получил строгий приказ не перегружать самолет: партизанский аэродром крохотный, взлет будет сложный.

В назначенное время мы увидели сигнальные костры партизан. Помигали бортовыми огнями. В ответ тьму над землей прочертила зеленая ракета: нас ждали. Приземлились нормально, но аэродром действительно оказался очень маленьким. Невдалеке гремел бой: трещали автоматы, с характерным звоном рвались мины — гитлеровцы наступали.

Раненых оказалось много. Пока выгружали из самолета боеприпасы, командир отряда отобрал пятнадцать человек. Все были босиком и в одном белье: одежду и обувь оставляли в отряде для тех, кто воюет. На земле лежали и сидели раненые, которым не хватило места. Они не просили увезти, не жаловались, просто смотрели на нас. И в их глазах было столько надежды, что Михайлов не выдержал и приказал погрузить еще пятерых. Я ему говорю: «А как же приказ?» Он только рукой махнул и пошел еще раз осматривать площадку. Попросил свалить несколько деревьев и тем удлинил полосу метров на тридцать. Вернулся и сказал командиру отряда, чтобы погрузил оставшихся десять человек.

Убрали самолетный трап, хотели уже запускать моторы, как несут еще одного раненого. «Возьмите. Не возьмете — он умрет!» Михайлов даже охнул:

— Это же тридцать первый, а с вашего пятачка и порожняком-то взлететь мудрено! — Однако отказать не смог.

Павел Михайлов был блестящий летчик, но тот его взлет мне запомнился на всю жизнь. Возле самолета стояли партизаны, и костры отбрасывали на их встревоженные лица багряные блики. Запустили моторы. Михайлов начал взлет. У самого конца полосы он плавно взял штурвал на себя. Машина тяжело, словно нехотя оторвалась от земли, на секунду как бы зависла в воздухе, но потом стала послушно набирать высоту. По лицу Михайлова стекали струйки пота.

Я зашел к раненым. Тридцать первый тихо стонал, он потерял много крови. Я накрыл партизана своей шинелью. Через два часа мы приземлились в Бари, югославов сразу погрузили в санитарные автомобили, а моя шинель так и уехала с тридцать первым...

Емиль поднял бокал за наши экипажи, которые садились на аэродромы югославских партизан.

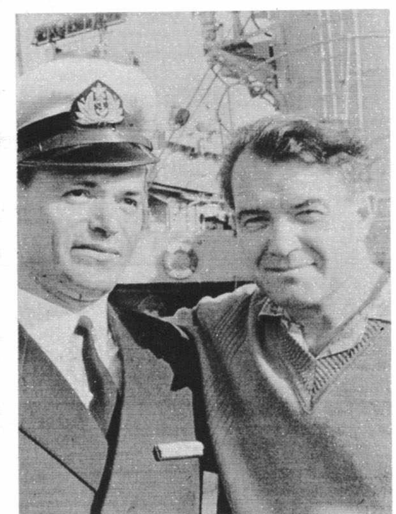
— Для нас,— говорил он,— ваша помощь была жизненно необходима. Вы привозили нам оружие, боеприпасы, медикаменты... Но самое главное, каждый из нас знал: если будет тяжело ранен, то не погибнет, русский авион доставит его в госпиталь. А ты же сам знаешь, как опасно к нам было летать. И еще, всех очень радовало, что помощь оказываете вы — русские. Так издавна повелось: в трудную для нас годину всегда на выручку приходила Россия. Наш народ это знает.

Емиль закурил и, глядя на сизый дымок сигареты, продолжал:

— Ведь вот помню, пришла к нам в отряд старушка из какой-то дальней деревеньки. Спрашивает, когда русский авион прилетит. А тут фашистские пикировщики пожаловали. Началась жестокая бомбежка. Старушку спрятали в укрытие. Она от страха плачет, молится. А потом, когда узнала, что русские прилетят дня через четыре, осталась. И, представляете, жила старая в отряде неделю. Мы бой ведем, кругом стрельба, бомбежка. А старушка не уходит. И дождалась. Подарила русскому летчику пяток не то груш, не то яблок, перекрестила его, поцеловала, в пояс поклонилась и ушла очень довольная.

И еще помню, как у нас из-за плохой погоды потерпел аварию советский авион. Поломал шасси. Летчик был в отчаянии. Партизаны уйдут в горы, а днем прилетят «юнкерсы» и уничтожат самолет. Но мы летчика утешаем: «Не горюй, друже, поможем!»

Сразу же послали своих ребят в окрестные села сказать, что русским нужна помощь. И скоро стали приходить крестьяне — кто нес куст, кто срубленное деревце. К рассвету на том месте, где стоял русский авион, вырос молодой лесок. А поломанное шасси

Встреча на эсминце «Пула». Слева — Емиль Грубишич.

нужно было сварить. Партизанские же мастерские находились высоко в горах, дорогу к ним перерезали фашисты. У нас в отряде были бравые парни, настоящие скалолазы. Они взяли поврежденные детали на плечи, взобрались по отвесной скале и доставили их в мастерские. Через сутки самолет починили, и он улетел к своим.

...За воспоминаниями время летело незаметно. Мы выпили еще за солдатскую дружбу, за дружбу наших народов и мир на земле. А потом сфотографировались вдвоем на борту эсминца «Пула».

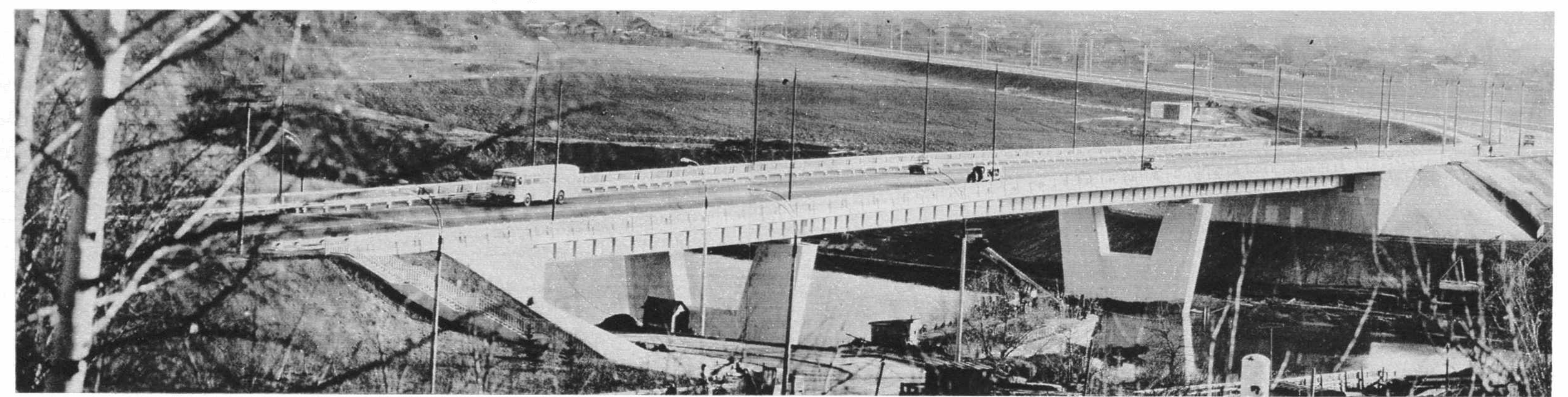
А. ГОЛИКОВ

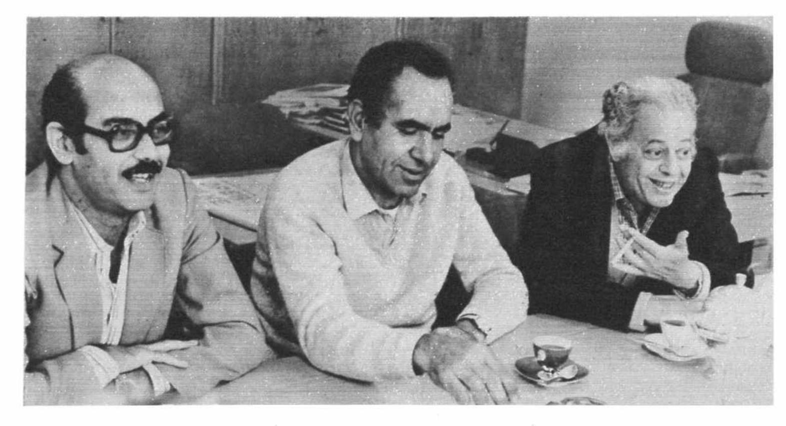
КРАШЕ СТАНОВИТСЯ СТОЛИЦА

В многочисленной «семье» мостов-красавцев через Москву-реку пополнение — мост в Крылатском. Он очень нужен всем жителям столицы, но особенно жителям двух районов Москвы — Ворошиловского и Кунцевского. С вводом этого моста москвичи и гости Москвы получили удобную транспортную артерию к Олимпийскому велотреку и Гребному каналу, к зонам отдыха, к парку Фили — Кунцево.

На снимке: новый мост в Крылатском.

Фото В. Кошевого (ТАСС)

Слева направо: Юсеф аш-Шериф, Галяль Ареф, Мухаммед Ода в редакции «Огонька».

Дружбе не меркнуть

Редакцию журнала «Огонек» посетили три египетских журналиста. Это Мухаммед Ода — политический обозреватель еженедельника «Роз эль-Юсеф», Галяль Ареф — директор редакции еженедельника «Абхар аль Яум», а также Юсеф аш-Шериф — редактор общеарабской и военной редакции журнала «Роз эль-Юсеф». Они рассказали о проблемах сегодняшнего Египта, о немеркнущих дружеских чувствах простых египтян к советским людям.

●

МУХАММЕД ОДА:

— Мы верим в идеи Гамаль Абдель Насера — героя нации и международного освободительного движения. Верим в человека, который был созидателем прогрессивных идей, изменивших многое в Египте и в арабском мире. Мы считаем, что на нас возложена ответственность завершить миссию Гамаль Абдель Насера, выполнить ту историческую задачу, которую он взял на себя. Мы верим в свободу, в социализм, в арабское единство, верим, что путь освобождения арабской нации лежит через борьбу за национальное и социальное освобождение. Мы верим также, что основной наш союзник, постоянно поддерживавший нас и продолжающий стоять вместе с нами в длительной борьбе с империализмом и сионизмом,— это Советский Союз вместе со странами социалистического содружества и освободительными прогрессивными силами развивающихся стран.

Основываясь на этих истинах, мы постоянно оказывали сопротивление контрреволюционной политике Садата и его подручных, которые хотели воспрепятствовать политике неприсоединения и тесной дружбы с Советским Союзом и странами социалистического содружества, повернуть Египет в сторону западного мира.

Египет сегодня переживает сложный период своей истории, какие бы аспекты жизни мы ни взяли: военные, экономические, культурные. Но наследие Гамаль Абдель Насера живет и по сей день. Я имею в виду ту экономическую и технологическую базу, тот культурный базис новой цивилизации, который он заложил. Президент Гамаль Абдель Насер преуспел в создании этого огромного базиса жизни с помощью двух факторов. Во-первых, он опирался на силы простого египетского народа. Полностью, безоговорочно. Затем он открыл всю ценность и неисчерпаемую глубину дружбы между двумя странами: Египтом и Советским Союзом. В течение долгих одиннадцати лет правления Садата силы международного империализма, арабской и египетской реакции, силы сионизма пытались ликвидировать начисто все заложенное Гамаль Абдель Насером.

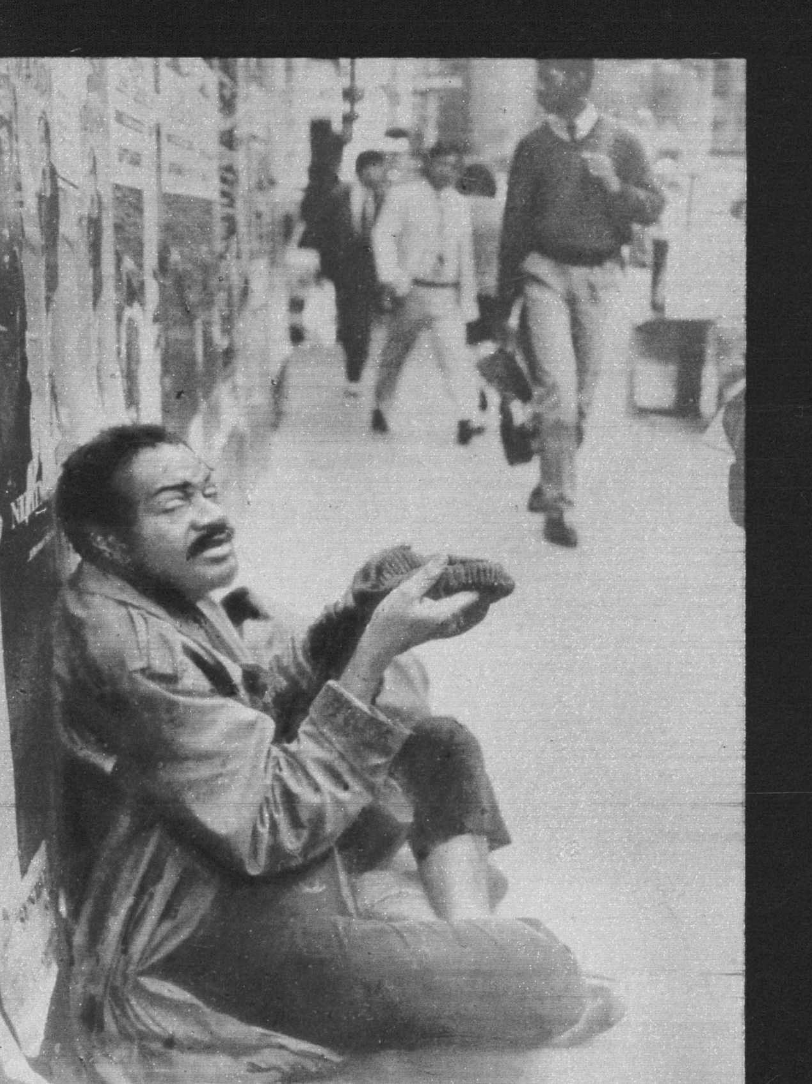
Сегодня существуют, по сути дела, два Египта. Во-первых, это «насеровский» Египет, который представляет большинство народа: рабочие, феллахи, деятели культуры, мелкая буржуазия и представители национальной буржуазии, военные, то есть все слои египетского общества. Вспомним, что во времена Насера впервые в истории страны земля была роздана крестьянам. Впервые были построены крупнейшие промыш-

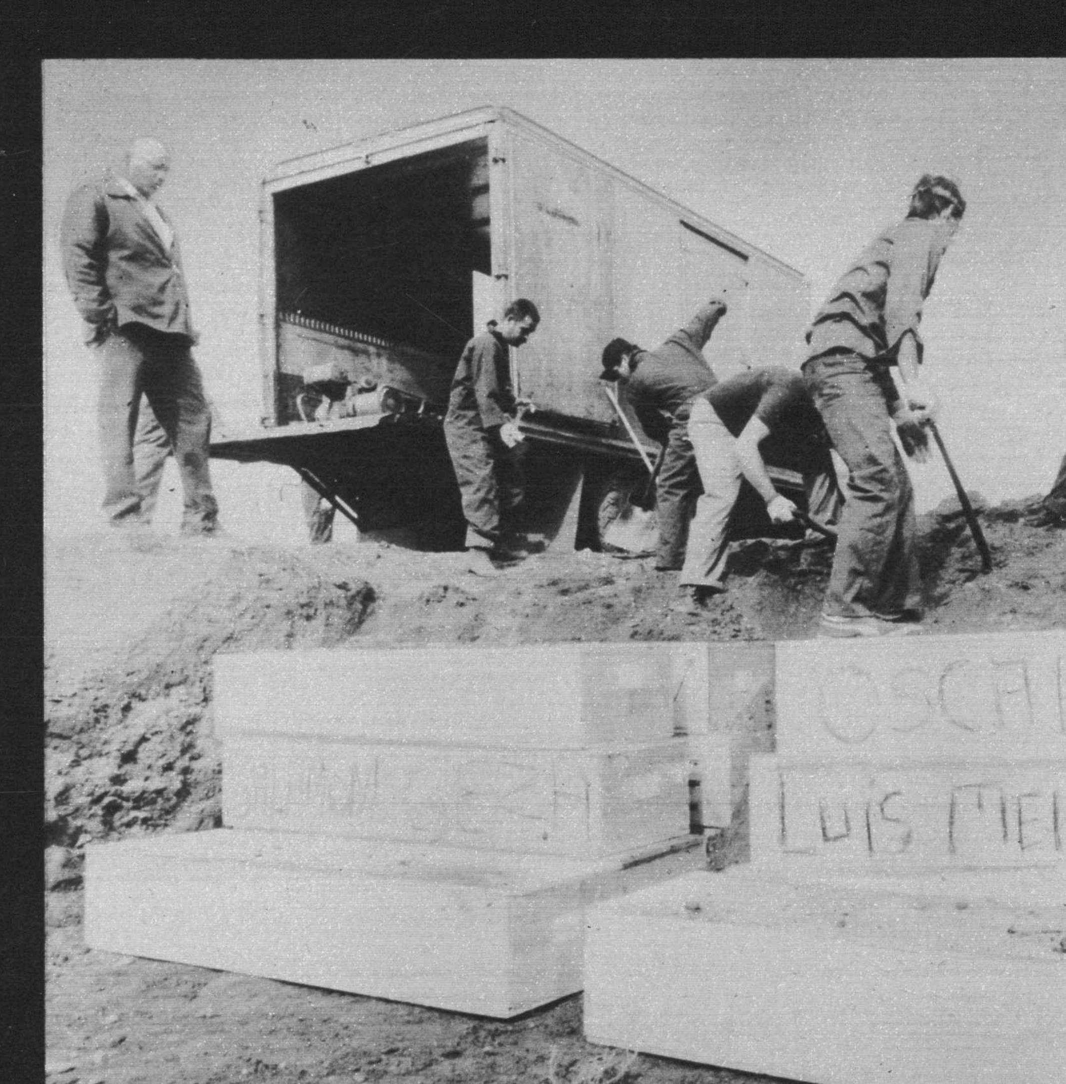

Кто эти люди! Еще вчера они могли быть фермерами или металлургами, автомобилестроителями или преподавателями колледжей.

Сегодня они без работы, без крыши над головой — типичные представители шестидесятитысячной армии нью-йоркских бездомных и бродяг поневоле. Таких, как они, находят замерзшими прямо на уличном асфальте в грудах грязного тряпья или пустых коробках, заснувшими вечным сном на станциях метрополитена, в подъездах домов и на скамейках парковых аллей. Как правило, их даже некому опознать, и на сколоченном на скорую руку деревянном ящике появляется надпись: «Неизвестный, около 25 лет, белый». В последний путь их отправляют товарищи по несчастью — те же безработные, которые за мизерную плату за несколько минут закапывают ящики с фамилиями или без таковых на одном из пригородных пустырей.

Фото Прессенсбильд — Прессфото — ТАСС

ленные комбинаты, фабрики и заводы, где стали в нормальных условиях трудиться рабочие. В результате бесплатного обучения многие люди из беднейших слоев общества смогли получить высшее образование. Они-то и представляют прогрессивный «насеровский» Египет. Это люди, верящие в антиимпериалистическое единство арабской нации, в социализм, в жизненность политики неприсоединения, в незыблемость дружбы с Советским Союзом. Многие из них долгие годы сотрудничали с советскими людьми и жили бок о бок с ними.

Существует на нашей земле и «садатовский» Египет. Это Египет спекулянтов, авантюристов, контрабандистов, валютчиков, агентов отживших слоев реакционных классов и внешних реакционных сил, представители паразитических слоев, которые существовали на земле нашей родины и во времена революционного периода. Вот эти прослойки общества и возглавлял Садат. И они полностью уверены, что их существование зависит от американского зонтика, от сионистского капитала, от арабской реакции. Сейчас идет горячая битва между двумя этими Египтами. Со смертью Садата не закончил свое существование «садатовский» Египет. Но Египет Насера набирает силы с каждым днем и с каждым годом. Сплачивает свои силы с тем, чтобы перейти в будущем к решающей конфронтации. Египет переживает важный период в своей истории.

ГАЛЯЛЬ АРЕФ:

— С детских лет мы очень много читали и слышали о Советском Союзе. Египетские переводчики художественной литературы переводили самые различные произведения русской классики и современной советской литературы. Мы воспитывались в духе тех образов, которые навевала литература вашей страны.

Мы всегда рассматривали опыт революции в вашей стране как высший идеал в нашей борьбе. Когда совершилась революция 23 июля 1952 года, Советский Союз подал нам руку дружбы. Он поддержал нас в нашей национальной борьбе. Советский Союз — это великая дружественная нам держава. И Египет стал мощной страной благодаря помощи Советского Союза. Эту мощь создал президент Гамаль Абдель Насер с помощью Советского Союза. И она оказала большое влияние на развитие национально-освободительных движений в нашем регионе да и во всем мире. Мы боролись и противостояли империализму и сионизму с помощью Советского Союза.

Мы учились у советских специалистов и военных советников, которые жили с нами как друзья и союзники. Прекрасно помнит весь египетский народ, как Советский Союз помогал развитию национальной экономики в Египте. Незабываемый вечный пример этого сотрудничества в глазах египтян — высотная плотина в Асуане, металлургический комбинат в Хелуане, алюминиевый завод и большинство фабрик и заводов, которые были построены во времена президента Гамаль Абдель Насера. Египетский народ никогда не забудет той справедливой политической позиции Советского государства, которую оно занимало, поддерживая нас в борьбе с силами империализма, в сопротивлении распространению сионизма на Ближнем Востоке. Поэтому та дружба, которую питает египетский народ к Советскому Союзу, основывается на практических, действенных, принципиальных позициях. И если произошел кризис в наших отношениях, то он ни в коей мере не затрагивает чувств всех египтян в отношении к советским людям. Эта размолвка произошла по вине режима президента Садата. Мы убеждены, что египетский народ в своей истории вновь испытает период тесной дружбы с Советским Союзом. Надеемся, что и Советский Союз также стремится к возобновлению нашей дружбы.

ЮСЕФ АШ-ШЕРИФ:

— Нам представилась действительно редкая, прекрасная возможность для того, чтобы обсудить с друзьями многие проблемы, которые волнуют народы наших стран. Мы хорошо знаем, что опыт советско-египетских связей в пору президента Гамаль Абдель Насера явился уникальным образцом установления отношений между такой крупной державой, как Советский Союз, и странами, борющимися за свое национальное освобождение.

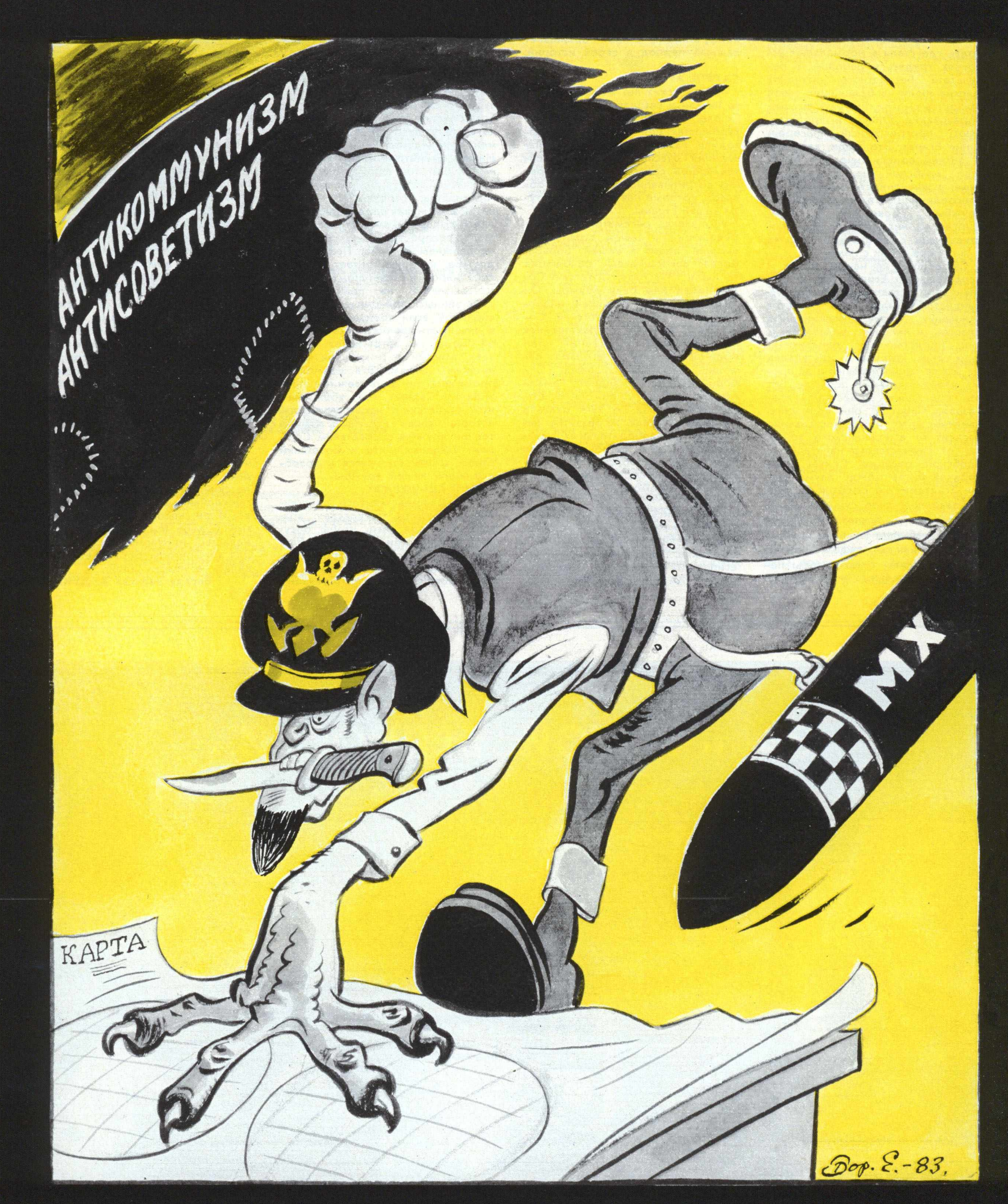
Этот ценный опыт сотрудничества, несмотря ни на что, жив на земле Египта и представляет собой редчайший образец развития дружественных связей между народами. Именно в период тесного советско-египетского сотрудничества наша страна смогла перестроить вооруженные силы, создать экономику и повести за собой борьбу арабской нации против империализма и сионизма. В пору правления президента Садата наступил кризис в отношениях между нашими странами. Все национальные патриотические силы Египта верят, что Советский Союз был и остается основным союзником в их борьбе. И мы сегодня в Египте, я имею в виду все прогрессивные патриотические силы, ведем постоянную непрекращающуюся борьбу за обретение истинного лица нашей родины — создание прогрессивной социалистической арабской страны. Эту задачу поставил перед собой египетский народ, я имею в виду все прослойки и слои нашего общества. И он, несомненно, победит в этой борьбе. Мы, литераторы, журналисты, прилагаем все усилия для того, чтобы борьба возобновилась с новой силой.

Беседу записал В. ДУНАЕВ.

ЗА «ЧЕРТОЙ БЕДНОСТИ»

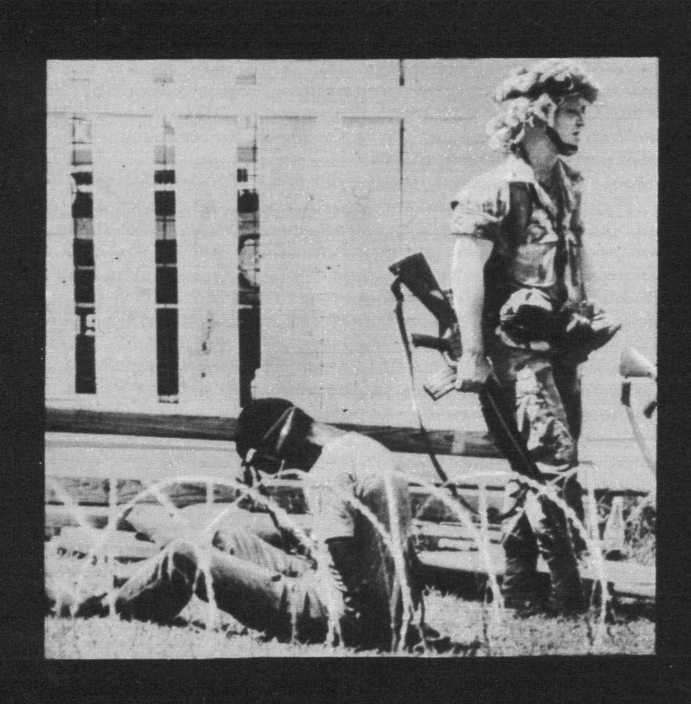

Его мораль и право,
Его девиз и флаг —
Увесистый, кровавый,
Разбойничий кулак.

Рисунок Бор. ЕФИМОВА
Стихи Ник. ЭНТЕЛИСА

«НОВЫЙ ПОРЯДОК» ПО-АМЕРИКАНСКИ

Американские войска, вероломно напавшие на Гренаду, ведут себя здесь как настоящие захватчики. Введя на острове оккупационный режим, американское командование установило на основных дорогах контрольно-пропускные пункты. Солдаты патрулируют улицы столицы и других городов. Интервенты ведут настоящую охоту на активных сторонников правительства М. Бишопа. Арестованные подвергаются жестокому обращению и издевательствам.

Телефото ЮПИ — АП — ТАСС

ИЛЬЯ ОСТРОУХОВ

Галина ЩЕРБАКОВА

Порою одно только произведение делает имя автора знаменитым и приносит ему вечную благодарную память: так случилось с картиной «Сиверко» Ильи Семеновича Остроухова. Сейчас мы можем увидеть этот пейзаж в Государственной Третьяковской галерее, основатель которой П. М. Третьяков приобрел его прямо с выставки Товарищества передвижников в 1890 году и считал украшением своей коллекции, а И. Е. Репин называл «одним из блестящих перлов Третьяковской галереи». И. Э. Грабарь, замечательный художник и крупнейший знаток русского искусства, говорил, что «Сиверко» — один из лучших пейзажей конца XIX века, хотя конец XIX века знаменовал собой необыкновенный расцвет русской пейзажной живописи.

...Суровый, холодный ветер «сиверко» пригнал низкие, свинцовые тучи, примял траву на берегу, покрыл рябью зеркало реки. Вдалеке — бескрайние поля, холмы, покрытые густым лесом. Типичный пейзаж северной русской природы: скромный колорит, знакомый всем ландшафт. Но мы чувствуем и порывы холодного ветра, и напряженное состояние природы в этот ненастный день, и ее гордую, спокойную величавость. Для своего времени произведение было необычайно новым — и по форме, и по простоте выражения, и по философскому, поэтическому обобщению образа родной природы с ее бескрайними, могучими просторами, такими близкими сердцу русского человека.

Илья Семенович Остроухов, человек незаурядный, яркий, щедро одаренный, родился 20 июня 1858 года в Москве, в Замоскворечье, в просвещенной купеческой семье. Родители его были людьми образованными, интересовались науками и искусством. Ребенку дали прекрасное образование, да и сам он с детства увлекался музыкой, ботаникой, орнитологией. Уезжая летом на Сенеж, в красивейшие места Подмосковья, он целыми днями бродил по окрестностям, собирая коллекции растений, бабочек, насекомых, составлял гербарии и даже опубликовал в журналах ряд научных статей. О молодом натуралисте знали не только русские, но и европейские ученые. Тринадцати лет от роду Остроухов был отдан в Московскую практическую академию коммерческих наук, которую благополучно окончил, не оставив при этом своих увлечений.

Поворотную роль в судьбе юноши сыграло знакомство с семьей Мамонтовых, и вскоре он сделался полноправным членом мамонтовского художественного кружка, душой и инициатором которого был необычайно одаренный, предприимчивый Савва Иванович, страстный любитель искусства. У него было какое-то чутье распознавать все подлинное в искусстве, отыскивать настоящие таланты и помогать им. Под крышей его дома на Садово-Спасской, а также в Абрамцеве собирались и подолгу жили художники В. Поленов, М. Антокольский, К. Коровин, В. Серов, М. Врубель, М. Нестеров, В. Васнецов и многие другие.

Дом был гостеприимен и всегда открыт для друзей. Писали этюды в окрестностях, натюрморты, портреты. Собирались вместе за обедом, делились впечатлениями, обсуждали написанное днем, восхищались, давали советы, говорили о смысле и задачах живописи, о путях ее дальнейшего развития, делали наброски, портреты друг друга. По вечерам музицировали, читали вслух, ставили домашние спектакли — делали к ним декорации, одновременно были актерами. Иногда приглашали известных исполнителей. На этой сцене начинал племянник жены Саввы Ивановича, Костя Алексеев — Константин Сергеевич Станиславский. Да и сам Мамонтов активно и с огромным удовольствием участвовал в спектаклях. Позднее организовал Частную оперу, ставил своей целью находить и поощрять молодые дарования и пропагандировать русскую оперную музыку. Там впервые была поставлена новая, необычайная тогда для России опера Ж. Бизе «Кармен» в декорациях Остроухова. На этой сцене позднее достиг своего высшего расцвета талант гениального Шаляпина.

Летние месяцы Илья Семенович Остроухов с удовольствием проводил у своих друзей в Абрамцеве. Обитатели дома ласково называли его «Ильюханция». Он прекрасно играл на рояле, увлекся оперой, был непременным участником всех вечерних представлений, а днем внимательно наблюдал за работой художников, вникал в их творческие проблемы, успехи и неудачи. Здесь он познакомился с молодым Валентином Серовым, «Тошей», здесь началась их дружба, длившаяся всю жизнь.

Атмосфера Абрамцева как бы подталкивала Илью Остроухова к холсту. В 21 год он смело берет холст и масляные краски и под руководством одного из старейших передвижников, А. А. Киселева, садится копировать пейзаж своего любимого Поленова. К великому изумлению учителя, работа получилась вполне грамотной. Гостивший тогда у Мамонтовых И. Е. Репин с удовольствием присматривался к начинающему живописцу, увидев в нем зачатки настоящего таланта, и охотно брал с собой на этюды. Зимой Илья с удовольствием посещает рисовальные вечера у Ильи Ефимовича, принявшего искреннее участие в художественном формировании своего ученика.

В 1882 году Остроухов едет в Петербург, в частную студию гениального русского художника-педагога П. П. Чистякова, профессора Академии художеств. Учиться у Чистякова значило овладевать техникой безупречного рисунка и пластического построения формы, основами композиции. Крупнейшие русские мастера Репин, Суриков, Поленов, Серов, Врубель и многие другие занимались у Чистякова и считали его «единственным настоящим учителем в России». Своим творческим наставником молодой художник также полагал В. Д. Поленова и на всю жизнь остался ему благодарен.

Он работал много и упорно. «Первая же картинка, написанная им, вскружила головы всем молодым да и старым художникам передвижной выставки»,— вспоминал впоследствии И. Е. Репин. Пейзажи Остроухова, изображавшие виды средней русской полосы, привлекали внимание своей искренней эмоциональностью, непосредственностью в передаче того или иного состояния, будь то ранняя весна, с еще не совсем растаявшим снегом и нежными стволами берез, или усыпанный золотом листьев осенний лес с прозрачной дымкой уже сереющего неба. Изысканная цветовая гамма, тонкость цветовых отношений, напоенность воздухом, светом, дыханием живой природы — скромной, непридуманной — выделяли работы Остроухова.

«Золотая осень», написанная в 1886—1887 годах, экспонировалась на XV передвижной выставке и сразу же была приобретена П. М. Третьяковым. Это стало признанием таланта живописца и значило в те годы больше, чем получение любых официальных наград.

Этюд к пейзажу он писал в Абрамцеве. Необычайное богатство красочных оттенков, цветовых сочетаний — «в багрец и золото одетые леса», гармония композиции, прекрасный образ русской природы поставили картину в ряд лучших пейзажей того времени.

1880-е годы — период высшего творческого расцвета художника, и Репин говорил, что Остроухов «всякой своей картиной делал эпоху в пейзаже и вызывал целую школу подражателей».

Огромное значение для него имела поездка в Италию вместе с Валентином Серовым. Живопись величайших мастеров Возрождения, Венеция — родина Тициана, Веронезе, Тинторетто — чрезвычайно взволновали друзей, дали им большой творческий заряд. Из Италии они привезли много прекрасных этюдов. «Площадь св. Марка в Венеции» — удивительное по колориту и ритмическому построению произведение. Написанная в сдержанной, серовато-золотистой, как бы мерцающей гамме, картина напоена очарованием солнечного дня.

По возвращении художник ставит перед собой все новые творческие задачи: пейзажи той поры написаны с большим настроением. Среди них «Купавы на пруду» (1892), «Вечер на реке» (1893), «Вечер после грозы» (1891).

Дружба с П. М. Третьяковым и женитьба на Надежде Петровне Боткиной, племяннице знаменитого врача С. П. Боткина и известного коллекционера М. П. Боткина, способствовали развитию увлечения, захватившего впоследствии Илью Семеновича целиком,— страсти к коллекционированию произведений искусства. Регулярные занятия живописью постепенно отходили на второй план; он принимает активное участие в делах Третьяковской галереи, а после смерти Павла Михайловича становится ее попечителем и председателем совета. Здесь, как всегда и во всем, он полностью отдает себя делу, радея о пополнении коллекции, о поддержании ее высокого художественного уровня. Остроухов мечтал видеть Третьяковскую галерею образцовым европейским собранием. Его заботами там был произведен капитальный ремонт, а фасад перестроен по проекту В. М. Васнецова. Все картины были тщательно классифицированы, составлены описи, издан великолепный каталог на английском, немецком и французском языках. При галерее открылась библиотека, действующая и по сей день. Собрание пополнилось прекрасными произведениями Боровиковского, Левицкого, Рокотова, Тропинина, Сурикова, Васнецовых, Левитана. Он настоял на покупке картин начинавших тогда Сарьяна, Кончаловского, Борисова-Мусатова, Грабаря, Сомова, Бенуа.

Обладая тонким художественным вкусом, Илья Семенович собрал превосходную собственную коллекцию живописи и прикладного искусства, поддерживал связи со всеми музеями Европы, мог годами охотиться за интересовавшей его работой, открывал новые имена или новые шедевры уже известных художников. Произведения всех крупнейших русских мастеров XVIII—XX веков, а также друзей и современников украшали стены его дома в Трубниковском переулке. Картины Шебуева, пейзажи С. Щедрина, М. Лебедева, портреты Кипренского, картины Федотова, Шишкина, Саврасова, Ф. Васильева, Перова, Крамского, великолепные этюды Александра Иванова, работы В. Серова, Левитана, Врубеля, К. Коровина... Огромная заслуга Остроухова в том, что он начал собирать старинные русские иконы не просто как предметы старины, а как высокохудожественные произведения живописи. Именно благодаря Илье Семеновичу, его энергии, мастерству реставратора, русские иконы как бы получили второе рождение и заняли по праву достойное место в истории мирового искусства.

После Великой Октябрьской социалистической революции был открыт Музей иконописи и живописи имени И. С. Остроухова, и он стал его пожизненным хранителем. После смерти художника, в 1929 году, коллекция перешла в собрание Государственной Третьяковской галереи и в провинциальные музеи.

И. Остроухов. 1858—1929. СИВЕРКО. 1890.

Государственная Третьяковская галерея.

И. Остроухов. БЕРЕЗЫ. 1921.

Свердловская картинная галерея.

НАЗНАЧЕНИЕ В ЖЕНЕВУ

Сергей БАТУРИН

РАССКАЗ

Рисунки П. Пинкисевича

Доклад Константина Ивановича прошел довольно успешно. Говорил он просто, толково, лишь изредка заглядывая в разложенные на кафедре материалы. Слушали его внимательно и после доклада задали много вопросов. Потом слушатели окружили его плотным кольцом, и добрых полчаса продолжался непринужденный обмен мнениями. Константин Иванович возвратился к себе довольный и, положив бумаги на стол, собрался уже идти обедать, когда секретарь сказала ему, что его ожидает шеф.

— Здравствуй, Константин.— Шеф поднялся ему навстречу и пожал руку.— Садись. Как дела?

— В общем, нормально, доклад наш прослушали с интересом, было много толковых вопросов. Думаю, что совещание пойдет нам на пользу.

— Это хорошо.— Шеф помолчал.— Тут ко мне заходил Валентин по поводу заметки в газете. Ты читал эту заметку?

— Читал,— спокойно ответил Константин Иванович.— Старый, затасканный прием, могли бы придумать что-нибудь и поновее.

— В этом ты, пожалуй, прав.— Шеф подвинул к себе телеграммы.— Вот телеграммы сообщают, что похожие статьи опубликованы также в газетах Западной Германии, Англии и Франции.

— Ого! Да они не иначе, как решили сделать из нас с Валентином международных знаменитостей.— Похоже было, что сообщение шефа ничуть не удивило Константина Ивановича.

— И из меня тоже,— с усмешкой добавил шеф.

— А вы тут при чем?

— Главный покровитель и защитник.

— Это они слишком сильно хватили. Ведь, по существу, в назначении Валентина нет не только никакого криминала, а, наоборот, оно точно соответствует и духу и букве Устава ООН.

— Кому-то, видимо, не нравится, что развивающиеся и социалистические страны начинают играть все большую роль в самом аппарате ООН, в этом все дело. Но в противном случае ООН не была бы подлинной международной организацией.— Шеф говорил неторопливо, словно размышляя вслух сам с собой.— Посмотрим, что будет дальше. Пока я посоветовал Валентину вплотную заняться планами работы женевского отдела.

Выйдя из кабинета шефа, Константин Иванович отправился на четвертый этаж в кафетерий для служащих. Взяв сосиски по-итальянски с картошкой и капустой, он сел за небольшой столик и принялся за еду, но мысли его все еще были поглощены беседой с шефом. «Выходит, что они начали против назначения Валентина организованную кампанию. Не могли же все эти статьи в газетах разных стран появиться сами собой? Кто-то же дирижирует этим хором. Но кто? Американцы? Шеф советовался с Маккоем, и тот поддержал эту идею. Англичане или французы? Они вообще работой отдела интересуются мало, да и кандидатов у них нет. Австралийцы? Конечно, Кларк не получил этот пост, как надеялся, но вряд ли австралийцы смогли бы организовать такую кампанию. Все-таки без американцев тут не обошлось. Но тогда позиция Маккоя совершенно не понятна».— Константин Иванович давно уже поел, взял себе чашечку кофе-экспрессо, выпил и его, а мысли все не могли успокоиться, внятного ответа на свои вопросы он так и не нашел.

В этот же день после обеда шефу неожиданно нанес визит французский представитель. Они хорошо знали друг друга, были знакомы домами, и шеф подумал, что неожиданный визит объясняется желанием французов продвинуть кого-то на пост Сингха. «Если у них есть подходящий кандидат, можно будет взять его»,— решил шеф, радушно встречая своего гостя у двери в кабинет. Он усадил гостя на диван, предложил кубинскую сигару, расспросил о здоровье жены и дочери. Постепенно разговор перешел на деловые темы. Наконец посол перешел к основной цели своего визита — он сказал, что его правительство несколько обеспокоено назначением господина Семенова в Женеву и хотело бы получить разъяснения из первых рук.

Не меняя радушного выражения лица, шеф объяснил, что господин Семенов по своим деловым качествам и по старшинству в должности являлся главным претендентом на этот пост и обойти его было бы весьма негуманно.

— Но как можно назначать в Женеву человека, который не говорит по-французски?— Посол был явно не удовлетворен разъяснением шефа.

— Позволю себе обратить внимание многоуважаемого посла на то обстоятельство, что господин Семенов прекрасно говорит на двух европейских языках — русском и английском.— В голосе шефа зазвучали стальные нотки.— Кроме того, он понимает французский и намерен серьезно заняться его совершенствованием. Я не могу принять ваши претензии,— твердо подвел итог шеф и, улыбнувшись, тут же дружески добавил: — Кстати, когда меня назначили на этот пост восемь лет назад, я тоже почти совершенно не говорил по-английски.

Визит французского посла лишь убедил шефа в том, что вопрос о назначении Семенова рано считать закрытым. Он еще и еще раз обдумал все варианты выхода из создавшегося положения и твердо решил ничего не менять.

7

Генеральный секретарь ООН в эти дни был в Женеве. Статьи местных газет по поводу назначения Семенова ему не понравились, но серьезного значения он им не придал. Затем ему доложили, что подобные статьи опубликованы и в газетах других европейских стран, это его несколько обеспокоило, и он решил посоветоваться со своим заместителем, известным голландским дипломатом, неоднократно занимавшим министерские посты в своей стране. Но и тот ничего утешительного посоветовать не мог. Он лишь еще больше расстроил Генерального секретаря, сообщив ему, что постоянные представители США и Англии в Женеве заявили официальные протесты Генеральному директору отделения ООН по поводу назначения Семенова.

— Вечером у меня встреча с корреспондентами газет,— сказал Генеральный секретарь.— Что будем делать? Ведь они не отстанут от нас, пока не добьются вразумительного ответа.

— Думаю, что лучше всего занять выжидательную позицию. Можно сказать, что мы придаем серьезное значение выдвинутым обвинениям, проведем полное расследование, а пока приостановить перевод Семенова в Женеву. То есть само назначение не отменять, а только отложить его приезд сюда до окончания расследования. При этом следует недвусмысленно подчеркнуть, что никаких подтверждений вины Семенова и других нам пока не предъявлено и что мы не можем основывать свои решения на не подтвержденных убедительными фактами заявлениях газет.

— Такое мое заявление тут же вызовет протест советской стороны.

— Им вы скажете, что назначение остается в силе и что Семенов приступит к своим новым обязанностям, как только вы сочтете это удобным.

— Пожалуй, вы правы, другого выхода я не вижу. Вопрос только в том, насколько все это удовлетворит американцев и англичан.

— К сожалению, ничего больше сделать для них мы не можем. Это назначение официально утверждено уже больше месяца тому назад. Вообще то, что Семенов еще не прибыл в Женеву,— дело чистого случая. Американцы знали о готовящемся назначении по крайней мере за две недели. Если у них были серьезные возражения, они могли сообщить об этом заранее, не ставя нас в дурацкое положение и не устраивая весь этот балаган, да еще с фейерверками.— Дипломат старой школы, голландец любил решать такие вопросы в тиши кабинетов, а не перед лицом возбужденных репортеров. Он не мог простить американцам того, что у них кто-то проспал, а отдуваться должны он и Генеральный секретарь ООН.

Ответы Генерального секретаря ООН на вопросы корреспондентов были напечатаны в газете «Нью-Йорк таймс» под заголовком «Генеральный секретарь ООН задержал перевод советского специалиста». Статья эта широко обсуждалась среди сотрудников секретариата, подавляющее большинство которых не одобряло позиции Генерального секретаря. Под давлением многих сотрудников председатель совета служащих пакистанец Ахмед направил в Женеву Генеральному секретарю ООН телеграмму, в которой выразил «глубокую озабоченность сообщением газеты «Нью-Йорк таймс» о том, что вы приостановили назначение сотрудника на основании обвинений, которые ничем не подтверждены. Мы полностью поддерживаем это назначение и настаиваем, чтобы этот сотрудник смог немедленно приступить к исполнению своих обязанностей в Женеве».

Семенов стоял у доски объявлений перед входом в кафетерий на четвертом этаже и внимательно перечитывал вывешенную на доске для всеобщего обозрения телеграмму Ахмеда Генеральному секретарю ООН. «Вот уж никогда бы не подумал, что моя скромная личность может вызвать такую бурю в мировой печати»,— подумал он про себя. Действительно, биография у него была самая обычная. Окончил среднюю школу, работал на заводе слесарем, поступил в институт. Сначала занимался на вечернем отделении, потом перешел на дневное. После окончания института оставили в аспирантуре. Успешно защитил диссертацию, около десяти лет проработал в Министерстве иностранных дел. В Америке — второй раз, первый раз работал в Секретариате ООН устным переводчиком. Вся его жизнь была на виду, американцы не могли не знать об этом. Значит, дело здесь не в нем, а в том, что важный, с их точки зрения,

---

Окончание. См. «Огонек» №№ 46,47.

пост предоставляется советскому гражданину. Загвоздка именно в этом, но прямо сказать об этом они не решаются, вот и выдумывают всяческие небылицы о советских разведчиках. А еще говорят о правах человека! А разве он, Семенов, не человек, разве он не имеет таких же прав, как, скажем, тот же Сингх? Ведь если бы на этот пост назначили Сингха или того же Кларка, никто и рта бы не раскрыл! Да что там говорить, за эти годы насмотрелся он на их демократию, по горло ею сыт. Достаточно один раз проехать по южному Бронксу и увидеть все эти разрушенные, словно после бомбежки, дома, чтобы воочию убедиться, на кого работает здесь демократия. Ведь это надо же только вдуматься: самая богатая страна в мире, а миллионы граждан еле сводят концы с концами, цены в магазинах такие, что и подступиться страшно, пенсионеры просто вынуждены заниматься попрошайничеством, чтобы не умереть с голоду. «Вот о чем им надо беспокоиться, а не о том, что какого-то Семенова перевели из Нью-Йорка в Женеву»,— со злостью подумал Валентин Андреевич и направился к журнальному киоску, чтобы купить последний номер журнала «Нью-Йоркер», в котором часто печатались интересные рассказы и заметки.

Холл четвертого этажа жил своей напряженной жизнью. Всюду было полно народа: сотрудники секретариата, делегаты, туристы. Звучала английская, французская, арабская, испанская, русская речь. Одни торопились в банк, другие шли поесть в кафетерий, третьи направлялись к киоску купить газету, журнал или сладости, а четвертые просто стояли группками и разговаривали. Многие здоровались с Семеновым, некоторые автоматически спрашивали: «Как дела?» — и, не дожидаясь ответа, проходили мимо. Одним Семенов заученно бросал: «О'кей!», другим просто подымал в приветствии руку. Злость по-прежнему крепко держала его в своих клещах, и он решил спуститься вниз и пройтись по парку.

Стоял погожий летний день. Обычно в это время в Нью-Йорке жарко, влажно и душно. Сегодня же дул прохладный ветерок с моря. Семенов взглянул на электрическое табло на здании, расположенном через дорогу,— семьдесят семь градусов по Фаренгейту. «Это сколько же будет по Цельсию? — Он быстро произвел в уме необходимые расчеты.— Двадцать пять градусов, прекрасно». Он тем временем вышел на набережную реки Ист-ривер и остановился у гранитного парапета. Раскинувшийся перед ним восточный берег реки совершенно не был похож на западный: здесь вдоль берега теснились огромные небоскребы из стекла и стали, между ними тут и там попадались старинные здания с вычурной кладкой оконных проемов, с замысловатыми узорами металлических балкончиков. Почти бесшумно двигался по вытянувшейся вдоль реки автостраде поток машин. На узкой полоске земли, зажатой между рекой и автострадой, росли деревья, стояли скамейки, по дорожке то и дело легкой трусцой пробегали любители спорта. На противоположном же берегу вплотную к реке подступали приземистые громады складов и фабрик, у причалов стояли под разгрузкой большие баржи. На реке маленький с задиристым носом катер-толкач плотно прижался к огромному борту высокой баржи и тащил ее вверх по течению. Их быстро догонял экскурсионный теплоход, переполненный туристами.

«В субботу надо обязательно проехать на таком теплоходе вокруг Манхеттена,— подумал Семенов.— Который год с женой собираемся это сделать, да все никак не получается. Теперь уж и откладывать дальше некуда». Злость покинула его, он с удовольствием следил за быстрым полетом чаек над рекой, затем сел на свободную скамейку и начал просматривать только что купленный журнал.

8

Прошло еще две недели. Боб Томпсон был загружен все эти дни по горло. А тут еще и дело Семенова застряло на мертвой точке. Было отчего прийти в уныние. Томпсон не сдавался. Но с каждым прошедшим днем он все отчетливее понимал, что это дело они непоправимо проигрывают. Не сегодня-завтра Секретариат ООН подтвердит назначение Семенова, и тогда швейцарцам не останется ничего другого, как выдать Семенову въездную визу. Мысль о том, что Семенов вскоре сможет свободно прогуливаться по набережной Женевского озера, доставляла Томпсону прямо-таки физическое страдание. Нет, этого никак допустить нельзя! Что бы такое тут придумать?

Поздно вечером в кабинете Томпсона собрались все заинтересованные в деле Семенова лица и стали вновь со всех сторон обсасывать, как выразился один из присутствующих, эту уже давно обсосанную кость.

— Есть только один выход: надо, чтобы Семенов сам отказался от перевода в Женеву,— сказал наконец Смит из консульского управления.

— Как же, ждите, он только и мечтает, чтобы преподнести нам этот подарок,— громко рассмеялся представитель ФБР.

— Зря смеетесь,— ухватился за предложение Смита Томпсон.— Правильно, надо предложить ему пост Сингха, он давно зарился на него. Пусть он лучше сидит на посту Сингха, чем в Женеве. Здесь его хоть Маккой будет сдерживать. Я завтра же утром свяжусь с нашей миссией и попрошу их переговорить с Маккоем.— Голос Томпсона вновь приобрел уверенность, которой ему так недоставало несколько последних дней.

Семенов сидел в своем кабинете и изучал бюджет женевского отдела на ближайшие два года, когда к нему зашел Маккой.

— Садись, Мак, гостем будешь.— Семенов подвинул ему стул, а сам снова опустился на свое место за столом.

— Готовишься?— поинтересовался Маккой, набивая кубинским табаком свою трубку.— Ты, кстати, где сегодня обедаешь? Может, составишь мне компанию и мы вместе пообедаем в китайском ресторане? Я приглашаю.

— У меня никаких определенных планов нет, можно сходить и в китайский ресторан,— согласился Семенов.

— Тогда я попрошу свою секретаршу заказать столик на час пятнадцать,— резюмировал Маккой.

Они еще поговорили о разных текущих делах, и Мак ушел.

...В ресторане им отвели хороший столик у стены, и, сделав заказ, они какое-то время молча тянули свои напитки: Маккой — виски с содовой, а Семенов — «кровавую Мэри», смесь водки, томатного сока, перца, лимонного сока, слегка подсоленную.

— Значит, скоро уезжаешь,— первым нарушил молчание Маккой.— Жаль лишаться такого хорошего работника, как ты. Не знаешь, кого ваши прочат на твое место?

— Рано пока гадать, ведь вопрос еще окончательно не решен,— буднично, без видимого интереса к продолжению этого разговора ответил Семенов.

— Я тебе вот что скажу, Валентин.— Маккой наклонился над столом и немного понизил голос.— Давай мы тебя назначим на место Сингха, на кой черт тебе эта Женева сдалась?

Семенов внутренне вздрогнул, словно через него пропустили заряд электрического тока: место Сингха давно привлекало его, и, конечно, он бы ни за какие коврижки не поменял его на Женеву. Но назначение в Женеву у него уже почти в кармане (конечно, всякое еще может случиться!), а о предложении занять пост Сингха он слышит впервые.

— Брось так зло шутить, Мак, ведь ты сам всегда говорил, что на этом посту нужно иметь представителя развивающихся стран.— Семенов не отвергал идею с ходу, а лишь хотел выяснить, насколько серьезно предложение Маккоя.— Да и шеф вряд ли согласится с этим.

— Шефа я беру на себя,— веско бросил Маккой.— Пойми, что шеф сам хочет выбраться из этой заварухи с наименьшими потерями. Но главное то, что лучшего кандидата, чем ты, на место Сингха не найти. Я действительно хотел заменить его кем-то из развивающихся стран, но у нас в департаменте никого подходящего нет, а кадры дали несколько кандидатов, да ни один из них на пост заведующего сектором не тянет. Вот я и подумал, пока ты еще не уехал, предложить это место тебе.

— Спасибо, Мак.— Семенов открыто улыбнулся ему и поднял бокал.— Выпьем за тебя.— Оба они сделали по глотку и помолчали.— Я бы, пожалуй, согласился на твое предложение, только как бы шеф не подумал, что я одним камнем хочу убить двух птиц.— Семенов говорил серьезно, то и дело посматривая на Маккоя.— Мне бы очень не хотелось доставлять лишние хлопоты шефу: а вдруг раздадутся протесты и против этого назначения?

— Уверен, что никто протестовать не станет, а с шефом я договорюсь, ты не беспокойся. Значит, договорились?

— Не торопись, Мак. Мне надо с женой посоветоваться, ей очень хочется переехать в Женеву, все-таки поближе к Москве, можно лишний раз слетать домой и побыть с дочерью.

— Ну что ж, думай, только не тяни,— добродушно согласился Маккой.— Лучше всего решить все проблемы за день-два — и дело с концом.

После обеда Семенов возвратился к себе в весьма радостном настроении: все еще могло повернуться как нельзя лучше, он займет место Сингха, а в Женеву пусть отправляется кто угодно, хотя бы Кларк. Но постепенно в его мысли прокрался червячок сомнения: с чего это вдруг Мак ни с того ни с сего переменил позицию на сто восемьдесят градусов? Конечно, объяснения его звучат убедительно, но, хорошо зная Мака, Семенов начал сомневаться, что тот высказался до конца. Чем больше Семенов думал над своим разговором с Маком, тем более утверждался в мысли о том, что тот чего-то недоговаривает. «Надо, пожалуй, рассказать все Константину и послушать, что он скажет»,— решил наконец Семенов и тут же направился к Колодкину.

— Садись, международная знаменитость,— веселой улыбкой встретил Семенова Константин Иванович,— ничего нового нет?

— Есть, только в другом направлении.— Семенов закрыл дверь из кабинета в приемную и сел в кресло у стола.— Мак сегодня пригласил меня на обед в китайский ресторан и там предложил мне место Сингха.

— Ты не шутишь?

— Какие шутки? Был вполне серьезный разговор. Я сказал, что шефу вряд ли эта идея понравится, да и, с другой стороны, могут быть возражения, мол. А Мак говорит, что никаких возражений ни от кого не будет и что шефа он берет на себя.

— Смотри-ка, ва-банк пошли, значит, дело приближается к успешному завершению. Поздравляю, Валентин, скоро ты будешь в Женеве.

— То есть как так в Женеве? А если я дам согласие занять пост Сингха? — с искренним недоумением спросил Семенов.

— Валентин, не старайся казаться глупее, чем ты есть на самом деле.— Константин Иванович говорил со спокойной уверенностью человека, который насквозь видит Маккоя.— Даже ребенку понятно, что Мак пустил в ход последний козырь, чтобы удержать тебя здесь. Уж очень им не хочется иметь дело с тобой в Женеве. Похоже, что они продули игру. Только вчера Мак в моем присутствии доказывал шефу, что ты никак не подходишь на место Сингха, когда шеф забросил удочку, не изменить ли твое назначение.

— Да ты что?— пришло время удивляться Семенову.— Не может этого быть? Он так искренне сегодня говорил.

— Будешь искренним, если получишь хороший нагоняй из Вашингтона.— Константин Иванович рассмеялся, но лицо его тут же приняло озабоченное выражение.— Я, конечно, только так думаю, но почти уверен, что именно этим объясняется его предложение. Да что ты так расстраиваешься? Неужели ты сразу дал Маку согласие?

— Нет, пообещал подумать день-другой.

— Ну, вот и прекрасно. Подумаешь и завтра скажешь ему, что Женева и тебя и жену больше устраивает. Поздно, мол, уже менять свое решение.

— Я ему сказал, что Нина очень хочет переехать в Женеву, поближе к дочери.

...Семенов возвратился к себе злой и на себя и на Мака. Ишь, какой ласковой лисой притворился, хотел обвести его вокруг пальца, ну уж, дудки! Хотя, конечно, говоря по совести, он бы, не раздумывая, предпочел пост Сингха Женеве. Ну, да что теперь впустую себя расстраивать, не будь назначения в Женеву, Мак и не подумал бы предложить ему место Сингха. В этом Валентин Андреевич был абсолютно уверен.

Очередная пресс-конференция Генерального секретаря ООН, как обычно, проходила в небольшом пресс-зале на втором этаже ооновского небоскреба. Кратко охарактеризовав международные проблемы, стоящие в этот момент перед ООН, Генеральный секретарь перешел к ответам на вопросы корреспондентов.

— Есть ли какое-то развитие в деле господина Семенова?— первым задал вопрос корреспондент швейцарской газеты «Трибюн-де-Женев».

— Должен сообщить, что мы не получили никаких доказательств того, что поведение господина Семенова не соответствует требованиям международной организации. Наше собственное расследование подтвердило, что господин Семенов много лет честно и примерно исполняет свои обязанности в Секретариате ООН. В связи с этим я сегодня подтвердил решение о его переводе в Женеву в качестве директора одного из отделов.

В мертвой тишине зала слова Генерального секретаря ООН произвели впечатление разорвавшейся бомбы, корреспонденты многих европейских газет тут же бросились к телефонам.

Семенов уже знал о решении Генерального секретаря ООН со слов шефа. При этом шеф добавил, что швейцарские власти на днях выдадут ему необходимую визу. Действительно, буквально на следующий день секретарь вручила ему его паспорт с долгожданной визой.

— Вот и завершилась вся эта история,— сказал ему на прощание Константин Иванович.— И теперь из международной знаменитости ты снова превратился в заурядного международного чиновника, до которого никому нет никакого дела. Будешь в Москве рассказывать обо всем этом своим друзьям — никто и слову твоему не поверит. Скажут, что пытаешься набить себе цену. Так что уж лучше помалкивай.

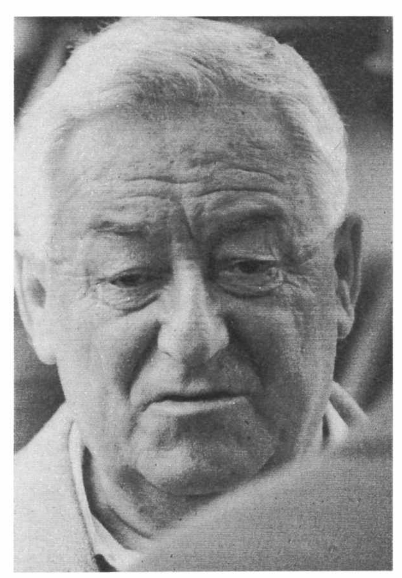
Валентин Андреевич громко рассмеялся:

— Нет уж, дудки! Такая история случается один раз в жизни, обязательно стану трубить о ней на всех московских перекрестках.— Он помолчал.— А все-таки, пожалуй, ты прав: никто ведь не поверит, что такое может случиться. Так и быть, буду молчать.

Они обнялись, крепко пожали друг другу руки, и каждый отправился своим путем.

Прошел год. Семенов хорошо зарекомендовал себя на новом месте. Даже его явные недоброжелатели вынуждены были сквозь зубы признавать, что он отлично выполняет свои обязанности. Казалось, все давно уже поставили точку в деле Семенова. Но это только казалось. Однажды днем Константин Иванович раскрыл газету и увидел набранный крупным шрифтом поперек всей газетной полосы заголовок «Сенатор Тойнихан утверждает: советские разведчики заполонили ООН». Он внимательно прочел большую статью, широко разверстанную под этим заголовком. Ничего нового в ней не содержалось. Опять на все лады толковалось утверждение о том, что Семенов — главный советский разведчик в международной организации. Нет, точку ставить еще было рано. Кому-то явно не терпелось начать игру по новой.

адреса великих свершений

Всеволод Федорович Заботин.

Фото Н. КОЗЛОВСКОГО

Конечно, если быть точным, то до Черного моря, вернее, до Днепровского лимана, что принял в себя воды могучей реки и «самого синего в мире», километров двадцать пять. Но, поверьте, здесь близость бесконечных морских далей ощущаешь сразу, едва спустишься по проспекту Ушакова на набережную, к порту: лес кранов, океанские великаны, что стоят у причалов, белые чайки над некрутой днепровской волной, синие морские форменки. И, конечно, корабелы...

Если говорить о корабелах, то начинать этот разговор лучше всего с директором Херсонского судостроительного производственного объединения имени 60-летия Ленинского комсомола, лауреатом Ленинской премии Всеволодом Федоровичем Заботиным. Он живая история завода, потому что пришел сюда почти к самому началу, и с тех пор все дела, планы, поиски и удачи коллектива связаны с ним.

— Я был бы неточен, если б сказал, что мы прямые наследники первых херсонских корабелов, которые еще в 1783 году заложили и спустили на воду 66-пушечный фрегат зарождавшегося здесь Черноморского флота,— говорит Всеволод Федорович.— Мы начинали скромнее — морской баржей в 1951 году. Я не случайно называю даты. По ним можно точно представить темпы нашего роста. Сегодня современные сухогрузы, танкеры, сработанные херсонскими корабелами, бороздят моря-океаны под флагами нашей страны и многих зарубежных стран. Вот один из них.— Заботин кивает на открытое настежь окно кабинета,— посмотрите на строящийся танкер...

Из окна открывается вид на стапеля, где громоздились огромные плавучие «дома», укрытые опалубкой. Тяжело сипели тепловозы у ворот громадного цеха, откуда должна была появиться очередная секция будущего корабля. И на всех «этажах» строительства мелькали маленькие человеческие фигурки, что-то сваривавшие, затачивавшие, сверявшие...

Но даже среди этих морских великанов — сухогрузов и танкеров — новый лихтеровоз «Алексей Косыгин» выделялся не только своими размерами, но прежде всего необычностью надстроек. Этой корабельной «матке», занявшей почти триста метров причала, что способна одновременно поднять на борт 82 лихтера (плавающие контейнеры международного стандарта) с различными грузами и доставить их за тысячи километров, нет равной в нашей стране. Корабли собирали из двух частей, так как ни один заводской цех не был готов принять под свою крышу такую махину. Состыковывали и сваривали эти две половины, каждая высотой чуть ли не в двенадцатиэтажный дом, на плаву.

— Коллектив у нас особый, крепкий,— говорит Заботин.— Разве иначе могли бы мы на протяжении шести лет кряду занимать первое место во Всесоюзном социалистическом соревновании среди предприятий отрасли? К нам приходят учениками, а становятся командирами производства. Как ни трудно нам было с кадрами, когда начинался завод, я сказал: приезжих начальников не нужно, молодежь должна видеть перспективу роста.

В беседу вступает заместитель секретаря парткома объединения Василий Михайлович Голосов:

— Наши корабелы гордятся лучшими, с которых все берут пример. Это бригадир судосборщиков Герой Социалистического Труда П. А. Нимич, судовой столяр, депутат Верховного Совета УССР В. В. Гурский, электросварщик, делегат XXVI съезда КПСС А. А. Кошевой, бригадиры комсомольско-молодежных коллективов Василий Филипьев и Николай Козин. Уже почти три тысячи судостроителей работают с опережением плановых заданий XI пятилетки.

В каждый корабль — будь то сухогруз типа «Герои-панфиловцы» или недавно спущенный на воду новый головной танкер «Дмитрий Медведев» водоизмещением 36 тысяч тонн с двойными бортами и днищем, плавучие доки или лихтеровоз — в каждый вложена частичка сердца херсонских рабочих. И когда корабли уходят в дальнее плавание, связь их с родным заводом не прерывается — ведь каждый из них имеет здесь «крестную мать», которая однажды в торжественный момент объявила: «Я нарекаю тебя именем...»

Кораблям дают жизнь люди... Они трудятся, учатся, воспитывают детей, отдыхают. Микрорайон «Корабел» — один из самых благоустроенных в городе. Здесь живут более двадцати тысяч человек и ежегодно сдаются все новые и новые дома. База отдыха на берегу Черного моря тоже носит имя «Корабел» и может одновременно принять восемьсот пап и мам. По соседству с базой — пионерлагерь, где набираются сил их дети. И спорт тут любят, конечно же, связанный с водой — парусный и гребной. Свое ПТУ, техникум, филиал института.

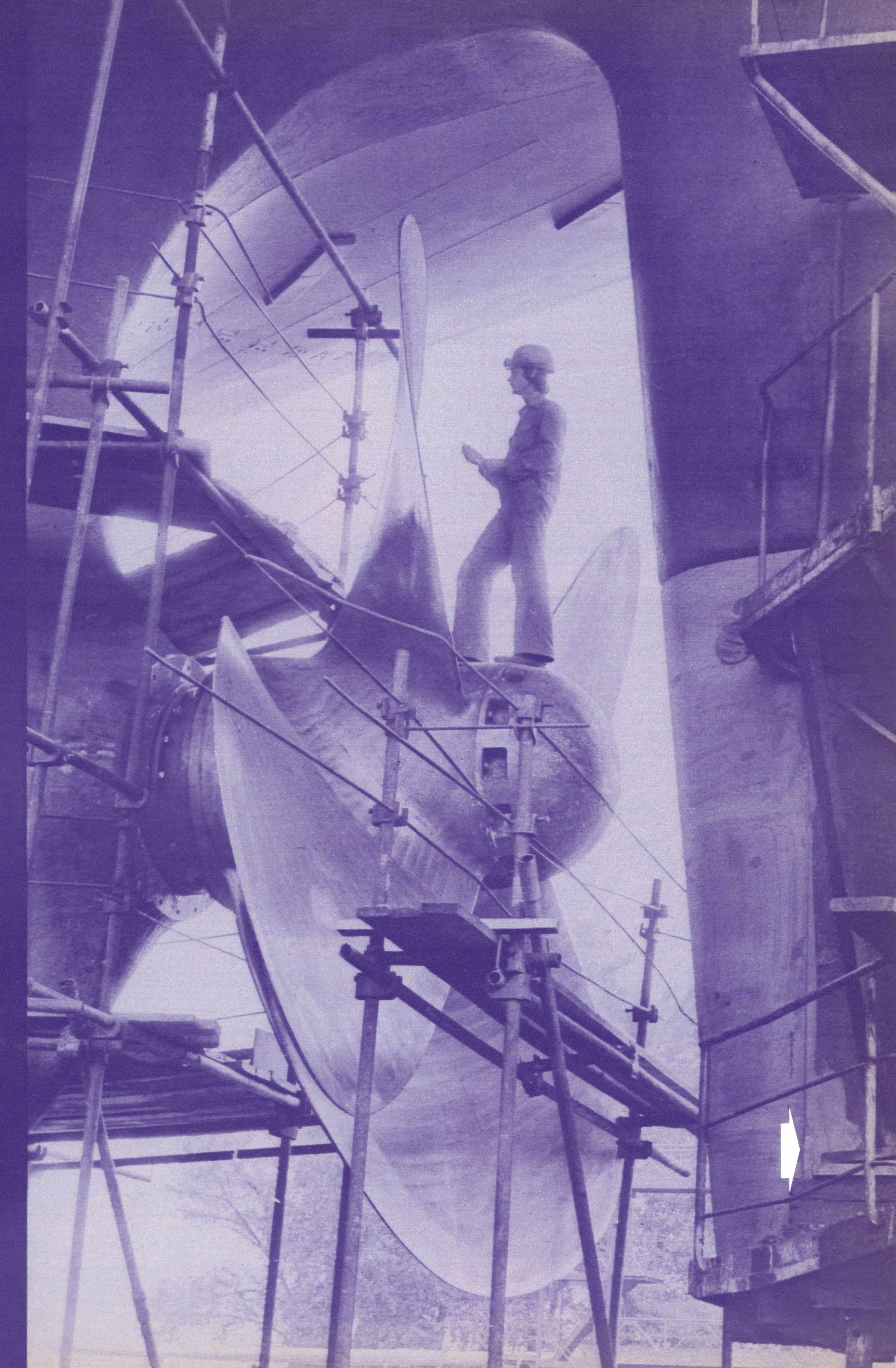
На мой вопрос о перспективах завода Всеволод Федорович Заботин отвечает коротко: самое сложное и самое новое, что появится в СССР в области гражданского судостроения, будет начинаться у нас, в Херсоне...

И еще одна деталь из жизни корабелов: они активно борются за мир — только за последние три года ими перечислено в Фонд мира 200 тысяч рублей.

Игорь ЗАСЕДА

На городском бульваре.

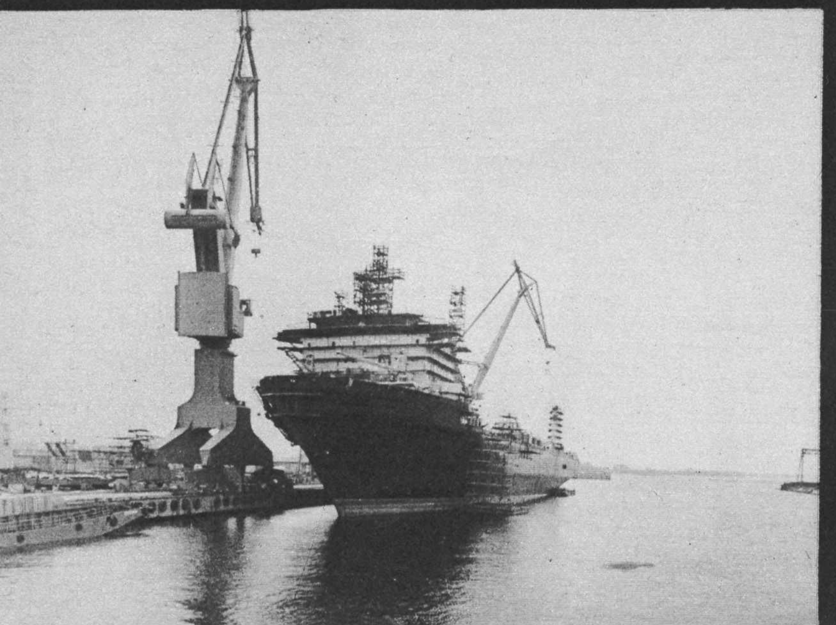
МОРЕ НАЧИНАЕТСЯ В ХЕРСОНЕ

Винт контейнеровоза водоизмещением 18 тысяч тонн.

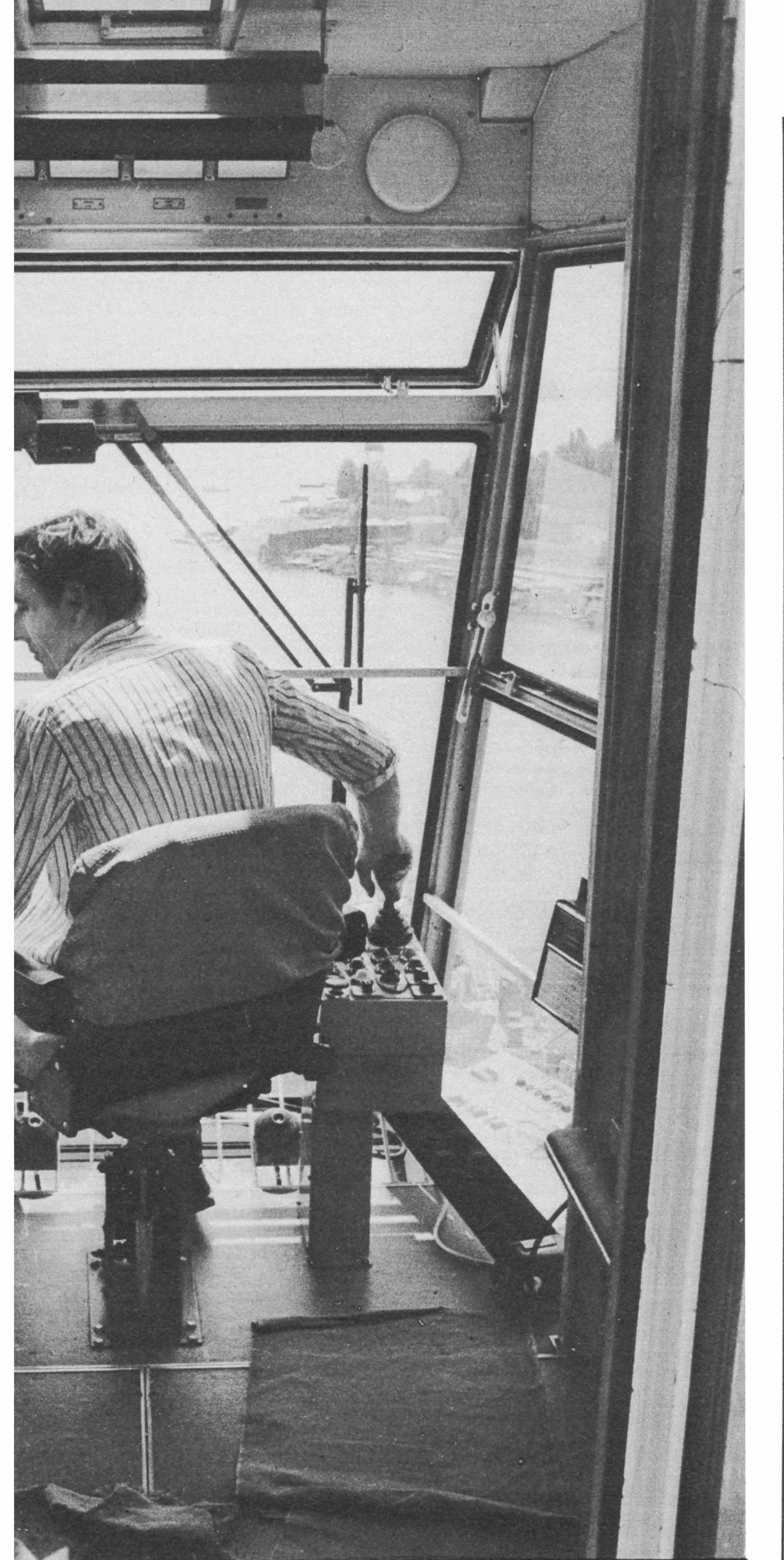
Якорные цепи должны быть надежными.

Лихтеровоз «Алексей Косыгин».

А. Трегуб, Н. Возбранный и С. Дудковский (слева направо) ведут сборку трубы танкера.

Машинист портального крана Ю. Уманец работает на заводе 31 год.

В поселке Корабел.

МЫ—МИРНЫЕ ЛЮДИ

Сегодня по вине Белого дома международная обстановка обострилась до крайности. Каждый человек отдает отчет в том, что решение американского правительства разместить «Першинги» и крылатые ракеты в Европе может вызвать термоядерную войну, которая уничтожит всю земную цивилизацию.

Новое преступление американских войск — вторжение в Гренаду, в результате которого на маленьком острове в Карибском море гибнут мирные люди. Ни один человек, кем бы он ни был, каким бы трудом ни занимался, не может остаться равнодушным к этой агрессии и не высказать свое слово протеста. Известно, что самое большое счастье на земле — это мирный труд. Поэтому все мы вместе и каждый из нас в отдельности должны работать на мир.

Свой скромный, посильный вклад в дело мира стараюсь вносить и я. «Прочь мы отбросим нейтронную смерть» — так с композитором Богданом Клымчуном назвали мы песню, за которую были награждены дипломом первой степени Тернопольского областного конкурса комсомольской песни. Сбор от концерта, где мы участвовали вместе с Людмилой Лядовой и Богданом Клымчуном, был перечислен в Фонд мира. Сейчас, как никогда, все честные люди должны сплотиться против человеконенавистнической политики империализма, чтобы восторжествовал мир на всей земле, «чтоб солнце мира освещало планету всю лучами торжества!».

И. МИХАЙЛУСЕНКО, поэт

Москва.

●

ПОСЛЕ ВЫСТУПЛЕНИЯ «ОГОНЬКА»

ДОРОГА БУДЕТ ПРОЛОЖЕНА

В журнале «Огонек» (№ 25, 1983 год) была опубликована беседа с дважды Героем Социалистического Труда бригадиром шахты «Нагорная» Е. И. Дроздецким. Отвечая на один из вопросов нашего корреспондента, знатный бригадир отметил, что производительность труда шахтерских коллективов во многом зависит и от настроения, с которым горняки спускаются в лаву. Он, в частности, сказал о плохой дороге к шахте «Нагорная» — двадцать с лишним километров сплошных ухабов, да и возят шахтеров на грузовиках.

Редакция получила ответ от заместителя министра угольной промышленности СССР Е. Н. Рожченко. В нем сказано:

«Минуглепром СССР рассмотрел критические замечания о неудобствах, связанных с доставкой трудящихся к месту работы на Кушеяковский участок шахты «Нагорная», опубликованные в журнале «Огонек», и считает их справедливыми. Министерством принимаются меры по улучшению доставки людей к этому участку. На ремонт автодороги в 1983 году производственным объединениям «Гидроуголь» и «Кемеровоуголь» планировалось соответственно 200 и 300 тысяч рублей. В текущем году эти средства комбинатом «Кузбассшахтострой» будут освоены в полном объеме.

Всесоюзному промышленному объединению «Кузбассуголь», промышленному объединению «Кемеровоуголь» дано указание обеспечить в 1984 году окончание всех работ по восстановлению дороги.

В 1983 году министерством целевым назначением для шахты «Нагорная» выделено 16 автобусов ПАЗ-672».

●

ПИСЬМО НЕ НАПЕЧАТАНО. МЕРЫ ПРИНЯТЫ

Письмо читателя Г. П. Сандера, в котором он жаловался на антисанитарное состояние вагона № 9 поезда № 54 и пьянство проводников, рассмотрено управлением Октябрьской железной дороги.

За халатное отношение к служебным обязанностям и нахождение на рабочем месте в нетрезвом виде проводник вагона Ю. В. Смирнов снят с поездной работы сроком на три месяца и лишен премии.

Начальник поезда Б. П. Павлова строго предупреждена за то, что не сумела обеспечить должный контроль за работой поездной бригады в пути следования.

В. С. ТРУСКОВ,
заместитель начальника
службы вагонного хозяйства

Исполком Одесского городского Совета рассмотрел направленное «Огоньком» коллективное заявление граждан, проживающих в бараках комбината «Одесспромстрой».

Сообщаем, что в настоящее время жильцам выданы ордера для заселения в новых домах № 199 и № 201 по улице Львовской.

К. М. КРАСНИКОВ,
заместитель председателя
исполкома

Полученная из редакции жалоба О. Г. Шабуровой рассмотрена республиканским объединением «Югавтотранс».

Ставропольское и Карачаево-Черкесское территориальные объединения автомобильного транспорта подтвердили факты нерегулярного движения автобусов. Из-за технической неисправности и отсутствия бензина не выполнялись рейсы по маршрутам Курсавка — Черкесск и Курсавка — Пятигорск. В настоящее время Курсавскому филиалу автопредприятия оказана максимальная помощь: выделен новый автобус, двигатели, горюче-смазочные материалы. Налажено регулярное движение автобусов.

С. В. КЛИМЧУКОВ,
заместитель начальника
объединения «Югавтотранс»

Земля талантами богата

РАССКАЗ О ТОМ, КАК ЗАБОТЛИВО И ВНИМАТЕЛЬНО РАСТЯТ В ПЕНЗЕ ХУДОЖЕСТВЕННУЮ САМОДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

Н. ТОЛЧЕНОВА,
заслуженный деятель искусств РСФСР

Фото А. НАГРАЛЬЯНА

Любовно, Сурским краем, зовут люди свою землю в Пензе и области. Зовут по имени тихой приветливой речки Суры, которая, впрочем, тоже разлилась своим морем недавно. И уж поистине с неоглядным морем народных талантов встретишься здесь, если вздумаешь коснуться явления глубоко советского, выражающего образ жизни социалистический. Это коллективы художественной самодеятельности. Тут и совсем новые участники, недавние, и те, что уже успели прославить себя не только на пензенской земле, но и в столице и за рубежом.

— Когда человек сам начинает творить себя — это великое дело. Оно и есть самодеятельность. Само-сотворение,— говорит Г. В. Мясников, секретарь обкома КПСС.

Вот такое увлеченное самосотворение и наблюдаешь во всех коллективах Дворца культуры Пензенского часового завода.

Заглянем с согласия директора дворца, Тамары Петровны Нефедовой, на репетицию танцевального коллектива «Зоренька». Здесь даже на разминке увидишь слаженную, четкую, красивую работу. А танцы просто захватывающе хороши. Многие танцевальные программы, созданные руководителем Юрием Ермолаевичем Яничкиным, давно стали известными. Особенно поражают интересные его импровизации, где он, опытный балетмейстер, тоже вышедший в свое время из художественной самодеятельности — что для Пензы является почти правилом,— скрупулезно проверяет возможности танцоров, пробует их силы. Среди них, кстати, и его жена Наташа. А дома танцуют еще сын и дочка, уже понимающие, что это совсем не баловство.

Танцы Яничкина всегда осмысленны, сюжетны. Оригинальная сюита «Конвейер» — точнее сказать, балет-спектакль — представляется своеобразным творческим манифестом «Зореньки», где музыкой и танцем постановщик и самодеятельные исполнители утверждают силу, достоинство своего завода, мастерство талантливых людей. В сочетании неповторимых, разнообразных движений «Конвейера» происходит словно бы осмысление, одушевление трудового процесса, что и делает произведение искусства современным, содержательным. Исполняется оно легко, с хорошим, по-настоящему профессиональным мастерством.

— Воспитывающая, агитационная сила самодеятельных коллективов для нас, пожалуй, на первом плане,— говорит Лариса Ивановна Кудрявцева, заведующая отделом пропаганды обкома партии.— В области сто восемьдесят пять тысяч участников самодеятельности, и все они являются нашими помощниками. Очень важно и то, что росту самодеятельности энергично помогают хозяйственные руководители. В этом вы тоже убедитесь, побывав в районах, на предприятиях.

И вот я на велосипедном заводе имени Фрунзе.

«Магистраль жизни». Так агитбригада «Прометей» назвала свое произведение, где оживают — опять же в оригинальной художественной форме — и сегодняшний день завода и те давние прекрасные традиции, которые заложены еще подвигом комсомольцев-корчагинцев.

«Прометей» звонко, страстно славит рабочее звание, рождая чувство гордости у людей труда:

— Рабочий! Нет звания выше,
чем это!
Профессии нет человечней!

Сердечное это чувство передается аудитории. Заражает ее.

«Прометеем» руководит, целенаправленно и увлеченно создавая идеологически мощный, своеобразный агиттеатр, Фарид Ахметович Хайрудинов. Каждый из его прометеевцев имеет право заявить:

— Я — там, в цеху, где ждет
меня работа.
Свой новый день я так прожить
хочу,
Чтоб предъявить при выходе
с завода
Свои дела — как пропуск —
Ильичу!..

Агитбригада держит связь с молодежью, ушедшей в армию; родственно и тепло встречает тех, кто из армии на завод возвращается; чествует ветеранов в особом, ритуальном зале заводского музея, где увидишь много дорогих заводчанам реликвий, сбережаемых с давних времен.

...В художественной самодеятельности пензенских коллективов нет стандарта, схожести, повторяемости. Совершенно по-своему работает, например, на птицефабрике коллектив, который зовется «Курочка ряба». Руководитель агитбригады Эдуард Тихонов, человек очень талантливый, под стать Хайрудинову в Пензе, художник острый и напористый. В его представлении «Курочка» способна на многое.

— Ах, курочка, взмахни
крылом!
Эх, курочка, напиши пером!

Такой вот припевкой, энергично, наступательно начинают свое сатирическое действо участники очередного спектакля. И не скупятся на острое словцо — нелицеприятно вытаскивают за ушко да на солнышко тех, кто вдруг нарушил правила рабочей чести, был нерадивым, неряшливым...

— Правда, таких у нас немного,— говорит директор фабрики Б. З. Эйдлин.— Никому ведь неохота ощутить остроту курочкиного пера!

Теперь у «Курочки» появилось еще и «Яичко» — веселый ребячий коллектив, окруженный здесь особой любовью. Опять же неистощимый на выдумки Э. С. Тихонов создает и для ребятишек номера, чаще всего веселые и забавные. В репертуаре коллектива «Яичко» есть и танцы, и песня, и стихи — прямое обращение к слушателям.

...С яркими, одаренными людьми довелось встретиться в совхозном объединении Ардым, где Дворец культуры носит обязывающее название «Современник». Надо сказать, что дворец поистине современно построен и оборудован: сразу видно, что хозяева не были склонны к показухе и стремились не к пышности интерьера, а остроумно и находчиво использовали живые, сегодняшние возможности дизайна. Здесь везде светло, уютно и празднично. В актовом зале «Современника» только что состоялась свадьба. Поженились работники совхоза Люда Тычкова, воспитательница детского сада, и тракторист Федор Тямин, активные участники самодеятельности. У Люды хороший голос, она признанная певунья; Федор же, недавно вернувшийся из армии, гармонист. Отличная пара и в творчестве, а теперь и в жизни... Их свадебный кортеж встретился нам, когда мы ехали в Ардым, а молодожены направлялись в Пензу, чтобы по традиции возложить цветы к почитаемому народом Памятнику воинской и трудовой доблести пензенцев в годы Великой Отечественной войны...

Вернутся домой новобрачные, и дальше пойдет их жизнь своим чередом, в труде и творчестве; ведь здесь все трудовые процессы непременно сопровождаются праздничным, всякий раз особым обрядом.

— Уверен,— говорит директор объединения Николай Федорович Выдрин,— жизнь, труд человека в коллективе требуют дружбы и взаимопонимания, только тогда сближаются люди. Без этого нельзя ни жить, ни работать... Испортить человеку настроение, а то и судьбу совсем несложно! Куда трудней позаботиться о нем, подумать о его благополучии, счастье. Наш «Современник» именно на это нацелен... Жаль, уехала от нас в Терновку по семейным обстоятельствам Татьяна Алексеевна Кузина, руководитель народного театра. Посмотрели бы вы на нее — талант!

— Да ведь Таня Кузина и сама жалеет об Ардыме,— говорю я.

— Откуда знаете? — удивляется директор.

— Познакомилась с ней в Терновке, в районном Доме культуры. Очень способный, интересный человек. Сейчас репетирует с этим новым своим коллективом Шукшина, «До третьих петухов».

— Вот молодец! У нас она шукшинские «Характеры» ставила... Мы-то теперь свой театр заново создаем. А Таня наверняка хорошим профессиональным режиссером станет...

Вернувшись из Ардыма в Пензу, я узнала у руководителя областного научно-методического центра творчества и культпросветработы В. К. Засторожного, что в Пензе и области существует более двухсот клубов по интересам. Сегодня их главная особенность, пожалуй, в том, что они объединяют не только взрослых, но и детей, учитывая при этом самые разные увлечения.

Действительно, в тот же вечер я была приглашена в клуб работников просвещения, где одновременно работали сразу два коллектива: детский, школьный, веселый и озорной «Росток», и народный театр, взрослые самодеятельные актеры.

Ребята из «Ростка», исполняя свои роли, веселились вовсю. Впрочем, ими очень мобильно управляла Елена Валентиновна Иванова, актриса Пензенского драматического театра: ставила маленькие сценки по стихотворениям Михалкова, Барто, Маршака... Конечно, артистами ее ребят называть еще рановато, однако способности, а главное — увлеченность, заинтересованность давали себя знать... Потом я увидела репетицию вполне «взрослую». Репетировалась пьеса Коломийца «Дикий ангел», и очень хорошо показали себя М. А. Алтарева, инженер по профессии, и ее парт-

Еще и так выступает агиттеатр «Прометей» * Любимый публикой ансамбль «Зоренька» * Юля Понякина в танце «Жаворонок».

НА РАЗВОРОТЕ ВКЛАДКИ: В этом семействе танцуют все; Наташа Яничкина репетирует с дочкой Катей * Эпизод из хореографической сюиты «Праздничная» * Солистка ансамбля Ольга Батанова.

нер, педагог, завуч Пензенского культпросветучилища Е. А. Орловский. Оба играли свои роли уверенно, с подъемом, и репетиция шла живо, темпераментно. Сразу видно было, что режиссер народного театра А. Тер-Казарян сумел увлечь артистов содержанием хорошей пьесы.

Возник вопрос: а каковы заботы профессионального искусства. И я обратилась с этим вопросом к директору областной филармонии В. В. Тарабурину.

— У нас идет интересный процесс,— сказал он.— Почти все наши профессиональные артисты выросли из самодеятельности. И, конечно, филармония всемерно способствует дальнейшему росту народного творчества. Своими силами мы устраиваем всегда желанные в каждом районе встречи мастеров с сельскими тружениками. Проходят они обычно на стадионах, а иногда просто на полянах, празднично, при большом стечении народа. Коллектив филармонии не так уж велик, но работа идет серьезно, с заглядом в будущее. Создается музыкально-литературный лекторий с отделениями в сельских районах. Мокшанский, Белинский, другие районы горячо поддержали эту инициативу: к ним уже не раз приезжали широко известные артисты наши — А. Шуватов, А. Постнов, В. Аношина... Их любят в области.

Что касается талантливой певицы Веры Аношиной, то и мне посчастливилось с ней встретиться. Песни ее трогают непритворной добротой, искренностью переживания. А ведь начиналась эта известная профессиональная певица именно в народной самодеятельности, будучи простой работницей.

Коммунистка, человек высокой и чистой души, Аношина петь начинала в знаменитом хоре, который и ныне носит в Пензе имя своего создателя и творца Октября Васильевича Гришина. Он тоже вырос в самодеятельности, этот удивительный, разносторонний человек. Его сегодня уже нет в живых, но не умрут песни, мелодии, им сочиненные. Живо осталось и само имя Гришина. Хотя уже мало кто знает, например, что песню «Восемнадцать лет» — прелестную в исполнении Аношиной — написал Гришин на стихи Владимира Кирилловича Застрожного; песню воспринимаешь именно как народную. И хорошо очень, что каждое пензенское утро начинается певучими, трогательными строфами именно этой задушевной песни. Чем-то родным и близким отзывается на них сердце...

И, наконец, в самый день отъезда — еще встреча, еще одно явление. Это детский певческий коллектив «Камертон»—хор мальчиков, где есть малыши с редкостно звонкими, чистыми голосами. Руководит хором человек страстно увлеченный — Михаил Петрович Кузьмин, бывший детдомовец. Он опять же из самодеятельности. Любит свое дело, своих ребят до самозабвения. Да они и стоят такой любви.

«Послушай, как звуки хрустально чисты!..» — поют они. Легко, свободно поют. Взлетает ввысь радостная, чистейшая, как у жаворонка, музыкальная фраза. Это Моцарт. Но в репертуаре ребят много нынешних советских песен. Чудесно они исполняют добрую, всем знакомую «С чего начинается Родина...». Поют «Бухенвальдский набат», настойчиво повторяя: «Берегите мир»...

Перед отъездом из Пензы я встретилась с первым секретарем обкома партии Ф. М. Куликовым.

— Вы видели лишь малую часть того, чем живет и дышит Пенза и область,— сказал он.— Вам показалось, что это много, но это первое впечатление. Надо пожить дольше на нашей земле, чтобы всю ее охватить, чтобы увидеть дела людей... Мы их знаем, это главное. Это помогает и нам в работе. Мы очень прочно усвоили слова Юрия Владимировича Андропова на встрече с ветеранами: «Только духовное богатство человека поистине безгранично. И хотя его не положишь в кошелек и не повесишь ради престижности на стену — мы за такое накопительство. Единственно достойное человека, советского человека». Так что нам еще надо накапливать и накапливать. Значит, у нас все еще впереди,— заключил беседу Федор Михайлович Куликов.

На этом, казалось бы, конец рассказу о пензенских встречах. Но я увозила с собой еще и письмо, присланное из армии руководителю студенческого пензенского самодеятельного коллектива П. М. Лощинину.

Приведу письмо полностью.

«Петр Михайлович! Вы, наверное, очень заняты. А мне интересно, как вы съездили в Севастополь... Какой имели успех?.. У меня все нормально. Присвоили очередное воинское звание. Теперь я много думаю: куда после армии? Идти учиться? Или идти работать?.. Меня, конечно, больше всего тянет опять к вам, в коллектив. Но если я, как прежде, буду пропадать на репетициях, преподавателям это не понравится. А на дневное учиться не пойду: стыдно от единственной матери деньги брать. Значит, остается вечернее отделение. Или заочное?.. Вот я и на перепутье. Ведь если вечернее, то с репетициями не получится? Посоветуйте! На этом кончаю и жду ответа...»

Такое вроде бы совсем обыкновенное, а в общем-то необычное письмо... Ведь почти совсем пропащий, совсем «трудный», мягко говоря, был этот парень!.. Забрел он однажды случайно на занятия коллектива художественной самодеятельности да больше и не ушел... Остался! И постепенно совсем другим человеком стал. Переродился, не заметив даже коренной, нравственной перемены в себе.

Это и есть самосотворение...

Но за ним стоит великая творческая сила коллектива, которая и помогает строить, а порою в корне менять самую судьбу человеческую.

●

Дворец культуры «Пензхиммаш».
«Посиделки» — веселый фольклорный номер ансамбля «Реченька».

память

Стальное пламя

Колонна машин шла по безбрежной приволжской степи. И хотя многие из нас, участников Сталинградской битвы, не были здесь сорок с лишним лет, места все же казались знакомыми, настолько знакомыми, что около какой-нибудь высотки или оврага мы выходили из машин и, перебивая друг друга, рассказывали, как стояли здесь насмерть, как били фашистов, как хоронили друзей...

Но вот, наконец, и цель нашей поездки — поселок Верхне-Кумский, правда, еще раньше мы увидели гигантский девятиметровый факел. Кованая нержавеющая сталь скупо светилась гранями, отливала бликами чеканных плоскостей. Так волгоградский архитектор Александр Савченко и скульптор Виктор Фетисов увековечили подвиг воинов Красной Армии, остановивших на водоразделе Аксая-Есауловского и Мышковой армаду немецких танков, катившихся к Сталинграду. Бывший командующий Сталинградским фронтом Маршал Советского Союза А. И. Еременко впоследствии сказал, что имена людей, первыми преградивших путь фашистским войскам, рвавшимся освободить окруженную армию Паулюса, должны быть вписаны золотыми буквами в историю Сталинградской битвы, им должны быть сооружены памятники и обелиски. И вот свершилось! «Никто не забыт — ничто не забыто!» — опоясали венец крылатые слова.

Но вернемся к событиям морозного и снежного декабря 1942 года: именно тогда решалась судьба Сталинградской битвы. Через три недели после того, как наши войска замкнули кольцо вокруг армии Паулюса, на внешнем фронте окружения сложилась драматическая обстановка. 12 декабря шестьсот пятьдесят танков и более восьмисот орудий, в основном самоходных, при поддержке пятисот самолетов ринулись выручать Паулюса, пытаясь деблокировать его армию.

Танковые дивизии наносили удар вдоль железной дороги Тихорецк—Сталинград. К концу следующего дня основные силы танкового тарана вышли в район Верхне-Кумского и с ходу захватили этот ключевой населенный пункт на направлении главного удара. До окруженных им оставалось менее пятидесяти километров. Чем могла закончиться Сталинградская битва, если бы тридцать свежих дивизий группы армий «Дон» фельдмаршала Манштейна и двадцать две дивизии Паулюса соединились, трудно сказать. Но они не соединились! Участок прорыва закрыли воины механизированного корпуса генерала В. Т. Вольского и несколько частей усиления.

Семь долгих суток на рубеже Верхне-Кумского, несколько раз переходившего из рук в руки, шли кровопролитные бои. В них особо отличились части подполковников М. С. Диасамидзе и А. А. Асланова, ставших Героями Советского Союза. При шестикратном превосходстве в силах на земле и в воздухе гитлеровцы не смогли сломить защитников Верхне-Кумского. Они выстояли, обеспечив 2-й гвардейской армии генерала Р. Я. Малиновского выход на рубеж реки Мышкова, последний естественный рубеж перед Сталинградом. Соотношение сил здесь изменилось в пользу Красной Армии. Дальше гитлеровцы не прошли! Именно в эти дни генерал Малиновский назвал армию Паулюса лагерем вооруженных военнопленных. А бывший начальник штаба генерала Гота Ф. Меллентин, имея в виду Аксай-Есауловский, через много лет с горечью напишет, что битва на берегах этой безвестной речки «положила конец надеждам Гитлера на создание империи и явилась решающим звеном в цепи событий, предрешивших поражение Германии».

Да, впереди еще было два с половиной года войны, но мы уже твердо знали, что победа будет за нами и мы, сталинградцы, непременно дойдем до Берлина. Дошли, к сожалению, не все: за каждый освобожденный город и поселок приходилось платить самой дорогой ценой — жизнью наших товарищей. Поэтому ветераны войны делают все возможное, чтобы никто из павших не был забыт, чтобы живые помнили: своей жизнью они обязаны тем, кто лежит под памятниками, обелисками и в неведомых, одиноких могилах. Застывший в чеканной стали факел под Верхне-Кумским — еще одна дань нашим павшим товарищам, еще одно свидетельство глубокого осознания величия их подвига.

Г. КЛЮЧАРЕВ,
архитектор, бывший помощник начальника штаба 45-го гвардейского танкового полка

26 ноября 1924 года была провозглашена Монгольская Народная Республика. С этой страной Советский Союз связан тысячью нитей дружбы. Об этом рассказывает письмо, которое прислал из Монголии наш читатель Сергей Евгеньевич Васильев, инженер радиорелейной связи.

САМАЯ МУДРАЯ ИЗ НАУК

Мой монгольский друг Энхтайван и автор этих строк.

«Самая мудрая из наук — дружба» — гласит монгольская народная пословица. Ее смысл я постиг в аймаке Баян-Хонгор, где работал на радиорелейной магистрали, построенной Советским Союзом.

Весной этого года среди монгольских связистов, обучающихся у советских специалистов, был проведен конкурс на звание лучшего по профессии. Когда экзамен закончился, я был не просто рад, я был счастлив! Мой ученик Энхтайван занял первое место и стал чемпионом Монголии.

В 1981 году он окончил университет в Улан-Баторе и по распределению попал на Баян-Хонгорский радиорелейный участок. Энхтайван — добрый человек, талантливый, инициативно работающий инженер. У нас с ним много общих интересов. Нам часто приходилось вместе коротать время на бесконечно длинных степных дорогах. Он рассказывал, что вырос в юрте, в маленьком сомоне. Его игрушками, как и у других ребятишек, были камешки и песок, а лучшим другом была большая черная собака, которая позволяла детворе забавляться с ней. Большим праздником в сомоне стал день, когда появился первый дизель. Свет в юртах! Какое это было счастье! А сейчас в Монголии работает спутниковая телерадиосвязь. Вступившая в строй радиорелейная магистраль позволила увеличить число телефонных каналов. В аймачных центрах теперь можно смотреть цветные телевизионные передачи. Мог ли предвидеть чумазый мальчишка из юрты, что через пятнадцать лет он будет на «ты» со сложным оборудованием и станет чемпионом 1983 года по своей специальности!

...Опять дорога, ландшафт, похожий на лунный, и снова рассказ моего друга. Мне очень нравится, как Энхтайван радуется за свой народ и свою отчизну. О ее сегодняшнем дне мы знаем из газет и журналов, телевизионных передач, а чтобы я лучше узнал прошлое Монголии, подарил мне мой ученик книгу «Жестокий век» Калашникова. Прочитав ее, я понял, почему так счастлив Энхтайван. Он с гордостью произносит слова «моя Родина», и объясняет: золотыми буквами вписан в ее историю 1921 год, когда в стране победила революция. В 1924 году была провозглашена Монгольская Народная Республика. Не узнать сегодня страну, бывшую когда-то одной из самых отсталых. Она совершила гигантский скачок из мрачного средневековья к социализму. И в этом Монголии немало помог Советский Союз. Вот почему в МНР у нас так много друзей. Тут я хочу привести слова Энхтайвана: «Советский Союз привлекает меня достижениями во всех отраслях. За короткие сроки, как в сказке, встают города. Советские люди свободно шагают по космосу и помогают молодым социалистическим странам строить социализм, сохранить мир на земле».

Я рад, что частица и моего труда есть во всем этом. Мне повезло с командировкой: в МНР я узнал много хороших людей. Это наши надежные, верные друзья. А как красива их родина!

В сомоне Тариат Арахангайского аймака артисты ГДР и Монголии с участием югославского артиста Гойко Митича снимали фильм «Проводник». Этот сказочный уголок вблизи вулкана Хорго словно специально создан, чтобы снимать приключенческие фильмы. Вблизи горы Богд (высота четыре тысячи метров, ее вершину раскололо землетрясение) находятся охотничьи угодья. Лебеди и гуси, турпаны и утки, цапли и поганки, лысухи и большие бакланы. От выстрела поднимается столько пернатых, что становится темно. А в июле начинается время кумыса — волшебного напитка.

Радиорелейная магистраль действует три года, уже появились люди, которые прославились своей работой на ней. Начальник управления монгольский специалист Мятав награжден орденом Дружбы народов, а наш товарищ И. П. Леониди — орденом Полярной звезды, инженер О. Н. Головачева — медалью «Дружба», почетный связист СССР А. Т. Водопьянов и Ф. И. Веремьев — юбилейными медалями.

Однажды случилась техническая неполадка у нас на участке. Только релейщик может понять, что такое десять градусов мороза и ветер 15 метров в секунду. Станция расположена на высоте две тысячи метров, а на антенне высотой 25 метров нужно размотать с печей метров 60 асбестового шнура, заменить спирали, потом все собрать. Паяльная лампа гаснет на таком ветру. Колючий ветер выбивает слезу, которая превращается в сосульку — выдержать можно только пять минут, потом вниз греться к дизелям и так до сорока раз, вниз, вверх. Наконец общими усилиями все отремонтировано!

Когда моя командировка подошла к концу и я собрался домой, монгольские инженеры пятнадцатого радиорелейного участка заверили меня: «Будем работать, как учили советские друзья. А это значит — не подведем!»

Аймак Баян-Хонгор.

ПОСЛЕ ВЫСТУПЛЕНИЯ «ОГОНЬКА»

СУТЬ ДЕЛА

В редакцию пришли письма-отклики на нашу с академиком Федором Григорьевичем Угловым беседу «Честное слово». Пишут учитель К. Савченко из Ферганы, горнорабочий из Донбасса А. Щербина, ветеран партии, персональный пенсионер, москвич К. Гвоздев, С. Власова из Петропавловска и другие. Читателей волнуют нравственные проблемы, поднятые в размышлениях Ф. Г. Углова. Показательно, что многим авторам писем знакомы его прекрасные книги «Сердце хирурга», «Человек среди людей», которые стали для них друзьями и советчиками в самых нелегких жизненных обстоятельствах. «Книгой доброй, умной, альтруистической, учебником добра и стремления не только греться в его лучах, но и самому отдавать людям тепло» назвал «Человека среди людей» А. Щербина.

Проникшись особым доверием и уважением к Федору Григорьевичу, учитель К. Д. Савченко обращается к нему с просьбой о помощи. Факты, о которых он сообщает, редакция не оставит без внимания.

Два больших, взволнованных письма прислал К. Гвоздев. Осмыслив приведенные в беседе с Угловым факты и явления, он продолжает размышлять об истоках нравственности советского характера, о воспитании в нем чести, достоинства и неразрывно с этим — профессиональной гордости. И тут оказываются затронутыми очень важные, с моей точки зрения, вопросы.

Слово самому Константину Ивановичу Гвоздеву: «Приметы нравственного несовершенства лежат у нас порою на поверхности так открыто, что мы уже принимаем их как должное, перестаем обращать на них внимание,— пишет К. Гвоздев.— Уважение к себе и к своему делу неразделимы. У нас существуют ведомства, сотрудники которых обеспечены формой, имеют классные звания,— транспорт, лесное хозяйство, прокуратура и т. д. Но многие как бы стесняются этой формы, видят в ней нечто досадное.

Равно как перестали носить значки высших учебных заведений, которые тоже могли бы напомнить их владельцам определенный кодекс корпоративной чести, обязательства перед обществом, окружающими людьми.

Нельзя не сказать и о том,— продолжает К. Гвоздев,— что сейчас почти не встретишь людей, которые открыто и с гордостью носили бы знак ударника коммунистического труда. Ведь как нередко бывает? На работе человек ударник, а по месту жительства товарищеский суд разбирает его недостойное поведение. Когда же сообщают об этом на работу, администрация, как правило, отмалчивается, вместо того чтобы сделать эти факты достоянием рабочего коллектива, строго взыскать с человека, запятнавшего почетное звание.

Я был председателем месткома профсоюза, когда движение за коммунистический труд только зарождалось, и помню, сколь велики были требования к тем, кто удостаивался звания ударника. Высокие производственные показатели — это была только само собой разумеющаяся часть дела. Особую важность приобретало общественно-политическое лицо человека, его нравственный облик, постоянная, а не эпизодическая активность. И не было нужды тогда ежегодно, а то и ежепраздничнo «пересматривать» многотысячные списки ударников, как это делается порой ныне для того, чтобы «подтвердить» звание чохом всем. При подведении итогов социалистического соревнования рассматривались лишь те, кто по той или иной причине не оправдал доверия и лишался чести быть ударником.

Из более чем шестисот рабочих, ИТР и служащих нашего предприятия первыми ударниками стали всего восемь человек».

Честь — понятие не застывшее. Оно многогранно, и вопросы, которые поднимает тов. Гвоздев, имеют к чести самое прямое отношение. Честь и формализм, честь и безответственность несовместимы. И то, что тревожит старого коммуниста, уже получило должную оценку на июньском (1983 г.) Пленуме ЦК КПСС в речи товарища Ю. В. Андропова: «Мы должны объявить настоящую войну такой практике, когда наши демократические нормы и установления не подкрепляются делами, когда довольствуются лишь формой, видимостью дела... Исключительно важно добиться,— подчеркнул Юрий Владимирович Андропов,— чтобы слова никогда не расходились с делом, а суть дела не подменялась формой».

Именно так стоит вопрос сегодня. Именно дела, а не видимости его добиваются советские люди, в том числе и наши читатели. Вот почему так важны для нас такие примеры высокой духовности, достойного, самоотверженного служения делу и человечеству, каким является врач и гражданин Федор Григорьевич Углов.

Ирина ПИРОГОВА

А. ЩЕРБАКОВ

ваше мнение, читатель?

УВАЖАТЬ В СЕБЕ ЧЕЛОВЕКА

Позвольте немного фантазии... Представьте себе: перестали брать деньги за проезд на городском транспорте. Более того, вам платят. Входите в троллейбус и получаете четыре копейки наличными. И в автобусе получаете. И в трамвае... Теперь представьте: по ошибке либо недоразумению кого-то обделили. Один скажет: «Ладно, стоит ли из-за четырех копеек шуметь!» Другой возмутится: «Смотрите, люди добрые, на глазах у честного народа человека обманывают! Обижают, по карману бьют!..» И скандал...

Как полагаете, много ли при такой ситуации найдется готовых поскандалить из-за четырех, а то и трех копеек? Боюсь, что немало. И вот почему. В прошлом году на общественном транспорте Минска контролеры обнаружили 316 997 безбилетных пассажиров. Это уже не фантазия, а суровая реальность. Как к ней отнестись? Можно, конечно, рассудить так: «Да, есть у нас еще отдельные несознательные элементы, однако не они же задают тон в обществе». Кто-то, может, и согласится. Я — нет. Во-первых, больше трехсот тысяч — не многовато ли «отдельных» в одном, пусть даже большом городе? А во-вторых, о тех, кто тон не задает, но поступки неблаговидные совершает. Здесь уже возникает проблема, и очень важная. Дело, разумеется, не в нескольких копейках (хотя, как известно, из копеек складываются рубли, миллионы рублей, миллиарды). Дело в совести. А на нее ведь особые расценки.

...В трамвайно-троллейбусном управлении Минска мне показали письмо. Написал его В. Пашкевич, отрекомендовавшийся работником вахтовой бригады нефтяников. Пишет, что ехал с женой и двумя ее подругами в автобусе. Вошел контролер и стал, как выразился В. Пашкевич, процеживать пассажиров. Одна из попутчиц автора письма вспомнила (а не войди контролер?), что у нее нет билета. У жены, продолжает В. Пашкевич, оставался талончик, и она пробила его для подруги. Контролер это заметил и, естественно, потребовал уплатить штраф за несвоевременную оплату проезда, чем и вызвал возмущение В. Пашкевича. Он обвинил контролера в несправедливости, оскорбительном отношении к людям и требовал строго наказать его.

Может, тот вел себя и не совсем образцово, контролеры тоже разные бывают. Однако нарушение-то он обнаружил и, как должностное лицо, призвал к ответу. Этого В. Пашкевич предпочел не касаться. Более того, высказав много обличительных слов в адрес контролера, он не нашел ни одного хоть как-то осуждающего безбилетного пассажира. Вроде тут все в порядке. А вот следить за соблюдением порядка, установленных законом правил, «процеживать» пассажиров (словцо-то какое ввернуто!), по мнению В. Пашкевича, вовсе ни к чему. Сердятся такие люди, когда их «процеживают»: жить им мешают. А посему предлагают бороться не с безбилетниками, а с контролерами.

Вот и возникает вопрос: мог ли уважающий себя человек написать такое письмо? Вопрос не праздный и выходит, на мой взгляд, далеко за рамки случая в автобусе, случая, которому, кто-то скажет, не стоит придавать серьезного значения.

Стоит!

Вы замечали, как высок бывает обычно накал гнева, когда речь идет о личных интересах? Не стесняются, например, клеймить в печати мужей, не обнаруживающих рвения нести вахту у стиральных машин. Но гнев не пробуждается, когда тот же муж приносит с завода или со стройки «кое-что» для дачи или в тех же целях рубит в лесу молодые деревца.

Мы всегда очень болезненно реагируем, когда проявляют неуважение к нам. И это правомерно. Оскорбила проводница в поезде; дежурная в гостинице задала бестактный вопрос; бросил двусмысленную реплику начальник... Как не возмутиться?! И мы, бесспорно, правы, когда восстаем против невежества, беспардонности, хамства. Но задумываемся ли мы: а откуда идет неуважение к людям? Понимаем ли, что оно прежде всего от неуважения к самому себе? Ведь уважающий в себе Человека, не может не уважать Человека в другом. Всегда ли мы помним это?!

Уважать в себе Человека... Уважать в себе достоинство гражданина, мастера, семьянина, уважать в себе честность, доброту, скромность, искренность, мужество, принципиальность, порядочность, верность долгу, преданность идее. Кажется, так просто. Нет, не так уж просто. Иные полагают, что куда удобнее жить применительно к подлости, как говорил Салтыков-Щедрин. Жить, не считаясь с интересами общества, скрывать цинизм, умение ловко приспосабливаться, устраиваться...

...Маляр явился с опозданием, потоптался возле окошка, пошевелил кистью и скоро засобирался на обед. Когда пришел, сразу дал понять, что антиалкогольной пропагандой не охвачен. Кое-как дотянул до конца дня и, не доделав, что начал, удалился.

Через день или два звонок в дверь. Он. С мятой тетрадочкой в руках. «Распишитесь вот здесь, что ремонт у вас закончен и претензий к нам нет». Узнав, что претензии есть, встревожился. Не потому, что совесть в нем заговорила или гордость мастера проснулась. Признался, что беспокоится насчет прогрессивки. План надо «закрывать». И готов был унижаться, скандалить, чтоб выклянчить нужную запись. Остальное его не волновало.

Так удобнее тем, чьи идеалы умещаются в кошельке. К сожалению, таких не единицы, и они яростно, умело, я бы сказал изнуренно борются за свое существование. А государство, общество терпят немалые убытки, и моральные и материальные, когда отдают какое-то дело в руки таких людей. Результат: в одном случае недокрашенный подоконник; в другом — новый комбайн, который, прежде чем вывести в поле, сельские механизаторы долго ладят, потому что на заводе что-то не подогнали, что-то не отрегулировали; в третьем — из-за чьей-то преступной безответственности серьезная авария...

Меры? Принимаются. Сердитые бумаги на досках приказов, обсуждения на собраниях, лишение тринадцатой зарплаты... Нельзя сказать, что это не действует. Однако по мере развития и совершенствования нашего общества повышаются требования к его гражданам, и поэтому все острее ощущается надобность в системе воспитания той самой социалистической цивилизованности, глубокой и многогранной, о которой так убедительно говорил на июньском (1983 год) Пленуме ЦК КПСС Юрий Владимирович Андропов.

И думается, что здесь важно воспитание на примерах, достойных подражания. С какой гордостью за Человека слушаешь, как вспоминают о хороших людях: «Был у нас в деревне печник...»; или «Лечился, я помню, у врача»...; или «Парикмахера того весь город знал»... Счастливых людей вспоминают! Знали те люди себе цену, знали, как среди других себя утвердить, и тем самым учили окружающих не только мастерство ценить, но и ценить красоту человеческую.

Мне не довелось, к сожалению, быть лично знакомым с Виктором Петровичем Аманшиным — рабочим из моей родной Калуги. Я много о нем знаю по рассказам. Несколько лет назад слесарь Калужского электромеханического завода Аманшин умер. А его помнят. И будут помнить. Как он уважал в себе труженика! Как дорожил своим рабочим званием! Ему претило, да он и не умел отбывать на заводе смену. Он там постоянно жил — думами, душой, радостью причастности ко всему заводскому. И все это шло от великого уважения в себе Человека, родившегося для самого трудного дела на земле — жить достойно.

Рассказываю об Аманшине и думаю: почему мы порой так неоправданно скупо говорим о достойнейших — ветеранах войны и труда, передовиках производства, заслуженных людях?! Как часто за перечнем цифр из обязательств и рапортов следуют пышные, но в общем-то бесстрастные слова похвалы... И все. А слов живых, теплых слов о внутренней красоте человека, о нравственной его силе не слышим, не читаем. Хотя знаем, что трудовой подвиг всегда несет в себе нравственный заряд. Пример передовиков важнее и нужнее раскрывать, учитывая критерии нравственные, а цифры — им в подкрепление.

По той же причине видится надобность поискать ответы на вопрос: почему в некоторых производственных коллективах так приземлили, не боюсь этого слова, оказенили движение за коммунистический труд. В нем ведь заложены поистине неисчерпаемые воспитательные ресурсы. А они сплошь и рядом лежат нетронутыми. Между тем вряд ли кому неведомо, что формальное провозглашение высоких целей, стандартная, неодушевленная их пропаганда, арифметический «уклон» в оценках результатов труда, творчества никогда не гарантировали нравственной отдачи. А без нее соревнование теряет воспитательный смысл, сводится к дежурным мероприятиям, к показному усердию в идеологической работе.

В недавно принятом ЦК КПСС, Советом Министров СССР и ВЦСПС постановлении «Об усилении работы по укреплению социалистической дисциплины труда» сказано, что в борьбе с отрицательными явлениями «слабо используются сила общественного мнения, советские законы, меры дисциплинарного воздействия». Имеется в виду прежде всего производство, а вместе с ним, разумеется, и все наше бытие, от него, производства, неотделимое.

Нельзя забывать об этом!

Владимир ГОРДЕЙЧЕВ

Жизнь отзовется

* * *

«Жизнь моя,
хороша ж ты
так, что и впрямь — на диво!
Неутоленьем жажды
творческой наградила,
жажды неутоленьем,
духа неутомленьем,
трудных времен веленьем —
их же преодоленьем.
Дивная, дай мне волю
высказаться в глаголе,
сколь я тебе привержен,
твой неприметный стержень.
Все, что я сделал толком,
в воле твоей — и только!
Если пишу об этом,
светел твоим я светом.
Если вдруг ты мне рада,
больших наград не надо.
Ты моя, в общем, сила
всяческая. Спасибо...»
Жизнь отзовется: «Браво!
Много мне чести, право,
сила моя вовеки
все-таки — в человеке.
Нет во мне озарений,
кроме людских творений.
Молот, что серп рождает,
сам себя награждает...»

* * *

Том гражданственный
с полки достав,
до чего же читать интересно!
Ровно за полночь, не дочитав,
положу его рядом на кресло.
Пусть лежит себе
вниз корешком,
я открытым его оставляю:
тьме ночной, что стоит
за окном,
дочитать за себя пожелаю.
Лунный свет задрожит
на листе,
озарясь, шевельнется
страница...
Это славно, когда темноте
тоже вздумается просветиться.
Въестся в книгу она, говорю,
проникаясь общественным
благом,
а назавтра уже и зарю
развернет ало плещущим
флагом...
Так ликбеза питомица встарь,
скажем, добрая тетка Алена,
за настольный бралась
календарь,
расширяя зрачки изумленно.
В мельтешне
типографских значков
зовы дерзкие нови державной
преломлялись в стеклышках
очков
на глазах этой женщины
славной.
В красных лозунгах
классовых битв
с бесподобною душ
перетряской
вырастал до вселенских орбит
кругозор активистки
крестьянской.
Возлегала она на кровать,
влив под пробку в фонарь
керосину,
и от книги ее оторвать
было только рассвету
под силу...

* * *

Мы скворечню к жердине
прибили
на балконе однажды весной.
Но скворцы недоверчивы были,
облетали ее стороной.
Весен пять, до поры отдыхая,
ничьего не лелея крыла,
жердь торчала, как ветка сухая.
На шестую весну —
«зацвела»!
Обнаружились не без фасона
в полом ящике, вроде дупла,
развеселые два новосела,
две свирели рябого пера.
Так вдвоем засвистали бедово,
что в отдельных квартирах
своих
все жильцы коммунального
дома
загляделись из окон на них.
В красных лозунгах
Первого мая,
всей Земли демонстрантам
родня,
я доверие птиц принимаю
украшением века и дня.
Эта пара пернатых на ветке,
радость их, человеческой в лад,
тоже входит в итог пятилетки,
в непоследний ее результат.

* * *

Если от глаз моих спрячется
«зайчик» надежды опять,
еду на Площадь Землячества
камни ее целовать.
Чудом от смерти избавленный,
здесь я обрел на крови
храм, в моем детстве
поставленный,
Веры, Надежды, Любви.
С верой, и правда
действительной,
может, на тысячу лет,
в то, что земли победительней
больше, чем отчая, нет,
еду на родину, смеючи
твердо надеяться вновь:
все мои беды и немочи
здесь переможет любовь.
Видел я в танковом скрежете,
рвавшем родные поля,
сколько здесь всяческой
нежити
перемогала земля.
И благодатью просимою,
давнего мифа верней,
новой наполнится силою
прикосновение к ней.

МАЙСКИЙ ПОЛДЕНЬ

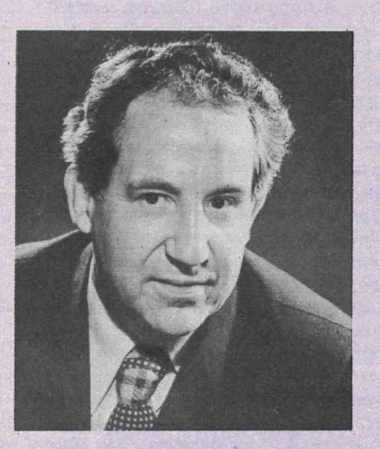
У временем черненных
бревенчатых оград
сиреней и черемух
разлился аромат.
Твой дом от тех сиреней
так густо засинел,
что в памяти все время
старинное «синель».
Куда ни глянь, похоже,
что в людный этот день
в глазах у всех прохожих
сияет голубень.
Ручей к речной лазури
бежит, весну трубя.
Ни облачка, ни хмури
на сердце у тебя.
Весь край настолько ясен,
что, будто бы смеясь,
оглядывает ясень
густую неба ясь.
Озерами синеет
российский дольний край...
Когда заосенеет,
ты вспомнишь этот май.

ДРУЗЬЯ ПО ОБЩЕЙ ПЕСНЕ

При своем интересе
сколько лет ни живешь,
а душевную песню
не со всяким споешь.
С сухарем не распеться
ни с одним, ни с другим.
Только с близким по сердцу,
по душе дорогим.
Зазвени ж, как бывало,
над тоской над тугой,
старый друг-запевала,
человек дорогой!
Стань для общего круга
добрых чувств маяком,
взгляд растроганный друга
ободряя кивком.
Это редкое таинство,
даже слезы из глаз:
нас самих совершается
опознание в нас.
Значит, петь, словно выстонать
нам заветное всласть,
чтоб не песня, а исповедь
над столом вознеслась.
Кто-то прыткий погонится
вслед за песнею впредь,
но фальшивому голосу
в нашем хоре не петь.
Даже если останемся
из капеллы вдвоем,
нашу песню и в старости
по душе допоем...

* * *

Хоть дорога была тяжела,
все равно не в подножных
заботах
из Петрищева девушка шла
в пальтеце и резиновых ботах.
«Нет»,— махала беретом
в горсти,
если борт самосвала мазутный

притормаживал, чтоб подвезти,
предлагал ей водитель
попутный.
С тем уехать отсюда домой
не хотела она в самосвале,
что свидетельства жизни одной
долго девушку не отпускали.
И глаза ее, полные слез,
мглились вечною памятью тою,
где босую на лютый мороз
выгоняют каратели Зою...
Цепенела снегов пелена.
Шла по ним партизанка
вспотычку.
Счастье жить оставляла она
на безвестную эту сестричку,
а еще на тебя, на меня,
всех, кто, больно ли памятлив,
нет ли,
вольно дышит сегодня —
родня —
легким горлом, не сдавленным
в петле...
Для хранящих наследную боль
тайны в том не скрывалось
нимало,
отчего над Петрищевом столь
небо хмурилось, словно б
рыдало,
там, где «ЗИЛы» болотную гать
за спиной оставляли с разбега,
где иззябшая гостья шагать
продолжала полоскою снега...

КРЫМСКОЕ УТРО

Трудам, что держим
на примете,
еще не время. А пока
есть пробужденье на рассвете:
деревья, горы, облака.
Непримелькавшимся
стоп-кадром
ты впечатленье приголубь,
как голуби своим сверканьем
высотную разъемлют глубь.
Сколь притягательны орбиты
их поднебесной колеи!
И светом утренним омыты
все устремления твои.
Покуда спит еще потреба,
тебе души не занимать,
и счастлив ты глубинам неба
глубокой думой совнимать.

Воронеж.

Свыше шестидесяти лет насчитывает сценическая биография Героя Социалистического Труда, народного артиста СССР Михаила Ивановича Царева. Более сорока лет из них отданы Малому театру. Именно здесь, рядом с корифеями русской сцены, проходит Царев школу актерского реалистического искусства и достигает высшей зрелости. В творческой его индивидуальности соединились многие стороны русского театрального мастерства. Это сделало его не только художником высочайшего класса, но еще и новатором, чутко улавливающим проблемы Времени и находящим совершенные средства для их выражения.

Многообразное искусство Царева всегда шло по восходящей линии; работы же последних лет в спектаклях по пьесам Вс. Вишневского, М. Горького, А. Грибоедова, В. Шекспира, Ф. Шиллера свидетельствуют о неувядаемой творческой энергии артиста; о стремлении — и возможности — постоянно обогащать свое искусство.

Актерской палитре М. И. Царева подвластны самые разные человеческие типы и характеры. Успех в роли Вожака в «Оптимистической трагедии» во многом определил успех спектакля в целом, поскольку именно Царев дал этому образу совершенно новую жизнь, новую трактовку, показав политические и нравственные корни анархизма, их бесчеловечную, антигуманную силу. Образ наполнен огромным социальным и философским звучанием, однако актер отнюдь не делает Вожака неким стереотипом — представителем тупой безумной веры: «Анархия — мать порядка!..» Артист выводит на сцену сутуловатого, очень аккуратного человека. Командирская фуражка, пенсне на черном шнурке... Нет, это не бедовый матрос, не рубаха-парень, а человек на первый взгляд даже вполне интеллигентный. Да и то, как в любом споре, в горячей неразберихе Вожак Царева ведет себя, говорит — негромко, размеренно, твердо зная, что его все равно услышат, — как неторопливо двигается, даже как молчит, укрощая тяжелым взглядом растерянных людей, поигрывая своим пенсне на шнурочке,— во всем этом проявляется страшная темная сила.

Вожак ненавидит людей: «Под корень всех рубить надо!» Исходя бешеной злобой, он не останавливается ни перед чем в сопротивлении и неприятии Революции.

Царев рисует фигуру крупную — врага незаурядного, силу коварную, хитрую, стремящуюся к беспредельной власти. Потому-то и становится в спектакле такой значительной победа Комиссара, представителя большевиков, сумевших вырвать матросов из-под влияния Вожака и превратить анархистскую вольницу в боевой отряд Красной Армии...

Новое прочтение роли предлагает М. И. Царев, играя Маттиаса Клаузена в драме Г. Гауптмана «Перед заходом солнца».

На советской сцене эта пьеса ставилась не часто. И ставилась лишь в тех случаях, когда в театре был большой актер, способный во всей полноте раскрыть и передать трагедию Маттиаса Клаузена — личности яркой, неординарной, живущей среди зарождающегося фашизма, который уже опирался на бездуховность, деспотизм, оголтелую военщину.

Исполнители этой роли — М. Астангов на вахтанговской сцене и Н. Симонов в Ленинградском театре имени А. С. Пушкина — решали образ в романтическом ключе, подчеркивая прежде всего чувство любви Маттиаса Клаузена к юной Инкен. Любовь присутствует, конечно, и в трактовке Царева. Однако она не заслонила, не вытеснила могучей силы духа Клаузена, его высокого интеллекта, его значительности, готовности к яростному, непримиримому бою с ложью, фальшью окружающего мира. Но только в одной Инкен он встретит живое воплощение добра и благородства, отсюда его сила, бурный протест против грубых, жадных, бестактных родственников. Отсюда же и трагизм заключительной сцены, где Царев показывает уход Клаузена из жизни, как осознанную неизбежность, как обвинительный приговор тем, кто привел его к гибели.

Царев прочерчивает некую связь образов гауптмановского Маттиаса Клаузена и короля Лира в великой трагедии Шекспира. Ведь оба героя погибают в безысходном трагическом поединке с жестоким миром — со своими же детьми! Но есть тут и существенное различие...

В небольшой роли гонца Гонерильи в спектакле ленинградского Большого драматического театра «Король Лир» вышел на сцену юный Царев. А когда Михаилу Ивановичу исполнилось 75 лет, он начал репетировать короля Лира в Малом.

Его герой опять же ничем, кажется, не подчеркивает свое королевское величие. Спокойная, негромкая речь. Внимание к окружающим. Лишь особая весомость каждого слова, лишь благородство поведения — вот в чем превосходство Лира. При этом Царев показывает не такую «возвышенность» героя, чьи чувства и мысли остаются недоступны простым смертным. Перед нами живой человек, со всей его бедой и слабостью. Человек, рождающий чувство восхищения своей незаурядностью.

Играя Лира, актер создает классический образ, близкий современности, подчеркивая в нем великую ответственность человека, его обязанность в любой ситуации творить добро... Да, он может обмануться, но не теряет веру в человечность. И пока такие люди, как Корделия, Глостер, Эдгар, живут на земле, трагедия Лира освещается светом надежды...

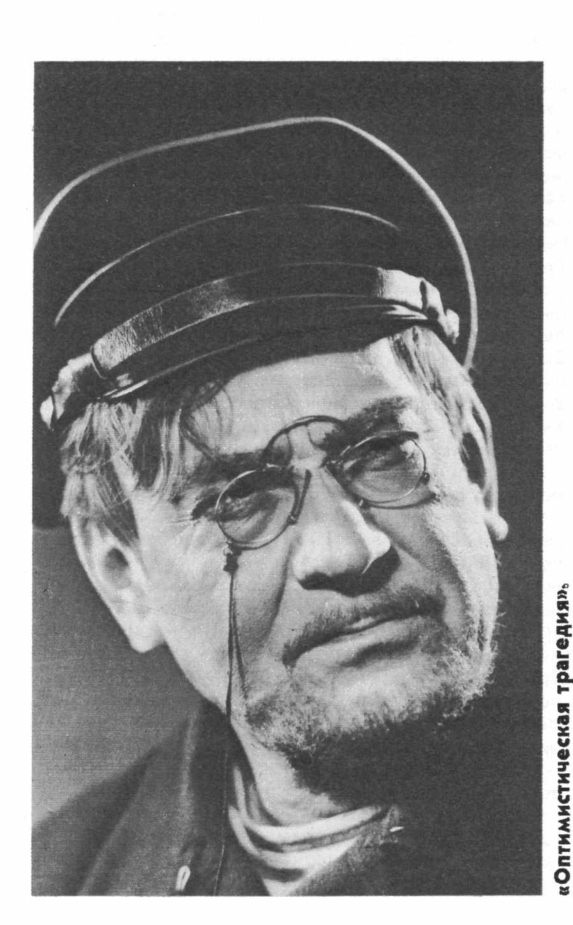
Артиста часто спрашивают: какая тема является ведущей в его творчестве? Он неизменно отвечает: любовь. Любовь к своей земле, к людям, к своему времени. И поэтому весьма характерно для художника, что его профессиональная деятельность теснейшим образом связана с большой общественной работой. М. И. Царев — профессор театрального училища имени Щепкина, директор Малого театра, председатель президиума Совета Всероссийского театрального общества, президент советского Национального центра Международного института театра и общества дружбы «СССР — Канада».

Богатая событиями, заполненная трудом, жизнь М. И. Царева — истинный пример высокого служения искусству.

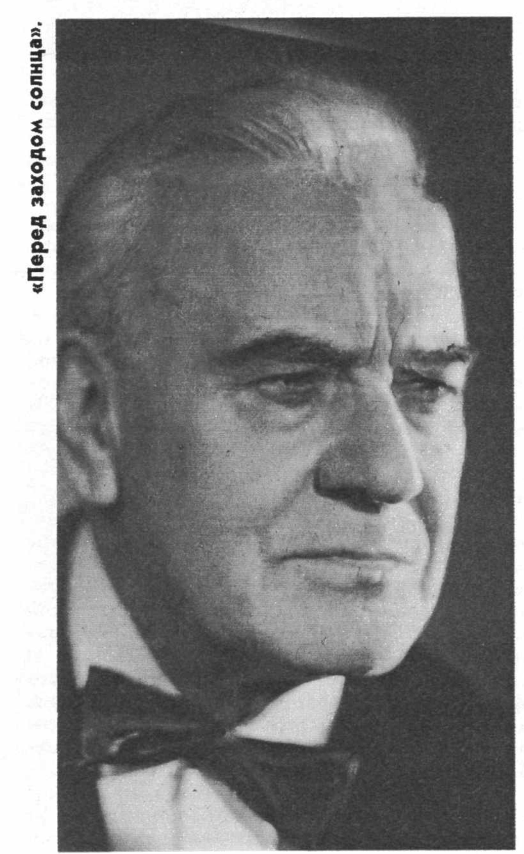
Марина **ДМИТРИЕВА**
Фото **И. ЕФИМОВА**

К 80-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ

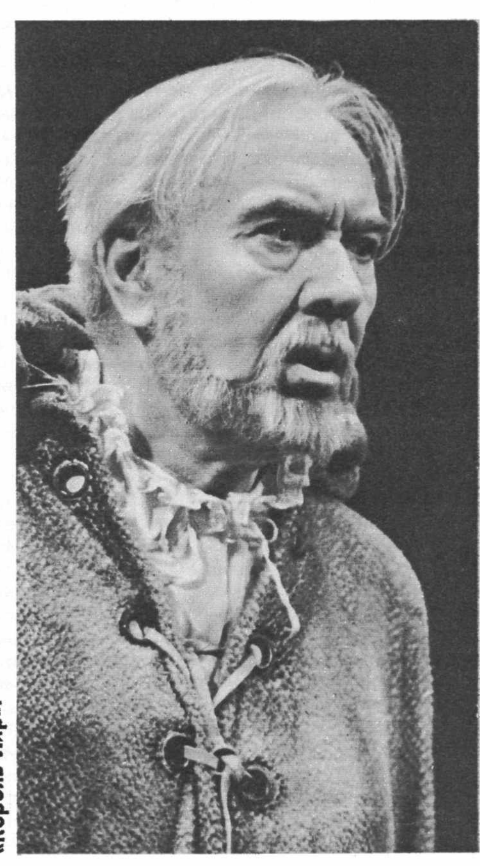
ТРИ РОЛИ ЦАРЕВА

«Оптимистическая трагедия».

«Перед заходом солнца».

«Король Лир».

С. ЛОСЕВ
В. ПЕТРУСЕНКО

За фасадом мафии

Тайнам убийств президента США Джона Кеннеди и его брата сенатора Роберта Кеннеди были посвящены политические детективы С. Лосева и В. Петрусенко «Месть по-американски» («Огонек» №№ 9—15, 1981) и «Преступление века: розыск продолжается» («Огонек» №№ 46—50, 1981). В нынешнем году исполнилось 20 лет со дня убийства Джона и 15 лет — Роберта Кеннеди. Редакция «Огонька» попросила авторов рассказать, появились ли в последнее время какие-нибудь новые данные о преступлении века, совершенном 22 ноября 1963 года в Далласе, и его продолжении — кровавой трагедии в Лос-Анджелесе.

Нам кажется, нет нужды повторять то, что уже было написано нами и другими советскими авторами. В нашей печати были подробно освещены все события, дающие основания подозревать Центральное разведывательное управление США (ЦРУ), военную разведку, Федеральное бюро расследований (ФБР), секретную службу по охране президента, мафию, кубинских контрреволюционеров в том, что случилось с Джоном Кеннеди. Одни готовили убийство, другие знали об этом и не помешали преступлению, третьи помогали заметать следы.

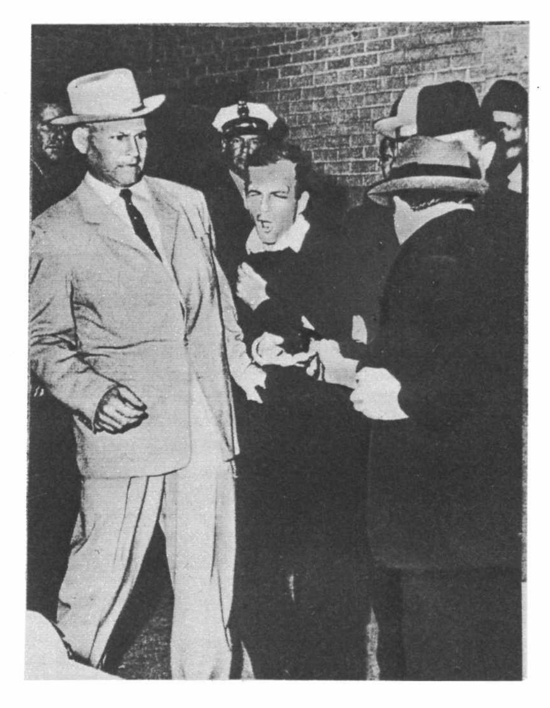
Через три месяца после вступления Джона Кеннеди на пост президента он санкционировал вторжение наемников ЦРУ на Кубу. Но он не разрешил массированного воздушного прикрытия, на котором настаивали ЦРУ и военные. Бывший президент Д. Эйзенхауэр сказал Джону Кеннеди, что на его месте он послал бы бомбардировщики на Кубу.

Оценивая это и другие высказывания, Дж. Кеннеди в партии за шашками со своим другом Полом Феем промолвил: «Мы не намерены бросаться в безответственные действия лишь потому, что фанатики в этой стране ставят так называемую национальную гордость выше национального разума. Неужели ты думаешь, я возьму на свою совесть ответственность за беспричинное убийство и калечение детей, таких же, как наши дети? Неужели ты думаешь, я способен вызвать обмен ядерными ударами — ради чего? Ради того самого, во что меня втянули и что я не считаю пристойным и правильным? Ну что же, если ты или кто-нибудь еще считает меня способным на все это, он сумасшедший». Но вскоре Дж. Кеннеди добавил, что, если у него произойдет еще пара таких фиаско, как на Кубе, с ним расправятся путем «военного переворота».

Среди тех, кому первое фиаско на Кубе не давало покоя, была и мафия. Она потеряла ежегодный доход от своих казино на Кубе в 900 миллионов долларов. Вместе с ЦРУ она еще до прихода Джона Кеннеди в Белый дом начала борьбу против острова Свободы.

* * *

Исследования убийства Джона Кеннеди, которые ведут добровольные американские искатели правды, все больше напоминают археологические раскопки с типологическим методом обработки материалов. Производятся выявление, сбор, уточнение и классификация данных, относящихся к роли организованной преступности (мафии), кубинской контрреволюции, ЦРУ, военной разведки США, ФБР, полиции Далласа в событиях, связанных с преступлением века. Продолжается накопление фактов, проливающих свет на ухищрения секретной службы по охране президента; на роль министерства обороны и комиссии Уоррена, которая получила мандат на расследование убийства президента, на роль других ведомств, на их попытки затуманить, исказить, извратить истинный ход и характер случившегося, а также всего, что предшествовало выстрелам в полдень 22 ноября 1963 года на Дили-плаза в Далласе и что последовало за ними.

Момент убийства Джеком Руби Ли Харви Освальда в далласском полицейском участке.

В последнее время добровольные расследователи прочесывают ту часть документов комиссии Уоррена, которая не была включена в выпущенные ею 26 томов приложений к докладу и к которой недавно открыт доступ. Они хранятся в Национальном архиве, где за семью замками запрятаны и многие засекреченные документы, связанные с убийством президента. Углубленному изучению подвергается также 21 том документов прокуратуры штата Техас. Нового для себя независимые американские расследователи извлекли из них не так уж много. Скорее, они укрепились в ряде предположений и выводов. И один из них заключается в том, что **на месте преступления основательно наследила мафия, может быть, основательнее, чем ее партнеры в преступлении — ЦРУ, военная разведка и кубинские контрреволюционеры.**

...В ночь с 21 на 22 ноября 1963 года в 1 час 30 минут в далласском ресторане «Лукас Би энд Би» появился молодой темноволосый человек, худощавый, неопрятного вида. На вопрос старшей официантки Мэри Лоуренс: «Что вам угодно»,— он ответил: «Я жду мистера Руби». Владелец далласского ночного клуба «Карусель» Джек Руби частенько бывал в «Лукасе», и Лоуренс знала его, но этого посетителя она видела впервые. Руби пришел через час, занял столик за кабинкой кассира, заказал большой стакан апельсинового сока, и тут к нему пересел ждавший его молодой человек.

К вечеру того же дня Мэри Лоуренс и работавшая с ней кассирша заявили агенту Федерального бюро расследований, что у них на глазах происходила встреча между заподозренным в убийстве президента Ли Харви Освальдом и Джеком Руби. На 3 декабря того же года, когда Руби уже убил Освальда в полицейском участке Далласа и находился в тюрьме, был назначен новый, более обстоятельный допрос официантки в ФБР. В промежутке ее допрашивала далласская полиция, которая услышала от важной свидетельницы следующее: «Я совершенно уверена, что с Руби встречался Ли Харви Освальд». Накануне новых показаний в ФБР в доме М. Лоуренс раздался телефонный звонок, мужской голос звучал угрожающе: «Если ты не хочешь помирать, убирайся из этого города». И тут старшая официантка из «Лукаса» хватается за спасительную соломинку. Она «припоминает», что на щеке у молодого посетителя была «царапинка»: значит, это был не Освальд.

Но были еще встречи Руби и Освальда, о которых позднее пустили неподтвердившийся слух, что они являются отцом и сыном. Весьма любопытный разговор между ними подслушал и затем дословно воспроизвел его в письменном заявлении на имя ФБР далласский адвокат Кэролл Джэрнагин. Они беседовали 4 октября 1963 года в «Карусели» Джека Руби. Судя по всему, он прощупывал Освальда на предмет использования его для политического убийства. Руби предложил бывшему морскому пехотинцу, обучавшему в то лето военному делу по заданию американских спецслужб кубинских контрреволюционеров в Новом Орлеане, убить губернатора Техаса Джона Коннели во время его посещения Далласа. Руби явно дал понять Освальду, что он выступает от имени синдиката организованной преступности, который в связи с потерей Кубы для мафии и усилением преследований мафии в Чикаго со стороны Роберта Кеннеди хотел бы более энергично развернуться в Техасе. Поэтому им нужен был «немного более сговорчивый» губернатор.

Освальд. Почему вы махнули рукой на нынешнего губернатора?

Руби. Пустые хлопоты. Он пожил в Вашингтоне (имеется в виду, что Коннели был министром ВМС в правительстве Кеннеди.— **Прим. авт.**), а там все становятся слишком дисциплинированными. Стоит им там побыть какое-то время, и они начинают мыслить в унисон с министром юстиции (Робертом Кеннеди.— **Прим. авт.**). Министр юстиции — вот это пугало, которого взаправду хотелось бы убрать ребятам, но это невозможно, он почти все время сидит в Вашингтоне.

Освальд. Убийство губернатора Техаса вызовет мощное расследование, не так ли?

Руби. Не совсем, они подумают, что это сделал какой-нибудь сумасшедший или коммунист, и оно будет списано как нераскрытое преступление.

Освальд. Это, если я удеру.

Руби. Ты удерешь.

Итак, перед нами прошла одна из сцен очень большой игры. У нас нет сомнения, что Руби был прекрасно осведомлен в принадлежности к ЦРУ и военной разведке Освальда, побывавшего по заданию этих спецслужб в Советском Союзе. Руби отлично сознавал, что его планы убить Коннели и мечты покончить с Робертом Кеннеди будут немедленно доложены Освальдом и в ЦРУ и в Пентагон. Согласие Освальда на участие в покушении на Коннели означало молчаливое одобрение стоящих за ним сил плана стрельбы по лимузину, в котором техасский губернатор должен был ехать вместе с президентом Дж. Кеннеди. Кто бы в конечном счете ни стрелял по автомобилю — снайперы ЦРУ или мафии,— в случае более пристрастного расследования заговора и в случае, если бы Освальд все же уцелел, всегда можно было предложить объяснение: метили в Коннели, ранили его, а президента убили «случайно».

Большая интрига завязывалась маленькими сошками. Нужно ли было собирать еще другие, более высокопоставленные совещания представителей синдиката организованной преступности и «разведывательного сообщества», чтобы выработать совместные планы уже в отношении — аппетит приходит во время еды — президента? Скорее всего, что необязательно. Уточнение ролей и функций могло происходить молчаливо, с помощью знаков и полунамеков. Кстати, те же Руби и Освальд не прекращали встреч между 4 октября в «Карусели» и 22 ноября в 3 часа ночи в «Лукасе Би энд Би». Одно из таких свиданий происходило в «Карусели» в начале ноября 1963 года и засвидетельствовано посетителем ночного клуба Уилбуром Литчфилдом, желавшим стать компаньоном Руби. Освальд провел поздней ночью примерно час в кабинете Руби. Полиция и ФБР стремились угрозами вынудить Литчфилда отречься от показаний.

* * *

По мере приближения визита президента в Техас Руби и Освальд были возведены своими организациями в более высокие ранги. Освальд удостоился быть включенным в команду ЦРУ, возглавляемую обер-шпионами «Слоном» и «Конем», каковыми соответственно были Ричард Этли Филлипс и Эверетт Говард Хант. Закадычные друзья и координаторы «кубинской клики» ЦРУ Филлипс и Хант под видом подготовки покушения на Фиделя Кастро, на время отложенное, искали в городах Техаса, которые должен был посетить Дж. Кеннеди, удобное место для засады, где можно было бы как-то оправдать появление, говоря словами Руби, «какого-нибудь сумасшедшего или коммуниста». На том этапе к «кубинской клике» (ее отличительной чертой было недовольство Джоном Кеннеди за отказ разрешить новое вторжение на Кубу) примыкал и Десмонд Фитцжеральд — начальник специального кубинского отдела ЦРУ. Позднее он умер при загадочных обстоятельствах на теннисном корте. В кругу «благородных людей», как называют себя сотрудники ЦРУ, Освальд мог чувствовать себя в безопасности, не подозревая, что из него готовят на самом деле не участника операции против Фиделя Кастро или Джона Коннели, а убийцу президента США.

Старательный Освальд, заглаживая свою вину перед «разведывательным сообществом» за то, что он не выполнил данные ему задания в Советском Союзе, крутился на задних лапках и перед военными разведслужбами, прежде всего армейской. Наряду с этим Освальд числился осведомителем ФБР. Не слишком ли много для одного человека, спросит читатель. Эдакий двойной, тройной агент, да к тому же похоже, что он не прочь был подработать «на стороне», у синдиката организованной преступности. Выходит, что история оставляет потомкам нечто вроде феномена Освальда.

На наш взгляд, никакого феномена нет. Было молчаливое — или не такое уж молчаливое — соглашение (между спецслужбами) кадрового характера: кому быть убийцей президента. Поскольку официально ни одна из названных спецслужб в связях с Освальдом не призналась, он был очень удобным «козлом отпущения», одновременно «сумасшедшим» и «коммунистом», как прорицал Джек Руби. Да, тем и привлекателен был для заговорщиков Освальд, что выполнял на разных этапах задания и военных разведслужб, и ЦРУ, и ФБР, входил в контакты с организованной преступностью и кубинскими контрреволюционерами. Здесь каждое ведомство чувствовало себя заложником других, чтобы вместе «трудиться» над сокрытием и искажением правды о преступлении века.

* * *

Независимые американские расследователи из года в год все более активно вскрывают запутаннейшие лабиринты связей, которые прорастали на почве организованной преступности. Взять того же Джека Руби, крутившегося как белка в колесе в преддверии посещения президентом Техаса. Выявлены десятки людей, с которыми владелец «Карусели» встречался лицом к лицу или разговаривал по телефону с 23 апреля 1963 года (в тот день впервые было сообщено о предстоящей глубокой осенью поездке Дж. Кеннеди в Даллас) и по ноябрь того года. Тщательно собранное и прокомментированное американскими независимыми расследователями досье на эту тему читается как криминальный роман. Если бы Освальда убрали ранее другим путем, то и по сей день мало кто за пределами Далласа знал бы о существовании Джека Руби, тем более о его лихорадочных маневрах в пору, предшествовавшую покушению на президента.

Не будем утомлять читателя долгим пересказом кропотливых стараний далласского гангстера выполнить три взаимосвязанных задания: 1) согласовать решение об ударе по президенту, принятое боссом мафии Нового Орлеана Карлосом Марчелло, боссом мафии южной Флориды Сантосом Траффиканте и профсоюзным гангстером Джимми Хоффой, с лидерами организованной преступности Нью-Йорка, Чикаго и Западного побережья; 2) наладить механизм координации между необходимыми звеньями синдиката организованной преступности для реализации удара и 3) подобрать команду убийц. Несомненно, все эти действия дублировались и подстраховывались, но мы не знаем дублеров и подстраховщиков, поэтому любопытно, через кого посылал Руби сигналы, выполняя первую задачу. В эти месяцы его почти не видели в «Карусели», хотя обычно он проводил там все время.

...Западное побережье. Там, в Лас-Вегасе, центре азартных игр, одним из заправил мафии был Джон Роселли. Руби встречался с ним дважды в Майами — крупнейшем городе штата Флорида, на юго-востоке страны. Другим связным был Майкл Шор. С ним Руби непрерывно связывался по телефону. Шор проживал в Беверли хиллс под Лос-Анджелесом и работал в фирме граммофонных пластинок «Репризе» на одного из воротил мафии, Ирвина Вейнера, имевшего «деловые» интересы как на Западе, так и в Чикаго.

Будучи в Нью-Йорке, Руби общался с президентом театрального агентства «Ассошиэйтед букинг корпорейшн» Джозефом Глэзером-младшим, партнером известного деятеля организованной преступности Сидни Коршака, укрывавшегося под мантией адвоката. Он был фактическим владельцем «Ассошиэйтед букинг корпорейшн» и считался боссом мафии Лос-Анджелеса.

Посетив свой родной город Чикаго, Руби почти все время проторчал в гнезде местной мафии — ресторане «Генричис». Существует подозрение, что там он встретился с оптовым торговцем наркотиками Винсентом Марчези и подручным профсоюзного гангстера — Гасом Запасом.

Поездки в Новый Орлеан, как и можно было ожидать, предназначались для встреч с людьми «крестного отца» мафии Марчелло; ими были владелец бара «Старая французская опера» Фрэнк Карачи и один из приближенных Марчелло, Нофио Пекора.

В самом Далласе зарегистрированы в тот момент интенсивные контакты владельца «Карусели» с главарями местной мафии Джозефом Чивелло и Джозефом Камписи.

Национальный синдикат преступности, как указывал осенью 1963 года в показаниях в конгрессе министр юстиции Роберт Кеннеди, имеет «Национальную комиссию» — руководящий орган, состоящий из 12 главарей. Отдельные «семьи» мафии сохраняли, однако, большую автономность. Поэтому, по мнению американских экспертов по организованной преступности, действия Руби отражали процесс согласования решения предельной важности: целесообразно ли соучастие мафии в заговоре против президента? Не обернется ли оно тяжелыми последствиями для синдиката? Не подставят ли потом мафию под удар? Конечно, у синдиката был свой счет к братьям Джону и Роберту Кеннеди и особенно убеждать ее не было нужды. Но все же...

Джон Роселли был связан с ЦРУ, как и его боссы — чикагский «крестный отец» Сэм Джанкана и упоминавшийся Сантос Траффиканте. Им, видимо, поручили проверку и перепроверку того, насколько серьезен был подручный спецслужб Освальд.

Показательны три контакта, которые установил в те дни Руби. В штате Луизиана, близ Нового Орлеана, с Расселом Мэтьюзом; в Чикаго — с Лении Пэтриком и в Лас-Вегасе — с Льюисом Макуилли. Все трое значатся в организованном преступном мире как профессиональные убийцы. Зачем они были нужны владельцу «Карусели»? Пожалуй, ответ напрашивается сам собой.

* * *

Руби утверждал, что 21 ноября он не выезжал из Далласа. Однако несколько свидетелей видели его в тот день в техасском городе Хьюстоне — на улице, по которой проезжал Дж. Кеннеди, и в районе помещения, где выступал президент. Примерно в 10 часов вечера он появился у далласского мафиози Джозефа Камписи в его «Египетском баре», пробыл там около часа. Наконец, ночью он встретился с Освальдом в ресторане «Лукас Би энд Би».

В ту же ночь в соседнем с Далласом городе Форт-Уэрт владелец известного полиции притона «Дверь погребка» Пэт Кирквуд пригласил на бесплатное развлечение агентов секретной службы по охране президента, из которых пять будут ехать на следующий день в машине, следующей за лимузином Джона Кеннеди. Они не шелохнулись в восьмисекундной паузе между первым несмертельным ранением президента и смертельным выстрелом в голову. Кирквуд признался своей бывшей служащей Карен Карлин, что он опасался вызова на допрос и особенно вопроса: «Зачем вы нарочно напоили агентов?» Кирквуда об этом не спросили.

Карен Карлин допрашивалась уже как «артистка стриптиза» ночного клуба «Карусель». Она много знала о своем новом хозяине Руби. Финал этой главки в преступлении века стереотипен. Через несколько месяцев «стриптизницу» нашли застреленной в гостинице Хьюстона. Ее главная вина — заявление агенту секретной службы вечером 24 ноября после убийства Джеком Руби Освальда: «У меня впечатление, что Ли Харви Освальд, Джек Руби и другие неизвестные мне лица были участниками заговора с целью убить президента Кеннеди».

Босс мафии южной Флориды Сантос Траффиканте.

Среди более чем ста уничтоженных лиц, соприкоснувшихся с тайнами преступления века, оказались и Руби, и Роселли, и Джанкана, у которых начал было не в меру развязываться язык. Одна из дочерей Джанканы настаивает, что ее отец был убит теми же людьми, которые уничтожили Джона Кеннеди.

Одним словом, докопаться до главных виновников преступления века пока не удается. Но из того, что вскрылось, напрашиваются по крайней мере два вывода, характеризующих почерк «фанатиков» — наиболее реакционных сил, которые убрали с политической арены Джона Кеннеди.

Во-первых, они прибегают в ряде случаев к выстраиванию **прикрытия** для своих акций. Во-вторых, им присуща **безжалостность**, которую они переняли у кровавого синдиката преступности.

* * *

Подобным образом была проведена и провокация с южнокорейским самолетом, посланным в ночь на 1 сентября со шпионскими целями в воздушное пространство Советского Союза. И опять извергаются лавы дезинформации, чтобы скрыть организаторов диверсионной акции и политической провокации. И вновь крокодиловы слезы, как было в пору убийства «любимого президента». Но вспомним сбитый в 1960 году над Советским Союзом американский шпионский самолет «У-2».

Вся программа полетов «У-2» была личной инициативой директора ЦРУ Аллена Даллеса, благословившего свое ведомство на партнерство с мафией. 30 таких самолетов обошлись ЦРУ в 35 миллионов долларов. В своих мемуарах президент Д. Эйзенхауэр счел необходимым сообщить о программе А. Даллеса следующее: «Краеугольным камнем плана было решение, что самолет в случае непредвиденных обстоятельств будет рассыпаться в воздухе, а пилот погибать. На этом настаивали ЦРУ и комитет начальников штабов. Это было **безжалостное** и ужасное решение, но меня заверили, что молодые пилоты шли на это с открытыми глазами, руководствуясь высоким патриотизмом, бравадой головорезов, определенным материальным стимулом». Но пилот Гарри Пауэрс не выполнил контракт с ЦРУ, не «рассыпался» со своим самолетом, попал в плен, и Белый дом был вынужден поставить крест на преступных полетах.

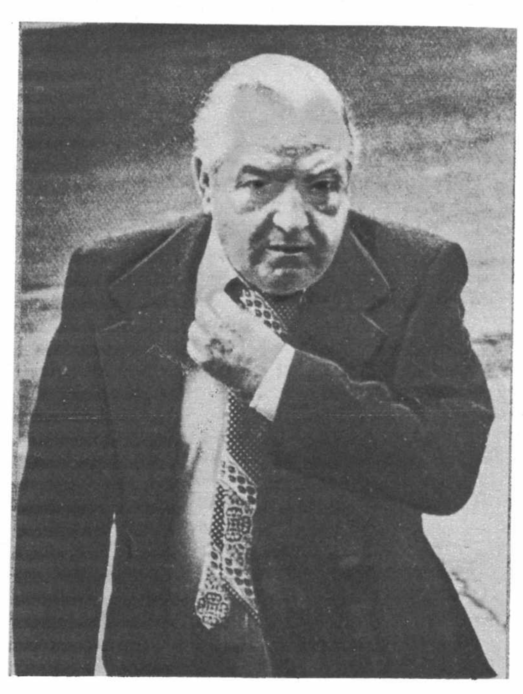
ЦРУ и комитет начальников штабов продолжали искать любые средства, чтобы проникать в воздушное пространство Советского Союза. С 1977 по 1981 год директором ЦРУ был адмирал С. Тэрнер. Уже после выхода в отставку он позволил себе по крайней мере два любопытных признания на страницах журнала «Форин полиси». На первое место в деятельности ЦРУ и всего «разведывательного сообщества» он поставил воздушную и космическую разведку. Кстати, Тэрнер признал, что не смог бы поклясться на библии, что южнокорейский самолет не занимался шпионажем. Во-вторых, он требовал от своих разведчиков выдумки, выдумки и еще раз выдумки, чтобы «противник», раскусив те или иные методы, сталкивался постоянно с чем-то все новым и новым. Заветы адмирала С. Тэрнера живут. Чем не «выдумка» пассажирский самолет «Боинг» Южной Кореи в роли сборщика разведданных?! Хорошее прикрытие для воздушного шпионажа. Не беда, что он может «рассыпаться». Безжалостность умопомрачительная, но в лучших традициях обер-шпиона империализма Аллена Даллеса.

Так может поступать только мафия, говорили раньше в Америке. Не только. В ЦРУ теперь директорствует Уильям Кейси. Два момента бросаются в глаза в биографии этого джентльмена.

Во-первых, его связь с организованной преступностью. Он был в свое время юристом некоей компании по переработке вторичного сырья. Английский журнал «Экономист» сообщал, что, «согласно показаниям под присягой, данная компания связана с организованной преступностью». Это произвело большое впечатление на Барри Голдуотера, председателя сенатской комиссии по разведке и личного друга президента Рональда Рейгана. Почему большое впечатление? Потому что сам Барри Голдуотер считается в Америке «продуктом» аризонской мафии. Будучи в свое время председателем федеральной комиссии по контролю над операциями с ценными бумагами, Кейси покрывал бизнесмена — преступника Роберта Веско (находится сейчас в бегах за пределами США), связанного с известным мафиози Вито Дженовезе, оказывавшим вначале немалые услуги Муссолини, а затем американской разведке.

Во-вторых, криминальные деяния, связанные с кражей в 1980 году конфиденциальных бумаг президента Дж. Картера, а также разведывательных и иных документов Совета национальной безопасности. Кейси был тогда руководителем предвыборной кампании Р. Рейгана и среди прочих дел организовал с помощью бывших и действующих сотрудников разведки хищение важных для его босса материалов. Разоблачение темных делишек Кейси пошатнуло его позиции, все нынешнее лето в печати раздавались требования о его отставке. Кейси необходимо было срочно «отличиться» перед Белым домом и одновременно вызвать скандал, который затмил бы историю с крадеными документами. Тут «выдумки» верхушке ЦРУ не занимать. Он выдумал прикрытие — южнокорейский самолет и свою «непричастность».

Фидель Кастро в свое время назвал ЦРУ самой опасной международной мафией. Точнее не определишь этот ударный отряд американской реакции, «фанатиков», приобретающих черты и повадки мафиози. По оценке одного из бывших сотрудников ЦРУ, Джона Стокуэлла, ЦРУ повинно в уничтожении более одного миллиона человек в различных странах.

«Крестный отец» Нового Орлеана Карлос Марчелло. Оба бандита — он и Сантос Траффиканте — люто ненавидели братьев Кеннеди. Независимые расследователи считают их главными организаторами убийств Джона и Роберта Кеннеди.

Джон Кеннеди верой и правдой служил правящему классу империалистической Америки. Но он был дальновиднее и реалистичнее тех, кто толкал страну на безответственные международные авантюры, на увековечение «холодной войны» и обострения противоборства с Советским Союзом, дальновиднее тех, кто лишен «национального разума». В этом была его «вина».

Поясняя истоки громких политических убийств, потрясших Америку, генеральный секретарь Компартии США Гэс Холл подчеркнул: «У монополистического капитала нет морали, нет человеколюбия, нет понятия о братстве, верности и патриотизме. Единственный его бог — частные прибыли... По мере того как сама структура капиталистического общества гниет и разрушается, насилие становится все более и более развитым и все больше превращается в неотъемлемую часть повседневного кризиса».

* * *

Вот уже более 10 лет добровольные американские расследователи убийства Роберта Кеннеди тщетно призывают через печать двух лиц, находившихся в ночь с 4 на 5 июня 1968 года на месте преступления в буфетной лос-анджелесского отеля «Амбассадор», дать о себе знать — живы ли они, где находятся, почему прячутся? В одном из разыскиваемых подозревается подлинный убийца сенатора, в другом — напуганный главный свидетель убийства. Но живы ли они? Не постигла ли их участь более сотни американцев, которые ушли из жизни при загадочных обстоятельствах?

Сейчас в Соединенных Штатах говорят о том, что преступление в Лос-Анджелесе во многом скопировано со зловещей драмы, разыгранной 35 годами ранее в крупнейшем городе штата Флорида — Майами. Там 15 февраля 1933 года в парке на берегу морской бухты состоялся политический митинг, на нем выступал Франклин Делано Рузвельт, готовившийся занять президентский пост.

Раздалось 5 или 6 выстрелов. Арестованный, американец итальянского происхождения Джузеппе Зангара, назвавшийся безработным каменщиком, твердил, что он хотел убить Рузвельта; причина — «язва желудка», «хронические желудочные боли, ниспосланные капиталистами» («Я не питаю ненависти лично к Рузвельту, но я ненавижу всех чиновников и вообще богачей»). Через 40 лет Комиссия Уоррена, расследовавшая убийство президента Дж. Кеннеди и вынесшая шитый белыми нитками приговор мертвому Ли Харви Освальду, радостно воскликнет: так ведь Зангара — это прототип Освальда!

Рузвельт произносил речь, сидя на спинке заднего сиденья открытого автомобиля. Он совершенно не пострадал. Еще бы! Пули легли в толпу, окружавшую автомобиль, на расстоянии 2,5—3 метров от избранного президента. Зангара был плохой стрелок? Ему кто-либо мешал? Он целился издалека? На все три вопроса ответ — нет.

Он ранил пять человек, одного из них смертельно. Им был мэр Чикаго Антонин Чермак, скончавшийся через три недели. А еще через две недели Зангару посадили на электрический стул, суд подчеркнул, что безработный каменщик действовал в одиночку. Иными словами, никакой заговор не предварял стрельбу в майамском парке. Посмертное вскрытие Зангары показало, однако, что физическими болями он страдать не мог — у него был совершенно здоровый желудок.

Зангара работал на одном из подпольных заводов по переработке наркотиков в штате Флорида; кроме того, обслуживал лошадиные и собачьи бега, входившие в империю азартных игр мафии; сам пристрастился к этим играм. Чем-то он рассердил мафию, и та предложила ему выбор: подвергнуться пыткам, быть убитым или стрелять в Антонина Чермака. Зангара предпочел последнее.

У главаря чикагской мафии Аль Капоне было две причины ненавидеть Чермака. Тот поклялся очистить Чикаго к открывавшейся там в 1933 году всемирной выставке от мафистской «семьи» Аль Капоне и уже приступил к исполнению своей угрозы. Главарь мафии подозревал, что за акциями мэра Чикаго стояла соперничавшая с ним чикагская гангстерская банда Туги-Ньюберри. Подручные Аль Капоне «оседлали» Джузеппе Зангару при помощи филадельфийской мафии.

Параллельно Аль Капоне послал в майамский парк профессионального убийцу, имевшего револьвер калибра 45 (11,3 мм); пуля именно такого калибра была вынута из тела Чермака. У Зангары был револьвер калибра 32 (8 мм). После пальбы, начатой им, профессионал-убийца воспользовался суматохой и выпустил пулю, сразившую чикагского мэра.

Слухов о том, что с Чермаком расправился Аль Капоне, было предостаточно, но официальное следствие отмахнулось от них. Смельчаков бросить вызов свирепому «Мобу» («толпе» — от английского слова «mob»), как именуют в США собирательным жаргонным словом все разношерстные преступные банды и клики, не нашлось. Вдобавок возможные связи самого мэра с одной из ветвей преступного мира пахли весьма дурно.

Окончание следует.

И. Остроухов. ПЕРВАЯ ЗЕЛЕНЬ. 1887—1888.

Государственная Третьяковская галерея.

И. Остроухов. ЗОЛОТАЯ ОСЕНЬ. 1886—1887.

Государственная Третьяковская галерея:

Зигмунд ХИРЕН

Память войны

●

Однажды зашел у нас с Николаем Семеновичем Тихоновым разговор о том, что редко удается писателю осуществить все им задуманное, одной жизни человеку явно не хватает. Далее речь пошла о том, как все же сделать эту одну, пусть единственную, жизнь более насыщенной, благородной, яркой, полезной, нужной людям, Родине. Николай Семенович заметил, что некоторые писатели, стараясь всюду поспеть, ничего не упустить, иногда забывают, что злободневность художественного произведения заключается не в поспешном отклике на сиюминутное событие. И о сиюминутном надо писать так, чтобы проблема, поднятая в произведении, не умерла с появлением его на свет. Лишь такие произведения, заключил Тихонов, заслуживают названия злободневных.

О злободневности, значительности каждого прожитого дня, которые Н. С. Тихонов так страстно отстаивал, вспомнил я по прочтении документальной повести Владимира Карпова «Полководец». По роду работы довелось мне прочитать немало книг на подобную тему, быть знакомым, а иногда дружить со многими нашими военачальниками.

Героем своей повести Владимир Карпов избрал генерала армии Ивана Ефимовича Петрова, человека, чье имя в дни Великой Отечественной войны было известно военачальникам и рядовым солдатам.

На первых страницах повести под рубрикой «Воспоминания. Год 1945» сообщается о возвращении с войны в город Ташкент двух военнослужащих — генерала армии Петрова и капитана Карпова. В июле 1945 года генерал был назначен командующим Туркестанским военным округом, а капитан Карпов прибыл на побывку домой.

Иван Ефимович Петров поясняет гостю, бывшему своему курсанту Владимиру Карпову: «Я только приехал... Я здесь один. И вот, понимаешь, совпадение: у меня сегодня день рождения, мне стукнуло сорок девять! Никто не знает об этом. А какой-то один чудак вспомнил и вот этот торт прислал... Ты сладкое любишь? Сейчас мы с ним разделаемся. Есть у меня и горькое...»

Меня в этих строчках более всего изумила цифра сорок девять. Для меня генерал Иван Ефимович Петров, с которым я встречался на войне, был всегда человеком пожилым. Многие даже утверждали, что он и в царской армии уже до генерала дослужился, был чуть ли не одним из соратников самого Брусилова, состоял во время первой мировой войны при царской ставке. Легенды как бы витали вокруг этого человека.

В последний раз видел я генерала Петрова под Туапсе глубокой осенью 1942 года, когда обстановка в нашей Черноморской группе достигла наивысшего трагизма. Мало того, что группа должна была отвлекать на себя силы противника для облегчения положения Сталинграда. В наше ущелье, называвшееся по мирному времени «Молодежным», одна за другой шли шифровки с уведомлением, что ранее обещанные самолеты, артиллерия, боеприпасы передаются Сталинграду, а нам надлежит пока обходиться тем, чем располагаем. А располагала Черноморская группа остатками разбитых дивизий, отступавших на берега Черного моря от самого Донбасса. Ко всем несчастьям прибавилась нехватка продовольствия, с каждым днем все больше ощущавшаяся всеми без исключения. На наших глазах враг сжигал, топтал гусеницами своих танков наши нивы, нам же вместо хлеба приходилось довольствоваться стограммовой граненой стопкой сырых каштанов, принесенных крестьянами с горы Индюк. И вот в столовой штаба Черноморской группы рядом с начальником штаба генералом Антоновым увидел я генерала Петрова, только что прибывшего принимать Черноморскую группу войск.

В повести «Полководец» Владимир Карпов довольно обстоятельно повествует о тех, с кем довелось драться видному советскому военачальнику генералу армии, командовавшему фронтами, Герою Советского Союза Ивану Ефимовичу Петрову. И это объективный рассказ.

То, что написал о вражеских военачальниках советский писатель, Герой Советского Союза, точно, правдиво, документально. И именно это поднимает в глазах современного читателя авторитет нашей армии, наших военачальников. В повести нет громких фраз, нет псевдосаркастических эпитетов. Карпов рисует врага той же твердой рукой, с тем же тщанием, с той же убедительностью и знанием материала.

В повести В. Карпова перед нами встает ряд сражений, вошедших в историю Великой Отечественной войны едва ли не как самые трагические.

В отличие от многих книг о войне, где авторы стремились воссоздать «воздух сражений», В. Карпов почти целиком ушел в изучение образа мысли, характеров тех, кому Родина доверила командование войсками в самый критический момент. Не встретил я ни одной строчки, ни одной страницы, где бы автор пытался приукрасить характеры, обстоятельства. Он верен правде войны, не боится «договаривать до конца».

И, чтоб описать боевые действия Петрова, писателю пришлось немало потрудиться в поисках тех, кто соприкасался на войне с Петровым, объездить немало городов, чтоб своими глазами увидеть места, где шли бои, поговорить с десятками и сотнями людей, ну, и полистать немало архивных материалов. Однако все это не оставило отпечатка сухости, ощущения компилятивности. Мало того, автор не скрывает, что воспользовался мемуарами некоторых военачальников, имевших касательство к Петрову. Он даже приводит временами нонпарелью цитаты. Но полно, разве назовешь цитатами строчки, которые тут же сопровождаются живыми авторскими комментариями, смелыми репликами, размышлениями.

Выход номеров «Нового мира» с повестью Владимира Карпова застал меня в подмосковном военном санатории, где в это время находилось немало ветеранов — участников тех самых боев, о которых речь шла в книге. И, знаете, не было отбоя от ежедневных расспросов: «Читали «Полководец»?» или «Не у вас ли последний номер «Нового мира» с «Полководцем». Значит, книга сразу нашла своего читателя. Но было бы ошибочным считать, что повесть вызвала интерес только у ветеранов. В том же санатории отдыхало немало молодых офицеров. И их интерес к книге был ничуть не меньше.

Дело в том, что роль полководца на войне и поныне не до конца раскрыта в нашей литературе. Несмотря на обилие мемуаров, увы, не всегда делается в них попытка показать мозг армии. Героические подвиги как-то доступнее для описания. Слов нет, героизм имеет все основания быть у писателя на первом плане, но был еще героизм военной мысли, героизм полководцев, принимавших смелейшие решения в условиях, менее всего пригодных для подобного рода занятий. И вот именно Карпов поставил перед собой задачу показать, как это делалось на войне, в труднейших, «несоответствующих» условиях. А впрочем, несоответствующих ли? Военное искусство на то и искусство, что принимать решения приходится в условиях наитруднейших. Карпов не скрывает, что вовсе далеко не всегда принимались правильные решения.

Владимир Карпов создал портрет полководца Ивана Ефимовича Петрова с исчерпывающей глубиной и полнотой. Достиг же он этого не только благодаря изучению всех черт своего героя, но тщательнейшим изучением среды, с которой общался Петров на войне.

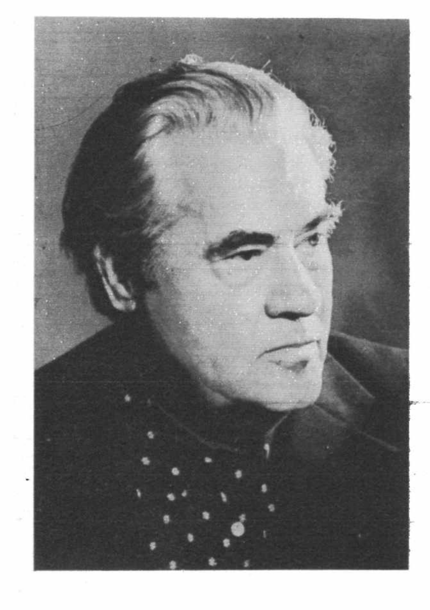
Рядом со строгой исследовательской нитью в книге ни на минуту не умолкает лирическая нотка, романтика, влюбленность в наших советских людей. Говоря же об исследовательском духе книги, крайне важно обратить внимание на дотошность автора, его стремление во что бы то ни стало дойти до всех, не только героических сторон, а и обнаружить и развязать тугие узлы. Позволю себе прибегнуть к небольшой цитате из последних страниц первой книги повести, а точнее, привести последний абзац из нее: «Мы расстаемся с Иваном Ефимовичем Петровым, когда он, выйдя из подводной лодки на кавказскую землю, глотнул не прохладной воды, как это было после прихода из Одессы, а вдохнул полной грудью чистый воздух и через некоторое время отправился в Краснодар к маршалу Буденному. Впереди его ожидали труднейшие сражения за Кавказ». Этому предшествует следующий эпизод. Петров только что продиктовал в Севастополе приказ, начинавшийся словами: «Противник овладел Севастополем. Приказываю: командиру Сто девятой стрелковой дивизии генерал-майору Новикову возглавить остатки частей и сражаться до последней возможности, после чего бойцам и командирам пробиваться в горы, к партизанам». Далее мы узнаем, чего стоило Петрову произнести вслух несколько этих слов. «Отдав последний приказ, Петров ушел в свой отсек. Он находился там один довольно долго. Член Военного Совета Иван Филиппович Чухнов стал беспокоиться и, подойдя к двери, приоткрыл ее и заглянул. И вовремя! Если бы не чуткость этого человека, мы лишились бы Петрова. В тот момент, когда Чухнов приоткрывал дверь, Петров, лежа на кровати лицом к стене, расстегивал кобуру. Чухнов быстро вошел в комнату и положил руку на плечо Петрова. Некоторое время они оба молчали... «Вы, и никто другой, должны вернуться сюда и освободить наш Севастополь». Петров сел. Глаза его блуждали. Он поискал пенсне, чтобы лучше видеть Чухнова, но не нашел, порывисто встал, одернул гимнастерку, поправил ремни и застегнул кобуру». В. Карпов показал нам умного, отважного, высокообразованного генерала, и он твердо знает, что упоминание о минуте слабости Петрова не изменит нашего отношения к нему. Писатель с дотошностью беседовал со всеми, кто знал Петрова, был рядом с ним, сражался под его командованием за Одессу, Севастополь, Кавказ. Думается, что вышеприведенная коротенькая цитата дает довольно исчерпывающее представление о характере этих бесед, о степени откровенности, правдивости, искренности собеседников Владимира Карпова, взявшегося написать повесть, причем, я бы сказал, не просто документальную, а скрупулезнейшую до мельчайших деталей. Иван Ефимович не успел написать мемуары, уведомляет нас автор, мы же, прочитав «Полководца», берем на себя смелость утверждать, что сам генерал никогда в жизни не смог бы рассказать о себе с такой глубиной, с такой откровенностью, как это сделал писатель. И дело тут даже не в том, что Карпов профессиональный писатель, а Петров был профессиональным военачальником. Просто подобного бы не написал Петров в силу своего характера, теперь, по прочтении книги «Полководец», нам хорошо это известно.

И еще я хочу в заключение сказать, что, прочитав книгу, подумал не только о ее героях, со многими из которых был знаком задолго до войны и на фронтах Великой Отечественной, а об авторе, которого ни разу в глаза не видел, впервые узнал, думается, и понял, прочитав его книгу. Признаюсь, я был покорен трудолюбием писателя, его абсолютной и непоколебимой влюбленностью в своего главного героя и не меньшей влюбленностью в то дело, которое выполнил он по зову сердца.

Закрываешь книгу о теперь уже далеком военном прошлом, и ощущение такое, будто писатель тебе доверительно сообщил о самом главном, самом важном для настоящего момента, а именно, что встает за двумя словами — такими простыми и в то же время ох какими непростыми для наших дней: мирное время.

В вышедшем сейчас № 11 журнала «Новый мир» опубликовано продолжение повести, посвященное сражению за Кавказ. Она читается с тем же захватывающим интересом к судьбе героя-полководца И. Е. Петрова. Мы надеемся в дальнейшем рассказать об этой части значительной работы В. Карпова.

Владимир Карпов. «Полководец. Часть первая. «Новый мир» №№ 5, 6. 1982.

ЗЕМЛЯ ОТЦОВ

К 70-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ П. Н. ВОРОНЬКО

«Слова поэта суть уже дела его». К сожалению, мы часто забываем эту старую истину и, говоря в юбилейные и праздничные дни о том или ином художнике, порой равняем основное его дело с массой второстепенных, побочных забот, которые вольно или невольно несет он на своих плечах. Но: «Я — поэт; этим и интересен»,— сказал уже в обозримом нами прошлом великий новатор стиха, подтвердив тем самым тот угол зрения, под которым только и имеет смысл говорить о поэзии.

Да, я плотины рвал,
Я не скрывался в скалах,
Когда дубы валились под грозой.
Лесная чаща надо мной склоняла
Густые ветви; желтою листвой
Укрытый, я лежал
под партизанским кровом,
И кровь текла по капле
сквозь бинты,
А лесовик склонялся седобровый
И спрашивал:
«Ты все взорвал мосты?»
«Да... все».

Так пишет украинский поэт Платон Воронько. Это достаточно давнее, созданное почти четыре десятилетия назад стихотворение сконцентрировало те черты его музы, которые дают нам полное право отнести автора к избранным «сынам гармонии». Точная метафора и логическая обусловленность каждой строки, философская глубина и гражданская насыщенность и, конечно, свобода, сплавленная с мастерством,— вот что отличает и выделяет это короткое стихотворение среди многих созданных о войне. Воронько не описывает событие, он живет в нем, его стихи вообще очень трудно, а порой невозможно пересказать прозой, ибо они сама гармония, привнесенная в мир, а проза — это та алгебра, которой в данном случае можно лишь разрушить гармонию.

Откуда к человеку приходит такой дар? Как рождается талант? Наверное, у Платона Воронько, сына певучей Украины, истоки надо искать в прошлом, у тех кобзарей и лирников (к ним принадлежал и дед нашего поэта), которые бродили по украинским степям, хуторам и селам, неся горькие и мелодичные песни о своей земле и тяжелой доле прекрасного, доброго народа. «Моя мать,— вспоминает Платон Никитович,— Марфа Ивановна, была нежной, застенчивой и постоянно печальной женщиной. Природа одарила ее прекрасным голосом, и, сидя долгими зимними вечерами за прялкой или ткацким станком, она пела тихо и грустно, словно разговаривала сама с собой. Слепой дед к зимним холодам возвращался домой и тоже пел под лиру или кобзу то казацкие думы, то песни со страшными сюжетами собственного сочинения. Так что в нашей семье достаток был, считай, только в песнях».

Жизнь поэта была непростой. Он работал на стройках Таджикистана — на Вахшстрое и в Ходженте, сражался с последними бандами басмачей в Каракумах, преподавал в средней школе. Когда в 1937 году он поступил в Литературный институт имени А. М. Горького, за его плечами уже была биография, которая давала что сказать людям, но молодого поэта ждали новые испытания.

В декабре 1939 года добровольцы-литинститутцы отправились на финский фронт. Среди них был политрук разведки Платон Воронько. И на долгие годы война вошла в его судьбу, определила многое в его творчестве.

Об этом прямо сказал сам Платон Воронько: «Когда началась война с белофиннами, группа наших студентов в составе добровольческих лыжных батальонов пошла на фронт. Здесь были талантливые поэты: Михаил Луконин, Николай Отрада, Арон Копштейн, Иван Бауков и другие. Нас очень хорошо встретили бойцы регулярной армии, очевидно, потому, что мы имели автоматическое оружие и умели ходить на лыжах. Но как поэты мы успеха не имели. Простые и хорошие хлопцы, привыкшие говорить и думать без хитросплетений, не понимали наших стихов. Кроме, пожалуй, веселых песен Арона Копштейна. Но эти песни, как и их автор, навсегда остались в снегах севера. Там же остался и талантливейший поэт, не успевший оставить свои стихи народу, Николай Отрада. Финская война научила меня двум вещам: как минировать и наводить мосты и как не нужно писать стихи».

Не случайно его первая книга названа «Карпатский рейд». Рожденные у партизанских костров стихи П. Н. Воронько начисто лишены внешней красивости и риторической суеты. Это жесткая, но романтичная поэзия, исполненная высокого патриотизма и глубокой веры в победу. Будто шелест и шорох тревожных ночей рождали эти стихи; чудовищное напряжение слышится в их ритме:

— Чертова ночь...
Голову прочь
В пору сорвать!..
— Что голова!..
Тол береги,
Рядом враги,
Близко мосты.
Бродом брести...
В воду со шпал,
В зубы запал,
В шапку — по два...
Что голова! —
Ветер и тьма.
Стежка нема.

В очень хорошей статье-предисловии к только что вышедшему «Избранному» Платона Воронько Борис Олейник точно заметил связь судьбы и музы украинского поэта с романтической поэзией другого воина, стихами, рожденными в иную эпоху и на другой земле: «Что-то есть в его доле от судьбы партизана-поэта Дениса Давыдова. Только более тяжелая и опасная дорога выпала юноше XX столетия».

Память войны, она не истаивает, не исчезает в дымке лет. Лишь глубже, обобщеннее делается ее постижение, не затихает, а обостряется боль от бед, которые несет людям пожар войны. С годами от партизанской лирики к философской поэме «Зажег бы навечно» делает шаг Платон Воронько. Он стремится в шестнадцати главках-стихах, составляющих эту поэму, выявить связь времен и сказать свое слово о мире и войне. Не забудем, что это слово говорит поэт-воин, и потому так яростно, обнаженно-публицистично звучат его глубоко выстраданные строки:

О, если б то древо сквозь сердце
росло,
Которым так жажду я мира!
Я сразу бы — в стремя,
Я сразу б — в седло
И — к югу, к Вьетнаму,
по вихрям Памира,
И в Африку бы,
И в Америку тоже:
Содрал бы с войны ее чертову
кожу...

Поразительно современно звучат сегодня эти стихи. Впрочем, настоящая поэзия всегда актуальна, но лишь настоящая поэзия выдерживает проверку временем. Одним из лучших тому подтверждением в творчестве П. Воронько может быть поэма «Стояны», написанная в 1954 году и блестяще переведенная на русский язык В. К. Звягинцевой. Поражает чувство времени и исторической памяти, которое передает поэт в масштабном эпическом произведении. Связь времен, преемственность героических традиций утверждает он, обращаясь к легендарному подвигу братьев Стоянов, но не декларирует свои мысли, а передает их тонко, поэтично и музыкально. Это, конечно, не случайно — за плечами мастера опыт великих предшественников, среди которых, несомненно, первый — украинский гений Тарас Шевченко, чьи традиции явственны в поэзии П. Воронько. Его муза, как и муза Т. Г. Шевченко, непосредственно восходит к корню народному, к глубинам украинской песни и фольклора.

Творчество большого мастера многообразно. У Платона Никитовича Воронько есть прекрасные детские стихи, тонкая светлая лирика и широкие эпические полотна. В своих произведениях он напряженно размышляет о будущем, ни на минуту не забывая минувшего.

Живет и творит на Украине прекрасный художник, и песня его достигает сердец всех, кому дорога истинная поэзия.

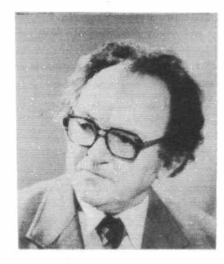
П. ВОЛНАТЕНКО

ТАЛАНТ И ВЕРНОСТЬ

Ивану Лазутину — шестьдесят: возраст, когда рано подводить итоги, но пора оглянуться — что же сделано?.. А сделано немало. Лазутин, третий сын в многодетной семье рабочего-плотника, рано узнал трудности жизни. Но — учился... Выпускной школьный вечер прошел в субботу, 21 июня 1941 года. Воскресный рассвет встречали всем классом на берегу Оби; еще спал Новосибирск. А дальше жизнь пошла, как у большинства юношей из поколения двадцатых годов.

Матрос Тихоокеанского флота, солдат огневого взвода в гвардейских минометных частях на первом и втором Белорусских фронтах. В конце 45-го года Лазутин вернулся в Сибирь с огромным желанием учиться дальше. Молодости присуща дерзость, и замах солдата был широким и рискованным: документы он подал на юридический факультет Московского университета, где большой конкурс. Но получилось: зачислен! Студенческие годы прожиты в общежитии на знаменитой Стромынке, 32. И все эти годы Иван Лазутин занимался в руководимой Владимиром Луговским студии молодых поэтов. В 1951-м получил диплом с отличием. А потом ни учеба в аспирантуре, ни преподавание философии и логики не погасили главной страсти — литературы...

«Сержант милиции» был написан втайне от всех,— на мансардах и в полуподвалах. Втайне даже от друзей и родных. Был в этом труде огромный риск. Не написав даже маленького рассказа, Иван Лазутин взвалил на плечи жернов масштабной прозы. И ведь получилось! Повесть о работниках советской милиции еще в рукописи была удостоена премии на Всесоюзном конкурсе художественной литературы МВД СССР и Союза писателей СССР.

За четверть века книга многократно издавалась в стране и за рубежом. Ее стойкий успех объясняется просто: Лазутин первым в советской литературе сложил героико-романтическую сагу о рядовом солдате правопорядка, милиционере, раскрыв динамику этого тяжелого и опасного труда. И написал не по шаблону расхожего «детектива», а показал характеры героев, их любовь, радости, страдания и неудачи.

Инсценировка повести обошла в шестидесятые годы многие драматические театры страны. Позднее был снят трехсерийный телевизионный фильм «Сержант милиции».

Следующий роман И. Лазутина, «Суд идет», тоже имел успех у читателей. Переведенный за рубежом, он вызвал огромный поток писем. Второй том дилогии «Суд идет», под названием «Крылья и цепи», переходит из рук в руки в библиотеках.

Отдал дань Иван Лазутин в своем творчестве и теме Отечественной войны, которую сам прошел солдатом огневого взвода на легендарных «катюшах». Успеху произведений писателя способствовал и опыт войны и писательский опыт.

Хочется от души пожелать Ивану Лазутину доброго здоровья, все остальное при нем: знание жизни, талант, твердые позиции писателя-коммуниста.

Сергей ЛИСИЦКИЙ

Д. Коненкова.

ЛИЦОМ К СОЛНЦУ

Ольга НЕМИРОВСКАЯ

Она называет свои скульптуры «Вдохновение», «Добрый», «Светлая»... Чаще всего это образы-символы дорогих ей понятий. Или, например, «Мудрый» — черты аскета, отстраненность от всего мелкого, низкого, титаническая работа мысли. Ее влекут сильные натуры, накал эмоций, жизнь духа. В «Набате» художник показывает борца, зовущего к свободе, восстанию: крупное волевое лицо, глаза, озаренные внутренним светом. Весь облик — словно набатный клич, призыв к людям.

Автор этих работ — Дина Коненкова. И сразу возникает вопрос: не родственница ли? Какое отношение имеет к великому мастеру? Обычно она отвечает уклончиво, просит не связывать имена, а посмотреть ее работы. И только потом, может быть, признается, что знакома, бывала, даже некоторое время жила на правах родственницы в той самой квартире на Тверском бульваре, где теперь музей-квартира Коненкова.

Узнав об увлечении своей юной землячки ваянием, Сергей Тимофеевич поначалу отговаривал, повествовал о терниях, которые ждут ее на этом пути, убеждал, что надо иметь волю Голубкиной. Он не хотел, чтобы маленькая, хрупкая девушка с большими глазами разочаровалась в тяжелом — и физически тоже — труде скульптора. Но она твердо знала, чего хотела. И работала, рисовала, лепила — часто рядом с ним, в той самой мастерской, заряжаясь его неистовой фантазией, вдохновением, которые еще больше воодушевляли, вселяли уверенность.

Сергей Тимофеевич оценил это. Заметил, что ей удаются женские образы, и попросил сделать лицо улыбающейся. Ему понравилось.

— Ишь, настырная какая,— звучно басил мастер, поглаживая свою длинную белую бороду, хорошо всем знакомую по «Автопортрету».— Задумала и не отступайся, добивайся цели. Иди! Будет из тебя скульптор.

В то время Коненков вместе с архитектором Саввой Бродским (ставшим позднее признанным художником-графиком, иллюстратором многих литературных произведений) обдумывал оформление музыкально-драматического театра в Петрозаводске. Помогать ему в этой работе — надо было выполнить большое количество фигур — скульптор пригласил недавних выпускников Строгановского училища. Среди них были М. Воскресенская, Б. Дюжев, А. Ястребов — работы этих художников с тех пор часто появляются на выставках.

Дине, которая училась тогда в Полиграфическом институте на художественно-оформительском отделении, Коненков поручил сделать несколько изображений на фронтоне и по углам здания. В них, полагал он, должны были слиться воедино театральность и поэтичность, символы классического искусства и национальные карело-финские черты, народный задор и античная традиция.

Работа под началом прославленного мастера — об этом можно было только мечтать. Он дал им всем очень много, научил творить неутомимо, искать выразительность, движение, совершенную пластику...

Олицетворением победы завоеванной, радостной стала «Нике» Коненковой. Мы знаем античное изваяние, стремительную фигуру, завораживающую, увлекающую своим движением. Энергичный взмах крыльев-рук, взвихренные одежды, напор, сокрушающий врага. Но мы не ведаем лика богини: его не сохранило время, и никто из древних авторов не оставил описание.

Коненкова сделала свой вариант: только голова, летящие волосы, лучезарное сияние, исходящее из каждой черты. Лицо ее Нике запрокинуто к свету, солнцу — поза, часто повторяющаяся у художницы.

...На одной из выставок Дина Андреевна составила композицию — союз двух Муз, науки и искусства, соединила портрет мужа, Дмитрия Ивановича Блохинцева, выдающегося ученого, физика, одного из создателей Дубны, и автопортрет. Оказавшись рядом, они как бы проясняли жизнь и творческие пристрастия скульптора.

Портреты Гениев. Эйнштейн, Менделеев, Леонардо, Курчатов, Жолио-Кюри, Циолковский. Изображения Микеланджело, Бетховена, Маяковского, Блока. Они вырезаны на деревянных плахах, индивидуальны, но общность их в неординарности, в духовной красоте и одержимости таланта. А ее Икар, созданный под впечатлением полетов в космос,— это прежде всего символ разума и воли: в неистовом взлете сильного торса — прорыв в неизведанное.

Мужество стало основным мотивом ее работ героической темы. А рядом — произведения, звучащие весенней песней с соловьиными трелями, шелестом листвы, журчанием прозрачных струй ручья. Это гимны Любви, возвышенной, нежной, пылкой. В них Коненкова воплощает порывы чуткого сердца, славит вечную женственность.

— Я была счастлива,— говорит она,— и мне хотелось воплотить это состояние в пластических образах.

Как-то молодая женщина задумчиво перебирала заготовки дерева в своей мастерской, изогнутые, причудливые, таящие скрытое движение, гладкие и узловатые, с наплывами. В руках у нее оказалась небольшая доска, неструганая, долевой срез, с явно обозначенными древесными кольцами; они то утончались, то расширялись к середине. Дерево было таким теплым, естественным, словно хранило в себе память о большой, долгой жизни, и она не могла отвести от него глаз. Вдруг оно улыбнулось ей. Широко, ласково, будто майское солнце. Казалось, в утолщении доски затаилось приветливое круглолицее светило, оно глядело на нее по-приятельски просто, принимая все более определенные черты. Женщина взяла резец и несколькими штрихами закрепила изображение. К краям доска сужалась, и конец линии уходил как бы вдаль, в бесконечность...

Так родилась «Улыбка», одна из ранних работ Дины Коненковой, явив нам интересного скульптора, со своим особым мироощущением, восприятием, пониманием прекрасного. Дерево оказалось ей родным, она чувствовала его дыхание, податливость, готовность к восприятию всего, что в ней было, и изливала в нем свои чувства, все передуманное, пережитое.

Когда вы оказываетесь среди ее работ, начинает казаться, что они находятся в движении, и хотя у каждой своя орбита, но все активно требуют вашего внимания. Дина Андреевна не любит статичности; неподвижность, вялость — не для нее. Даже в состоянии покоя, в работе «Утро», таится сгусток будущей энергии. Ее «Летящая» — гибкая, тонкая, почти невесомая фигурка в стремительном пируэте. Балерина, гимнастка? А «Утро» — это освобожденное дерево. Она отобрала лишнее, то, что скрывало изображение. Нашла изящную, мягкую линию, и появились милые очертания полулежащей, приподнявшейся на локте. Проработано только лицо, все остальное — изгиб, тело даны лишь намеком, как набросок. Но сама линия ликует, она может поведать нам больше, чем иная дробная, скучная разработка. Все здесь излучает пробуждение любви, обаяние, грацию молодости.

Та полнота душевного покоя, гармония, просветленность, которые скульптор постоянно утверждает в своих работах, несовместимы с трагедией войны, опустошением, насилием, злом. И потому появилась — не могла не появиться — ее «Мать смоленская». Словно обугленное, темное дерево, лик, почерневший от страданий и горя. В огромных глазах застыла слеза, крепко сжаты губы. В этом широко взятом образе — обобщение: не только мать, оплакивающая своих сыновей,— мать партизанская, готовая к возмездию; строгие черты, внутренняя сила...

В среде физиков, где долгое время жила Дина Андреевна, отлично понимали, какую опасность несет с собой ядерная война. И она ваяет «Песню миру» — свободную и гордую женщину планеты, создает «Реквием павшим — память живых». На дощатой стене легким контуром, кое-где углубленным резцом, словно издалека возникают изображения мощных, взметнувшихся мужских голов. Кажется, что в напряженной тишине звучит страстная, могучая музыка Бетховена. Всего пять изображений, но их размещение в пространстве предполагает множественность. Они будто заполняют все вокруг, славя погибших, страдают, клянутся, взывают к живым.

Однажды в украинском селе ей показали место, где до войны была церковь. Гитлеровцы сожгли в ней все местное население — женщин, детей, стариков. Дина Андреевна содрогалась при мысли о муках, которые они приняли, пыталась представить их последние минуты: о чем думали, какими были... И вот на большом панно, на ткани — пока это только эскиз — жертвы фашизма. Художник передает разные состояния, которые тогда могли владеть людьми: смирение, страх, отчаяние — и последняя попытка сопротивления, даже если оно обречено на провал.

Скорбь сжимала сердце, когда она работала над этим панно. В противовес ему хотелось утверждать все сущее, и в «Ритмах жизни» она показала созидающих, противоборствующих, любящих.

Пожалуй, самое любимое и самое поэтичное творение Коненковой — «Юность». В ней нежность, взлет души, сияние чувств. Завершив один из вариантов этой скульптуры, Дина Андреевна написала:

«Юность! Смогу ли я исчерпать тебя?»

ЮНОСТЬ.

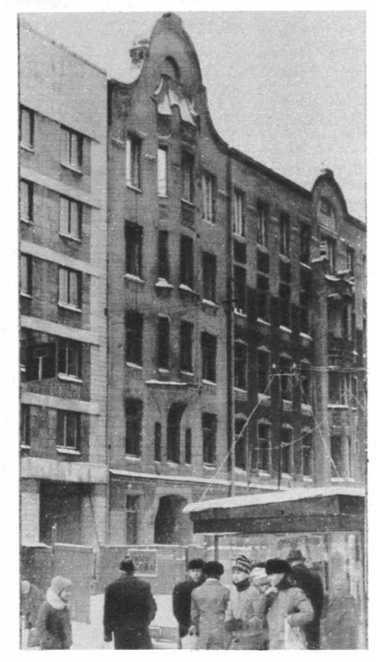
НАТАША.

ПОЧТИ ДЕТЕКТИВ

ЗОЛОТО... ИЗ КАМИНА

СТРАННЫЙ КИРПИЧ ● ИСТОРИЯ СЛИТКА ЖДЕТ РАЗГАДКИ.

Этот дом хранил клад.

Фото Б. Клементьева

Старые дома нередко хранят старые тайны... С одной из них довелось встретиться стропальщице Полине Ивановне Крючковой, участвовавшей в демонтаже дома № 16 по 13-й линии Васильевского острова.

Более тридцати лет отдала она строительству. Работая в Управлении капитального ремонта, каких только зданий, комнат не повидала на своем веку. И, естественно, не знала, не гадала, что счастливый случай поджидал ее в этой, обычной вроде квартире за номером 12.

Впрочем, поджидал ли? Ведь не обрати она внимания на странный кирпич, так бы и отправился он на свалку вместе с прочим строительным мусором, оставшимся после того, как был разобран находившийся в квартире камин.

Однако обратила... А когда, взяв находку в руки, смахнула с нее пыль, удивленно воскликнула: «Никак золото!» Почему так сразу решила, и сама не могла объяснить. Ничего подобного никогда не видела даже, но уж больно все совпадало с общеизвестными приметами: и теплый желтоватый цвет и необычная для такого небольшого размера (с ладонь, а толщиной с обычный кусок мыла) тяжесть.

Товарищи из бригады, работавшие рядом, поначалу рассмеялись. Уж больно абсурдной показалась сама мысль: легче «Волгу» по лотерее выиграть, чем этакий подарок в мусоре отыскать. Однако, когда пригляделись повнимательнее, увидели пробу: «Зол. 869» и «Сер. 125»,— поняли, что надо вызывать милицию.

Вот так необычная находка попала к инспектору Управления БХСС С. Н. Одинокову.

— Точный вес ее 3474 грамма,— сказал Сергей Николаевич.— Это один из самых больших кладов, найденных за последние годы. Рекорд, напомню, принадлежит «Гостиному двору» — в октябре 1965 года строители, взламывавшие пол в помещении № 87, нашли сразу восемь золотых «кирпичей» общим весом в 128 килограммов! До революции в этом и соседних помещениях располагался крупнейший петербургский ювелирный магазин И. Е. и В. И. Морозовых. Они эмигрировали из России, и скорее всего золото было припрятано до «лучших времен». Так что тут все более или менее ясно.

История этого слитка более загадочна. Разумеется, я встретился с семьей Громовых, живших в двенадцатой квартире до капремонта. «Мы въехали сюда лишь в 1948 году,— рассказала Нина Александровна Громова.— Я-то была совсем молоденькая, а вот мама вспоминает, что раньше здесь жила Наталья Николаевна Браилко из семьи, похоже, весьма обеспеченной. Обстановка, говорили, была у них богатой, на стенах картины в три ряда, библиотека хорошая. И фотография еще памятна — важный такой морской офицер при всех регалиях. Ну, а про камин что сказать — очень красивый был и действовал исправно, иногда пользовались, топили...»

Итак, Браилко? После разговора с Сергеем Николаевичем я поднял старые петербургские справочники и выяснил, что инженер-механик, старший лейтенант Петр Петрович Браилко действительно жил на 13-й линии Васильевского острова. Сначала в доме № 20. А в шестнадцатый он переехал в 1931 году.

Владела же этим солидным пятиэтажным строением (до 1917, естественно, года) некая Эвелина Эдуардовна Лентц. Камин в 12-й квартире, говорят, был единственным в доме, поэтому логично предположить, что именно эту, лучшую квартиру дома занимала его хозяйка. И согласитесь, что именно ей, владелице, было куда сподручней, чем кому-либо, оборудовать в старом камине тайник. Ну, а мотивы все те же: авось, вернутся «золотые денечки».

Впрочем, это, повторяю, всего лишь гипотеза. Возможно, какие-то новые интересные факты даст изучение слитка, на поверхности которого выдавлены крохотные царские гербы, двуглавые орлы в кружочках и непонятный пока знак «Бл. 1917».

— Во всяком случае, в нашей достаточно полной коллекции подобного слитка не имеется,— заметил начальник отдела нумизматики Эрмитажа В. М. Потин.— Судя по всему, это какой-то банковский слиток периода революции. Остальное еще предстоит выяснить.

Да, немало загадок специалистам задал василеостровский клад. Быть может, что-то любопытное о доме № 16, его бывшей хозяйке, старых жильцах, таинственном знаке «Бл. 1917» известно кому-либо из наших читателей?

О. ПЕТРИЧЕНКО

Ленинград.

Сергей ГРАХОВСКИЙ

Исполнилось семьдесят лет Сергею Ивановичу ГРАХОВСКОМУ, современному белорусскому поэту. Мы сердечно поздравляем Сергея Граховского со знаменательной датой и публикуем его новые стихи в переводе Михаила Дудина.

* * *

На чем же держится Земля?
На трех китах?
На песне птицы вешней?
Иль на обломках корабля,
Заброшенного вечностью
нездешней?

К изгибу солнечной дуги
Земля прибита неразрывной
цепью.
Ее орбиты четкие круги
Вселенскому под стать
великолепью.

Мне огненною кажется вдали
Ее судьба с моей судьбою вместе.
Но держится бессмертие Земли
На добрых людях совести и чести.

...ЕСТЬ И ТАКАЯ КОЛЛЕКЦИЯ

СОЛОВЕЙ В БАБУШ

Вы хотите зимой послушать пение соловья? Думаете, нельзя? Нет, можно!

Есть люди, которые посвятили свою жизнь охоте за голосами животных и птиц. Этим занимаются профессиональные зоологи для вполне серьезных целей. Существует целая наука — биологическая акустика, изучающая общение животных, их органы слуха, звуковой язык. Как ботаник работает с гербарием, а петрограф — с коллекцией минералов, так зоолог-биоакустик — с записями голосов животных. Он их анализирует на специальных приборах, полученные спектограммы и осциллограммы сравнивает между собой, описывает в физических единицах. Это помогает расшифровать смысловое значение звуков животных, выяснить их роль в регуляции поведения, внести уточнения в систематику. Казалось бы, чистая наука. Но оказывается, записи голосов животных находят и прикладное применение, порой неожиданное. Прежде всего в медицине. В постинфарктных, детских и неврологических санаториях и отделениях больниц трансляция магнитофонных записей звуков природы входит в комплекс успокаивающей психотерапии. А вот последний пример такого рода: голоса птиц были включены в сеанс передачи для космонавтов А. Березового и В. Лебедева во время их длительного полета на «Салюте». Сотрудник нашей кафедры зоологии позвоночных А. Тихонов получил недавно премию Ленинского комсомола за прикладные работы в области биоакустики. Ему, в частности, удалось значительно уменьшить отход среди инкубаторных цыплят посредством звуковой стимуляции их кормления в первые часы после вылупления.

С той поры, как зоологи получили техническую возможность фиксировать голоса животных на магнитную ленту, появились первые специальные коллекции. Одно из таких собраний — фонотека голосов животных — имеется на биологическом факультете МГУ. В ее фонде три тысячи записей на магнитной ленте и на грампластинках. Самые старые сделаны в 1910 году. Это трели соловья на грампластинках фирмы «Пишущий амур» и «Зонофон». Так что у современных стереофонических долгоиграющих дисков с их безупречным звучанием именитых пернатых певчих были шеллаковые предшественники. И здесь хочу поделиться с читателем нашей постоянной заботой.

Помогите нам найти все пластинки на 78 оборотов с голосами птиц и подражаниями им, которые были выпущены в первой половине века и предназначались для проигрывания на граммофонах и патефонах. Такие пластинки встречаются все реже. До революции

четкие круги

ЧЕЛОВЕК И БОГ

Бог человека не лепил из праха
Для смертных мук в покрытый
мраком век.
Порою бога в наважденье страха
Из недотепы делал человек.

И сам усердно бил ему поклоны,
Хоть твердо знал, что бог —
совсем не бог,
Своей рукой писал с него иконы,
Не выставляя бога за порог.

Не веря богу, он боялся мести
И гнева бога, страшных сил и дел,
А сбросить страх со старым богом
вместе
Ни смелости, ни силы не имел.

СОМНЕНИЕ

Последнюю выверив фразу
У рифмы и ритма в кругу,
Еще не остывшие, сразу
Я бросить стихи не могу.

Меня угнетающий фактор
Их незавершенная стать —
Возможность, что главный
редактор
Им головы снимет опять.

Мне с ними нельзя разлучиться.
Я их подписать не могу.
Ночь вместе с метелицей мчится,
А я у рассвета в долгу.

КИНОМ СУНДУКЕ

и в советское время было выпущено в свет двадцать три диска. На каких чердаках теперь пылится «Подражание курскому соловью» в исполнении Н. Никифорова — одно из первых подражаний птице, выпущенных фабрикой Ребикова в 1904 году? Или пародия «Качели» в исполнении циркового артиста А. Дурова под аккомпанемент визжащего поросенка и крики дрессированного петуха? Эта пластинка была сделана в 1912 году небезызвестной фирмой братьев Пате. Или маленькая пластинка с этикеткой «Зонофон» под курьезным названием «Подражание свинье и наседке» в исполнении веселого артиста В. Мажеровского. Звукоподражания животным имеют давнюю традицию, это своеобразный фольклор. Даже в тридцатые — сороковые годы, когда запись на природе была все еще сложным делом, по радио и на грампластинках звучали голоса умелых имитаторов. Кто из нынешних сорокалетних не помнит замечательных радиоспектаклей «Черная курица», «За круглым столом»... Одна из пластинок, выпущенных в то время, была подготовлена бригадой Московского Художественного театра имени Горького под руководством В. Попова и предназначалась, видимо, для звукового оформления спектаклей. На ней были записаны звукоподражания стрижам, филину, грачам, жаворонку. Но этой пластинки, как и многих других на 78 оборотов, в коллекции нашей фонотеки пока, увы, нет!

Если в старом сундуке вы вдруг обнаружите тяжелый диск с архаичным амурчиком на этикетке и экзотическим названием наподобие «Утро в деревне» или «Трели соловья» — не отбрасывайте его небрежно в сторону. Может случиться, что это последний экземпляр. Пластинке место в нашей коллекции, а переписанные заново и выпущенные нашей промышленностью новые диски смогут в любое время порадовать любителей соловьиного пения.

И. НИКОЛЬСКИЙ,
хранитель
зоологической фонотеки
биофака МГУ,
кандидат биологических наук

У нас из холодильника потекло. Радио замолчало.
Погас экран телевизора.
Слышу, стучат в двери...

Открываю — соседка. «У вас тоже нету электричества?» — спрашивает. Могла бы и догадаться — звонок ведь не работает...

Стоп! — думаю. Значит, у нас тока нет. Что же делать? Другой человек, в другом городе, может, и растерялся бы. Но у нас в Киеве, в 605-м жэне, паниковать не надо. На лестничной площадке внизу (в каждом подъезде) висит на стене коробочка с кнопкой. Надавил кнопку, там сразу: шурх-шурх — и приятный женский голос:

— Слушаю.

Объяснил голосу все, как есть... Спрашивает: «Ваш адрес?» Назвал. «Не слышу номера квартиры...» «Во всем доме,— поясняю,— в доме света нету!» А она дальше: «Ваш телефон?» Вижу, интерес серьезный, очевидно, хотят в аварийной обстановке поддерживать со мною связь. Возвращаюсь домой, на душе посветлело, жду звонка... Что-то не звонят. «Как в детективе,— думаю,— шестьсот пятый не выходит на связь». С юмором думаю. Час думаю, другой... Уже без юмора. Вспомнил, что на вечер пригласил гостей. Давай их обзванивать: на всякий случай, говорю, приходите со свечками.

Темнеть начало. Гость повалил. Бегу к коробочке и давлю кнопку. А мне оттуда: «Слушаю... Не волнуйтесь. Вызов есть, но электрика нет. Мы вызов на городскую аварийку передали. Справьтесь по 0-57». Прибегаю домой, звоню. 0-57 успокаивает: «Вызов есть, электрик будет. Ждите. В городе много домов. Без света!»

Ну, если не наш один, тогда веселее. А тут еще гости, гитара, полутьма и телеящик не мешает!.. Из холодильника все — на стол. Не пропадать же! Больше всех дети довольны: уроки можно не учить...

Утром выяснил, что мой вызов с 0-57 передали на 0-88. Говорят, что ночью к нам приходил монтер и нашел отсутствие фазы. А нет фазы — это уже 0-88, горэнерго, а не 0-57, простая аварийка. У них четкое разделение труда для оперативности. Сгорела пробка — жэк, перегрелось в подъезде — аварийка, а уж если в масштабе дома что случилось — горэнерго отвечает. Звоню по 0-88. Меня успокаивают: не спешите, день только начался. Светло! «Так ведь ночь,— говорю,— уже была!» «А ночью,— резонно так отвечают,— темно. Вдруг у вас там эта фаза по воздуху, электрику же не видно».

В общем, после обеда въезжает во двор машина с красной будкой, выходят двое работников и задирают головы — дом наш осматривают. Осмотрели, поговорили о чем-то и... пошли в аптеку через дорогу. То ли анальгин, то ли валидол понадобился. Вернулись, один полез на будку, дотянулся до проводков — они у нас из трубы над самым подъездом выходят, и — о волшебство — появился свет. Да такой, что не только квартиру — мысли высветлил.

Я сразу все понял. Если бы накануне, еще вчера, в четыре пополудни, я позвонил бы, а не на кнопку нажимал,— они бы приехали и починили... бы! Рядовой факт!

А если взглянуть на этот факт в более широком масштабе? Скажем, в горсовете обсуждают работу коммунальной службы. Товарищ с трибуны заявляет, что всякие аварии устраняются... Ну и что? Это же ваша прямая обязанность.

Иное дело в нашем случае. Тут можно сказать: «В дни, когда... Идя навстречу... В подъездах установлены переговорные устройства, и каждый житель при любой неполадке имеет возможность напрямую связаться с диспетчером и вызвать ремонтников». Понимаете: немедленно вызвать! Тут сами собой напрашиваются бурные аплодисменты. И уже не столь важно, когда эти ремонтники появятся. Главное, есть что сказать с трибуны.

Когда электрик вот таким образом высветлил мои мысли, прояснилось и многое другое. Скажем, открылся огромный магазин одежды на Львовской площади — непосредственно в здании Министерства торговли республики. Так сказать, лицо фирмы. И вот, допустим, придет срок директору, тем более его начальнику, отчитываться. Ну, что он скажет? «В новом магазине покупатель может подобрать себе одежду по размеру и росту, не услышав слова «нет» от продавца»? Во-первых, невыразительно. Во-вторых, этого-то как раз покупатель сказать не может. Зато на целый доклад хватит разговора о дополнительных услугах, оказываемых покупателю. Перечисление этих услуг занимает два больших щита,— они и выставлены в витрине на том месте, где должны были бы красоваться образцы товаров. И чего там только не написано! «Организация системы информации... о наличии в продаже...», «устройство мест отдыха для покупателей», «организация мест встречи, которые потеряли друг друга», «продажа билетов на городской транспорт», «продажа лотерейных билетов», «сообщение мест нахождения детей, которые потеряли...» И еще много такого, всякого и разного. Но на фоне обилия дополнительных услуг теряется суть основного — торговли. Работы то есть.

...Этим летом мы вместе с коллегой, нашим белорусским корреспондентом, побывали в Виннице. В гостинице, у окошка администратора, красовалась капитально сработанная табличка «Мест нет». Гости города один за другим подходили и убеждались: ночевать негде. Зато сколько дополнительных услуг предлагала гостиница! В номере, кроме проспектов о дополнительных услугах, мы нашли и памятку для проживающих на случай пожара. В ней подробно были описаны необходимые действия, настолько подробно, что пока прочитаешь — сгореть можно. Был и такой пункт: «При невозможности выйти в коридор плотно закройте двери, станьте у открытого окна и взывайте о помощи».

...И ВЗЫВАЙТЕ О ПОМОЩИ

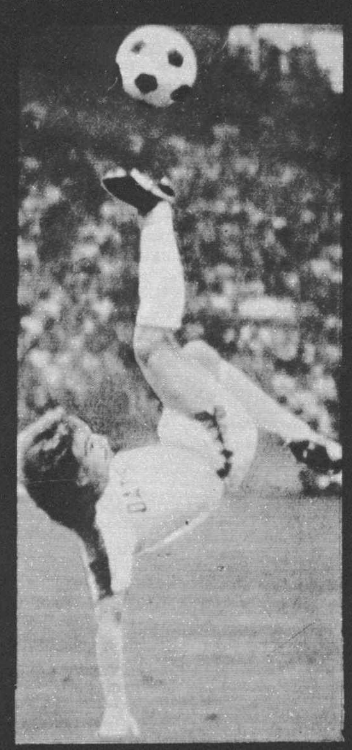
С тех пор, когда я слышу сообщение о дополнительных услугах, за пафосом которых основная работа кажется будничной и не заслуживающей внимания... мне действительно хочется стать у окна и взывать о помощи.

Станислав КАЛИНИЧЕВ

Киев.

ФИГУРНЫЙ ФУТБОЛ

Если все мы восхищаемся и аплодируем изяществу мастеров фигурного катания на коньках, вольтижеров или гимнастов, то почему бы не отдавать должное изящным пасам и пируэтам футболистов! Есть такое мнение, что над этим вопросом стоит подумать. Пока суд да дело, некоторые футболисты уже демонстрируют номера «фигурного футбола». Как, например, Франк Миль из западногерманской «Боруссии». Стоя на правой руке и левую вытянув в сторону, он принимает и отбивает мяч правой ногой. Если думаете, что это просто, попробуйте повторить.

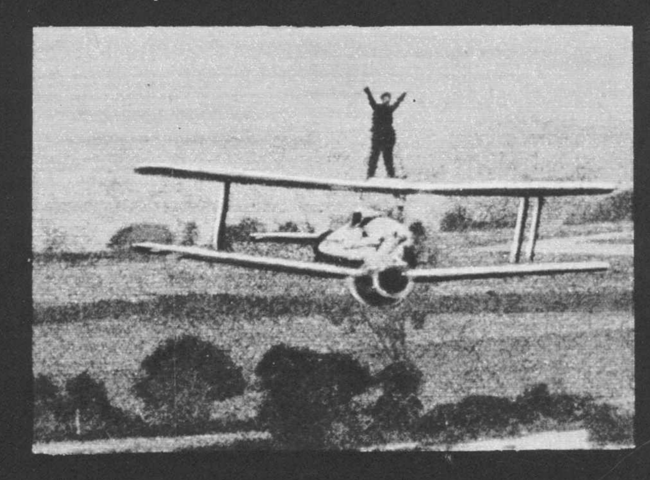

НЕОБЫЧНАЯ ВЫСТАВКА

В Праге открыта постоянная выставка, полностью посвященная собакам. На ней нет живых представителей разнообразного собачьего племени. Но здесь мальчики и девочки встречаются со множеством скульптур красивых и грозных, смешных и серьезных собак разных пород. Они выполнены из камня, гипса. Сорок скульпторов выразили свои впечатления, чувства, отношение к нашим четвероногим друзьям.

ТРЮКИ В ВОЗДУХЕ

Последний аттракцион английской каскадерки Жюли Бристоу — выступление с различными акробатическими трюками на плоскости летящего биплана.

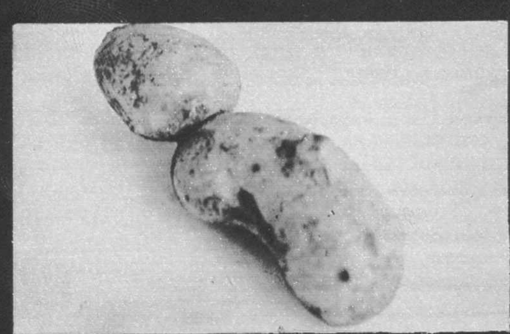
ТАКАЯ ВОТ КАРТОШКА

Динозавр.

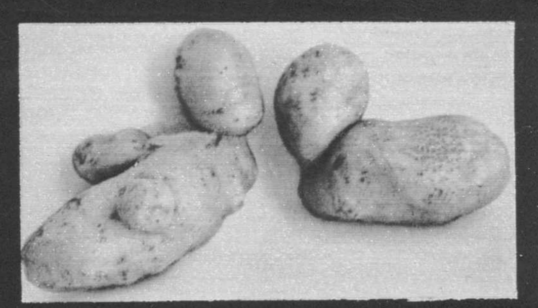
Эти причудливые клубни выкопал на своем приусадебном участке мой знакомый В. В. Гром, имена им дал его сын Денис, а я их сфотографировал.

И. НАЗАРЕНКО, пенсионер

Березань, Киевская обл.

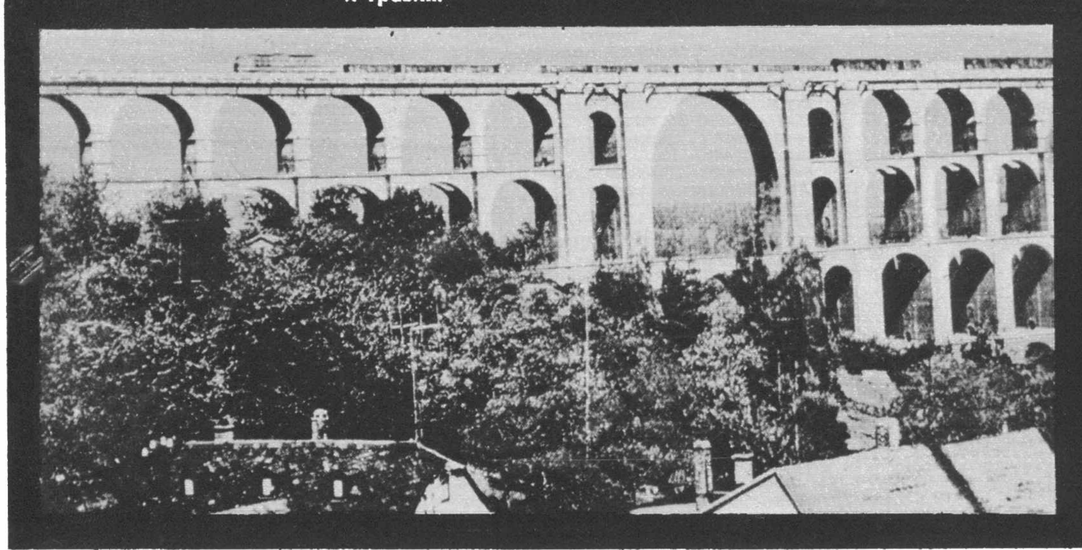
Несмышленыш.

Уточки.

МОСТ-РЕКОРДСМЕН

Самый высокий кирпичный мост был построен более 130 лет назад — 15 июня 1851 года по нему прошел первый поезд. Находится этот мост неподалеку от г. Райхенбах (ГДР). Высота его 78 метров, а длина — 577 метров. По своему виду он напоминает античный акведук. Как явствует из сохранившихся документов, на строительство этого моста пошло в свое время 26 миллионов кирпичей и 64 тысячи кубометров гранита, песка и гравия.

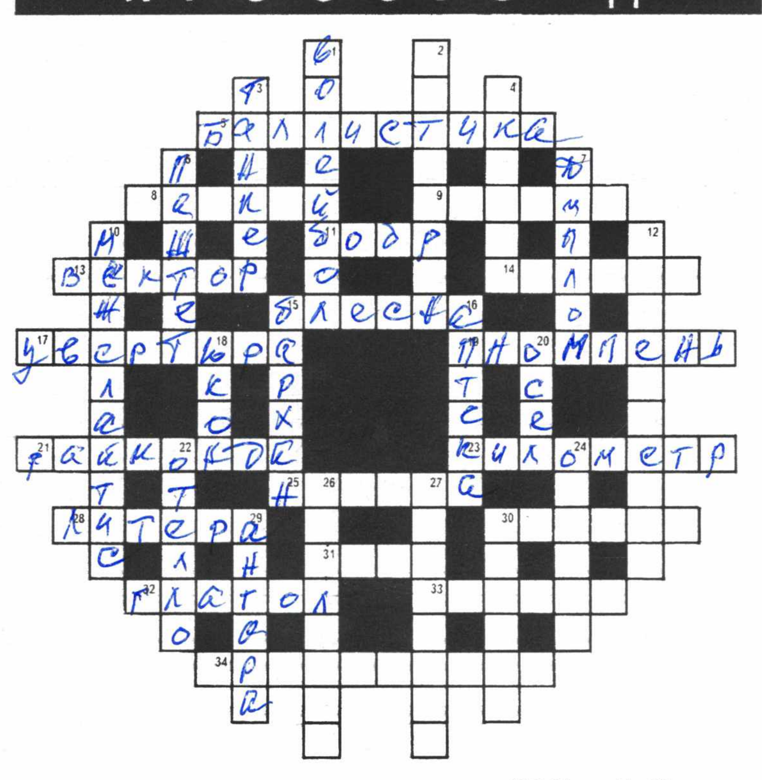

ПЕСТРАЯ СТРАНИЦА

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: 5. Наука о движении снарядов, пуль. 8. Персонаж романа Н. А. Островского «Как закалялась сталь». 9. Химический элемент, металл. 11. Пушной зверь. 13. Изображаемая отрезком прямой математическая величина. 14. Деталь, проволочный стержень, согнутый пополам. 15. Искусственная приманка для хищной рыбы. 17. Оркестровое вступление к опере, балету. 19. Столица государства в Юго-Восточной Азии. 21. Балет А. К. Глазунова. 23. Мера длины. 25. Морская промысловая рыба. 28. Брусочек с выпуклым изображением буквы, знака. 30. Небесное светило. 31. Рыба семейства карповых. 32. Часть речи. 33. Экс-чемпионка мира по шахматам. 34. Морское парусное судно.

ПО ВЕРТИКАЛИ: 1. Спортивная игра с мячом. 2. Циклический ускоритель электронов. 3. Судно для перевозки нефти. 4. Часть головного убора. 6. Мясное кушанье в виде пасты. 7. Документ об окончании учебного заведения. 10. Народный поэт Литвы, Герой Социалистического Труда. 12. Инструментальная музыкальная пьеса. 15. Песчаный холм в пустынях. 16. Учреждение, изготовляющее лекарства. 18. Река в Канаде и на Аляске. 20. Басня И. А. Крылова. 22. Опера Д. Верди. 24. Народная артистка СССР, снимавшаяся в кинокомедиях. 26. Сходство в определенных свойствах. 27. Летчик-космонавт, дважды Герой Советского Союза. 29. Приток Енисея. 30. Тригонометрическая функция.

КРОССВОРД

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 47

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: 3. Кугультинов. 7. Реализм. 8. Монотип. 9. Абрикос. 10. Обелиск. 12. «Квант». 13. Арнем. 15. Швейцария. 19. Инициал. 20. Альпака. 21. Синтаксис. 24. Совок. 26. Гоген. 29. Агроном. 30. «Анекдот». 31. Плинтус. 32. Одиллия. 33. Гамсахурдиа.

ПО ВЕРТИКАЛИ: 1. «Ульмасбай». 2. Штамповка. 3. Квадрат. 4. Глинка. 5. Нансен. 6. Витрина. 9. Аранжировка. 11. Контрафагот. 12. Косинус. 14. Мегафон. 16. Валки. 17. Цифра. 18. Иваси. 22. Термостат. 23. Каракорум. 25. Картинг. 26. Гадулка. 27. Анатом. 28. Период.

НА ПЕРВОЙ СТРАНИЦЕ ОБЛОЖКИ: Семейное чтение.
Фото В. Занько и В. Садчикова (ТАСС)

НА ПОСЛЕДНЕЙ СТРАНИЦЕ ОБЛОЖКИ: Фигурное катание на лыжах — новый в нашей стране вид спорта. Но многочисленные его поклонники уже успели освоить некоторые сложные элементы.
Фото Г. Розова

Главный редактор — А. В. СОФРОНОВ.
Редакционная коллегия: Д. Н. БАЛЬТЕРМАНЦ, В. В. БЕЛЕЦКАЯ, С. А. ВЫСОЦКИЙ (заместитель главного редактора), И. В. ДОЛГОПОЛОВ (главный художник), Д. К. ИВАНОВ (ответственный секретарь), Н. А. ИВАНОВА, В. Д. НИКОЛАЕВ (заместитель главного редактора), Ю. С. НОВИКОВ, А. Г. ПАНЧЕНКО, Ю. П. ПОПОВ, Н. П. ТОЛЧЕНОВА.

Адрес редакции: 101456, Москва, ГСП, Бумажный проезд, 14.

Оформление Н. П. КАЛУГИНА.

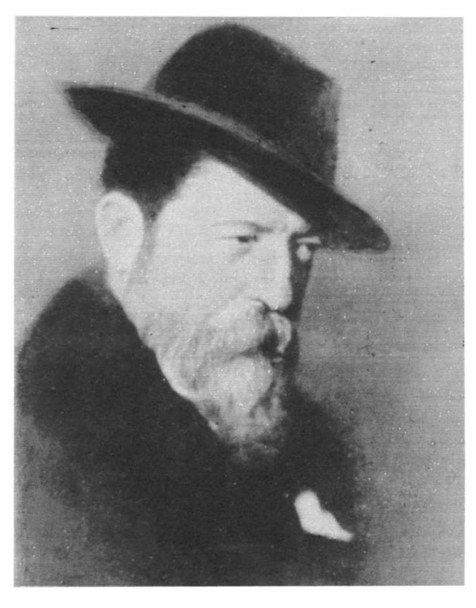
Телефоны отделов редакции: Секретариат — 212-23-27; Отделы: Внутренней жизни — 250-56-88; Международный — 212-30-03; Социалистических стран — 250-24-21; Искусств — 250-46-98; Литературы — 212-63-69; Поэзии — 250-51-45; Критики и библиографии — 251-21-46; Военно-патриотический — 250-15-33; Науки и техники — 212-21-68; Юмора — 212-14-07; Спорта — 212-22-19; Фото — 212-20-19; Оформления — 212-15-77; Писем — 212-22-69; Литературных приложений — 212-22-13.

Сдано в набор 5.11.83. Подписано к печати 22.11.83. А 00751. Формат 70 × 108¹/₈. Глубокая печать. Усл. печ. л. 7,0. Уч.-изд. л. 11,55. Усл. кр.-отт. 18,20. Тираж 1 780 000 экз. Изд. № 2964 Заказ № 1627.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина. 125865, ГСП, Москва, А-137, улица «Правды», 24.

МАСТЕР

ДЕЯТЕЛИ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ КУЛЬТУРЫ В ФОТОГРАФИЯХ М. С. НАППЕЛЬБАУМА

М. С. Наппельбаум (автопортрет).

В провинциальном городе царской России четырнадцатилетнему мальчугану пришлось приступить к работе, чтобы помочь отцу прокормить большую семью.

Так начал свою трудную и счастливую жизнь будущий мастер художественной фотографии М. С. Наппельбаум. В то время фотография была коммерческим предприятием. Единственное, что требовалось, — это знание ремесла. Были строго установлены каноны — на позу, на аксессуары, окружающие портретируемого, на размер фотокарточки. Стандарт был во всем.

Параллельно с освоением ремесла начинается интуитивная тяга к новаторству, правда, еще примитивному. Годы странствий в поисках работы и учебы: Варшава, Евпатория, Смоленск, Москва, Одесса, а затем и Америка, которая быстро разочаровала юношу, и он возвращается домой.

Пытливое изучение витрин фотографов, а затем и знакомство с музеями, художественными выставками открывают перед ним новый мир. Начались поиски свободной композиции, отказ от статичности, стремление придать персонажу движение, никогда не пользоваться аксессуарами обстановки из папье-маше и другой бутафорией.

Уровень профессиональной портретной фотографии был в ту пору катастрофически низок. В угоду коммерческим целям процветала пошлость, безвкусица. Теоретические споры, выставки — все это было недосягаемо. И он ищет более свободное и широкое поле для своей творческой деятельности. Потребность вырваться из замкнутого круга провинциальной жизни и фотографической среды заставляет его без всяких средств к существованию перебраться в Петербург. Здесь он начинает работать в качестве компаньона петербургского фотографа. Витрины ателье, расположенные на Невском проспекте, где выставлялись работы Наппельбаума, привлекают внимание. Он начинает сотрудничать в иллюстрированном журнале «Солнце России», получает приглашение снимать в Мариинском театре, в Консерватории, но, не имея собственной студии, молодой мастер находился в полной зависимости от хозяина. Хождение по мукам только начиналось. Не один раз он оставался без крова и заработка. Приходилось преодолевать косность заказчика, требование хозяина, но, несмотря на все трудности, он широко экспериментирует. Работает без единого свободного дня, с утра до позднего вечера. И вот приходит широкая известность.

С первых дней революции Наппельбаум страстно включился своим творчеством в новую жизнь. Не случайно ему поручили выполнить первый портрет В. И. Ленина. Этот портрет был размножен в миллионах экземпляров, фотограф получил письменную благодарность от Владимира Ильича.

В 1925 году в Париже состоялась Всемирная выставка фотографий, где впервые участвовали и советские фотографы. Наппельбаум послал туда ряд своих работ. На этой выставке ему присудили высшую награду — «Гран при».

Помимо снимков, мастер оставил нам книгу «От ремесла к искусству», освещающую весь путь становления художника. Автор рассказывает в ней, как новая жизнь страны, разнообразный круг встреч помогли ему глубже решать задачи художника-портретиста.

В выполненных им портретах всегда видна индивидуальность человека, его внутренний мир, характер.

Наппельбаум создал огромную коллекцию портретов: это общественные деятели, ученые, писатели, артисты, музыканты, художники. Она отражает все многообразие духовной жизни нашей страны. Многие его работы стали «хрестоматийными».

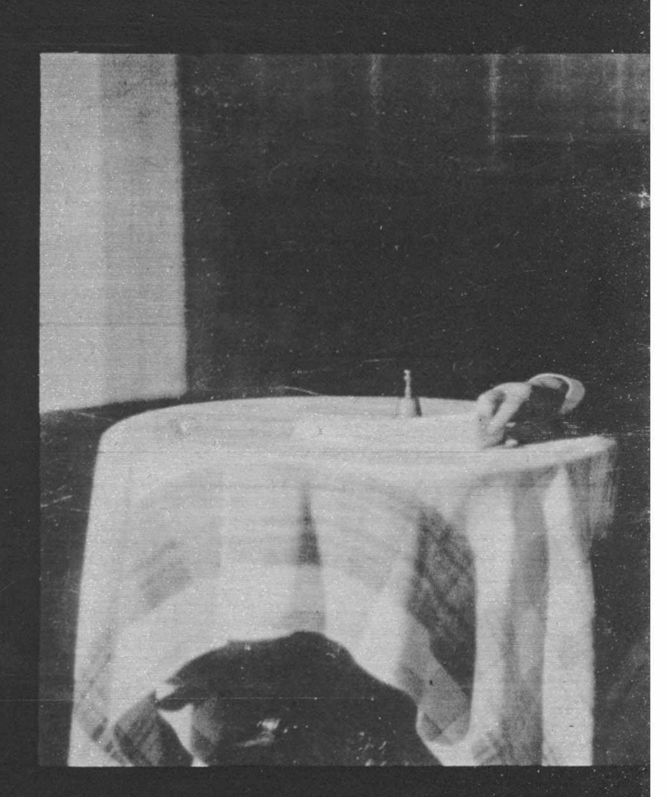
Например, общеизвестный портрет — профиль Феликса Эдмундовича Дзержинского, портреты Надежды Константиновны Крупской, В. В. Воровского, А. В. Луначарского, Г. Димитрова, Александра Блока, Максима Горького, Сергея Есенина, Анны Ахматовой, Демьяна Бедного и множества других.

В феврале 1935 года М. С. Наппельбауму было присвоено звание «Заслуженный артист республики». В Москве и Ленинграде состоялся ряд его выставок — творческих отчетов. Последняя прижизненная выставка была в Москве, в Доме ученых, в год его 85-летия.

Е. ЦАРЕНКОВА,
Л. НАППЕЛЬБАУМ

А. Н. Толстой.

А. М. Горький.

Андрей Белый.

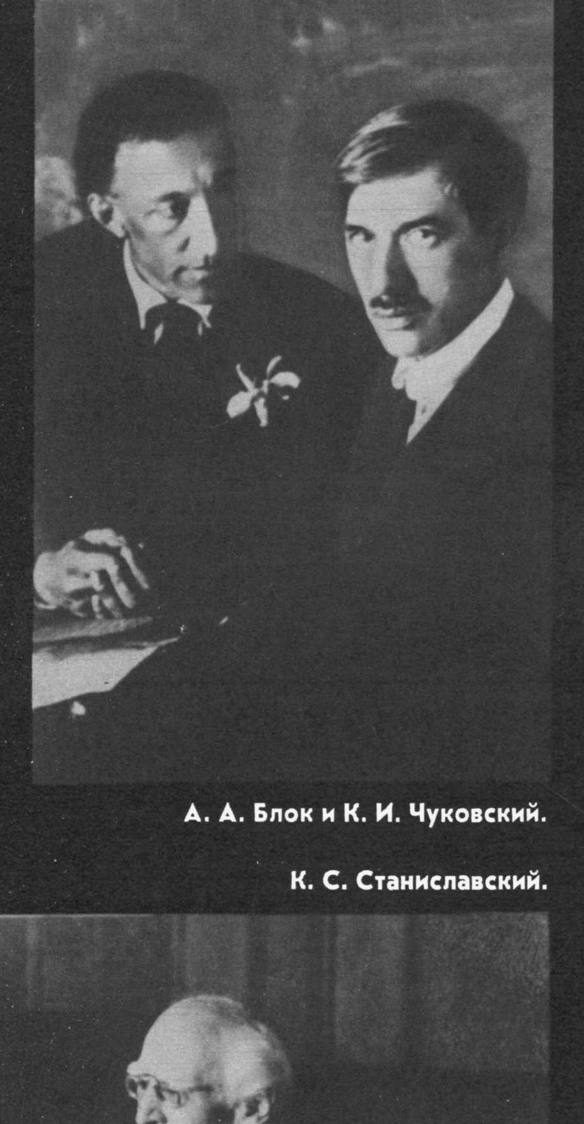

Н. С. Тихонов.

А. А. Ахматова.

А. А. Блок и К. И. Чуковский.

К. С. Станиславский.

Публикация Л. М. НАППЕЛЬБАУМА.

М. А. Волошин.

Б. М. Кустодиев (в кресле) у портрета Федора Шаляпина.

ISSN 0131—0097
Цена номера 40 коп.
Индекс 70663